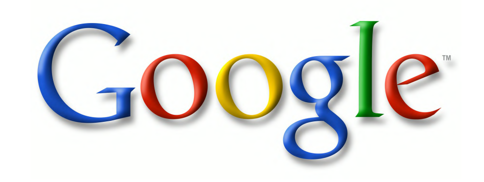
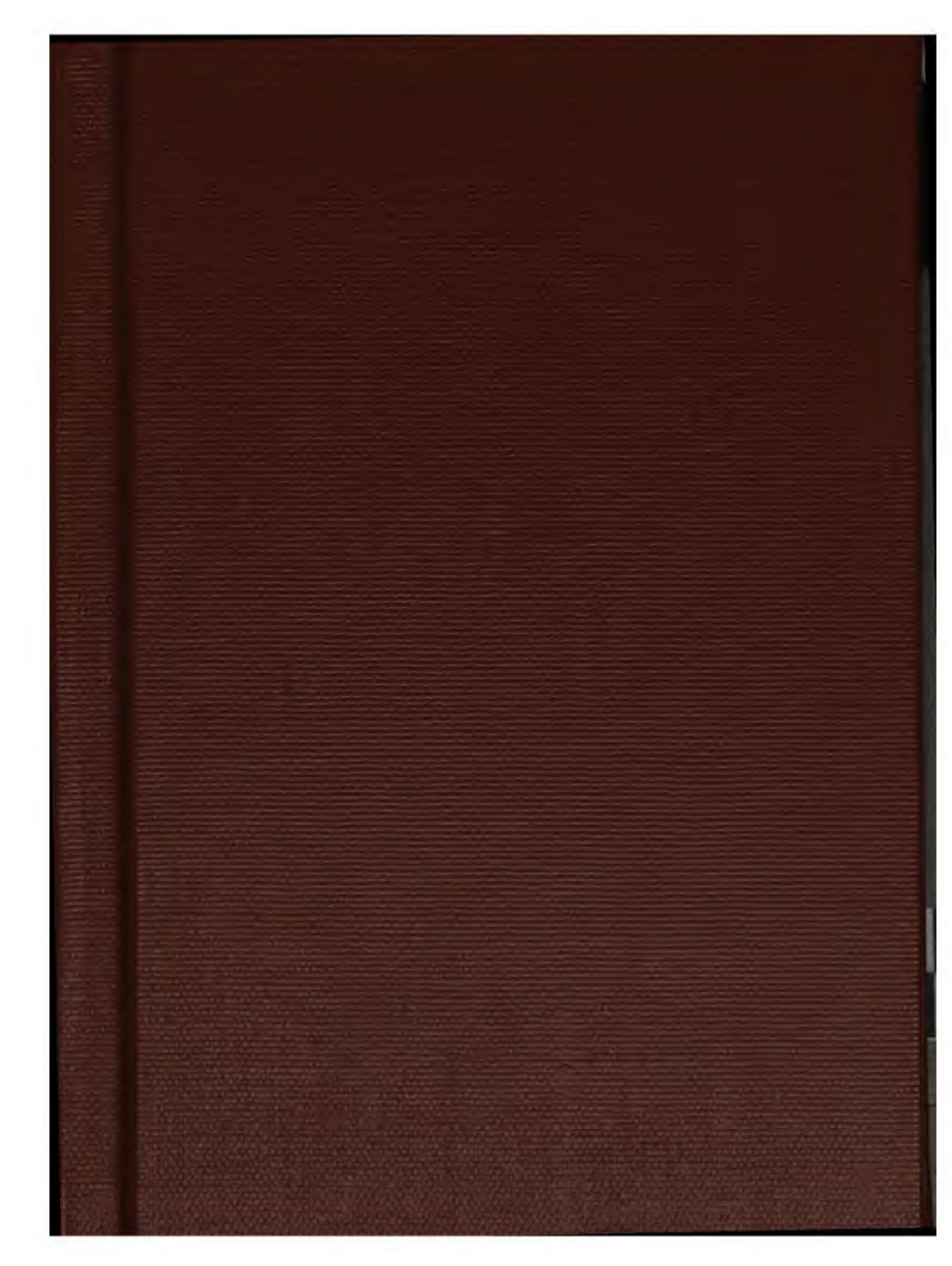




Sviatogorets

СТИХОТВОРЕНІЯ

СВЯТОГОРЦА,

СОБРАННЫЯ ПОСЛѢ ЕГО СМЕРТИ И ПОСВЯЩЕННЫЯ

ЛЮБИТЕЛЯМЪ И БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ

СВЯТОЙ ГОРЫ АѲОНСКОЙ.

Изданіе седьмое

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собств. д.
1903.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Апрѣля 14 дня, 1903 года.

Цензоръ Священникъ *Александръ Гиляревскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской, изданныя въ 1850 г., заслужили всеобщее уваженіе читающей публики, а потому нынѣ, собравъ, по возможности, оставшіяся послѣ его смерти въ рукописи стихотворенія, я издалъ ихъ и посвятилъ изданіе Богомъ спасаемымъ любителямъ и благотворителямъ святой Аѳонской горы и пользамъ русскаго св. Пантелеимонова монастыря, о которомъ поэтъ такъ жалобно тоскуетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, а именно въ „вечеръ на дачѣ.“ Стихотворенія эти были имъ писаны большею частію въ страдальческіе дни его одиночества въ мірской жизни, а частію и во время странствованія по св. мѣстамъ. Въ свое время поэтъ чувствовалъ и жилъ жизнію обыкновенною, испытывалъ радости

и счастіе, и послѣ сердечныхъ утратъ, разстался съ міромъ и посвятилъ себя скромному отшельничеству на св. горѣ Аѳонской, въ русскомъ св. великомученика и цѣлебника Пантелеимона монастырѣ, гдѣ въ послѣдніе дни своего земнаго поприща, по чувствамъ и по жизни, Святогорецъ не принадлежалъ уже міру, но въ великой схимѣ, пустынникомъ Сергіемъ, мирно предалъ кроткій духъ свой Богу, 17-го декабря 1853 года.

П. Кашкаровъ.

Пресвятая Богородице!... человѣческому предстательству не ввѣри мя, но Сама заступи и помилуй мя!

МОЛИТВЕННЫЯ ЧУВСТВА

предъ иконою Пресвятыя Богородицы.

О, кто выше Херувимовъ,
Чище дѣвственной душой,
И свѣтлѣе Серафимовъ,
Краше солнечныхъ лучей?
Выше неба, двери рая,
Дней таинственныхъ заря —
О, Ты Дѣва Пресвятая,
Мать великаго Царя!
Приклони Твой слухъ къ моленью,
Отзовись на голосъ мой
Сладкой радостью спасенья,
И державно удостой
Сердце грѣшное вниманья,
И на исповѣдь мою
И на слезы покаянья

Даруй милость мнѣ Твою!
Тронься Ты моей мольбою,
И съ превыспренныхъ круговъ
Марерински надо мною
Разверни Ты Свой покровъ!
Стыдно мнѣ сказать, какъ бурно
Юность жизни я провелъ,
Какъ безпечно и разгульно
Въ плѣнъ враговъ моихъ летѣлъ...
Чуждъ я былъ надеждъ спасенья;
Самый жизненный мой путь,
Страстный жаждой наслажденья,
Полонъ былъ грѣховныхъ смутъ;
Смерть и адъ,—и всѣ угрозы—
Я за шутки принималъ,
И смѣялся имъ сквозь слезы,
Если глубже въ нихъ вникалъ...
Я не зналъ отъ нихъ боязни!
Мнѣ не страшенъ былъ мой Богъ
Въ грозныхъ видахъ вѣчной казни,
И когда-бъ не превозмогъ
Самъ Онъ жесткости сердечной—
Ужъ давно бы, можетъ быть,
Долженъ чашу казни вѣчной
Я испытывать и пить!..
Но Твой Сынъ чадолюбивый,
Какъ заботливый Отецъ,
Какъ Судья и Богъ правдивый,
Грянулъ съ неба наконецъ...

Все я то,—что въ жизни мило,
Что усладой мнѣ земной
И блаженствомъ говорило—
Схоронилъ въ землѣ сырой...
О, теперь я безутѣшенъ,
Какъ безродный сирота,
Сознаю, что тяжко грѣшенъ,
Что угрозы—не мечта...
Смутно въ совѣсти тревожной!..
Сердца сладкій миръ далекъ!
О, я самый здѣсь ничтожный
И презрѣнный человѣкъ!..
Есть и радости земныя,
И сочувствіе въ друзьяхъ;
Но все то: мечты пустыя,—
Все разсыплется какъ прахъ!..
Нѣтъ, не это здѣсь мнѣ нужно,
Не того желаю я:
Для души моей недужной
Здѣсь, Заступница моя!
Я чуждаюсь ласки свѣта,
Связей дружескихъ боюсь,
Ихъ участья и привѣта,
И къ одной Тебѣ стремлюсь:
Ты пролей мнѣ утѣшенье!
Сердцу милостью повѣй!
О, покровъ мой и спасенье!
О, надежда лучшихъ дней!
Тяжелы мои страданья;

Горекъ опытъ дней моихъ,
При растратѣ упованья
Сладкихъ радостей земныхъ;
Сердце болѣ не находитъ
Жизни въ дружбѣ и любви,
И тоску ему наводитъ
Самый шумъ земной молвы…
Я люблю дышать пустыней;
Мысль съ-издавна занята
Богомольемъ и святыней;
Но я вѣтренъ, какъ дитя…
Силы нѣтъ! я свыкся съ волей!
Дай мнѣ помощь и тронись
Ты страдальческою долей,
И за грѣшника вступись!
Дай возможность, дай же силы
Выше всѣхъ искусовъ стать,
И до самой мнѣ могилы
Духовъ злобы побѣждать;
А когда изъ здѣшней жизни
Я, смиренный, позовусь
Въ край загробной той отчизны
И предъ Господомъ явлюсь:
Будь тогда Ты мнѣ защитой;
Умоли Его, какъ Мать,
И душѣ, грѣхомъ убитой,
Райской жизнью далъ дышать!
О Царица, Мать и Дѣва!
Вздохъ и слезы предъ Тобой,

Въ звукахъ скромнаго напѣва
И съ страдальческой мольбой:
Не отринь ихъ, Пресвятая;
Но съ превыспренней выси
Матерински имъ внимая,
Ты ихъ Богу принеси!
Дай, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ поднебесной,
Да и въ горней жизни, пѣть,
Какъ Невѣстѣ Неневѣстной,
Благовѣщенья привѣтъ:
*„Радуйся, Благодатная, Господь
съ Тобою!“*

1843 г.

Къ Животворящему Кресту.

Съ тревожной совѣстью гляжу на Крестъ святой,
И онъ мнѣ говоритъ о горькомъ томъ страданьи,
Которому обрекъ Себя Спаситель мой
За падшаго во грѣхъ и въ мрачность злодѣяній.
Гляжу и—слезы лью, Крестъ свѣтлый, предъ тобой!
О! этотъ Крестъ меня подниметъ отъ паденья,
И, слезы осушивъ, свободный дастъ мнѣ входъ
Въ недоступимый рай для жертвы заблужденья;
И этотъ же мнѣ Крестъ укажетъ мой восходъ
Отъ жизни тлѣнныя къ безсмертному жилищу
И къ Богу моему, и славой озаритъ,
И вѣчную душѣ прольетъ на небѣ пищу,
И съ Богомъ грѣшное творенье помиритъ!
О, слава давшему оружье намъ святое!
Крестъ злобнаго врага низложитъ здѣсь во прахъ,

И уничтоживъ все преступное и злое,
Вѣнецъ мнѣ соплететъ безсмертья въ Небесахъ!
1837 г.

Предъ иконою св. Архистратига Михаила.

Верховный Вождь и Воевода,
Архистратигъ небесныхъ Силъ,
И человѣческаго рода
Заступникъ теплый Михаилъ!

Завѣта Божія Хранитель,
И на враждующихъ духовъ
Гроза и пламенный Воитель
И Князь всѣхъ Ангельскихъ чиновъ!

Къ Тебѣ страдальческой душою
Отъ смутъ житейскихъ я парю,
И съ умилительной слезою,
Таинникъ Божій, говорю:

Ты видишь жалкія растраты
Безцѣнныхъ всѣхъ моихъ даровъ,
Мнѣ данныхъ Духомъ благодати,
И брань со мной моихъ враговъ!

Отъ дней младенческихъ доселѣ
Враги мои меня тѣснятъ,
И я на мысли и на дѣлѣ,
Отъ нихъ расхищенъ ужъ и смятъ

Съ пути, ведущаго до Бога!
И вотъ безъ чувствъ и дѣлъ благихъ,

Грѣхъ сладкій, страсть и ихъ тревоги —
Мой путь изъ всѣхъ путей моихъ!

Водясь въ сердечномъ заблужденьи
Движеньемъ только-что страстей,
Я часто жертвой былъ растлѣнья
Въ разцвѣтѣ первыхъ юныхъ дней!

Въ искусахъ демонскія битвы
Забылъ и думать я, чтобъ взять
Мнѣ щитъ божественной молитвы
И съ нимъ на славу отстоять

Невинность сердца, святость чувства,
Что все мнѣ Богъ въ крещеньи далъ,
И я отъ собственнаго буйства
Въ той вражьей брани смертно палъ!..

Враги тѣснятъ меня... ихъ плѣномъ
Я цѣлу жизнь мою томлюсь,
И скромно, въ чувствѣ утѣсненномъ,
Тебѣ, мой Ангелъ, я молюсь:

Ты видишь то, какъ врагъ лукавый
Меня въ пути житейскомъ смялъ,
И я свѣтильникъ вѣчной славы,
Во тьмѣ грѣховной потерялъ...

Я такъ ужъ демонскою силой
Охваченъ, въ плѣнъ втѣсненъ и взятъ,
Что сердце Бога разлюбило,
Не хочетъ слушать да и знать

Его законовъ, повелѣній,
И только проситъ каждый мигъ

Однихъ грѣховныхъ наслажденій,
Найти мечтая счастье въ нихъ!..

Чтожъ будетъ мнѣ, когда я снова
Дамъ волю сердцу моему,
Когда сверну съ пути Христова
Я въ адъ и въ демонскую тьму?..

Какъ я тогда отъ этой жизни
На небо свѣтлое явлюсь,
И къ славѣ райскія отчизны
Безъ крилъ духовныхъ понесусь!..

О, кто отъ Творческаго взора
Любовь Божественную пьетъ
И сонмамъ ангельскаго хора
Ее собой передаетъ!

Тебѣ молюсь я въ сокрушеньи,
Безплотныхъ силъ Архистратигъ:
Да будешь ангеломъ храненья
На скользкихъ поприщахъ моихъ!

Блюди меня Ты отъ порока
Криломъ хранительнымъ Твоимъ,
Веди меня къ путямъ Востока
И будь свѣтильникомъ моимъ!

Когда-жъ призывъ отъ жизни тлѣнной
Заслышу я, и часъ пробьетъ—
Душѣ моей, грѣхомъ растлѣнной,
Тогда Ты будь и жизнь и свѣтъ!

Свѣти ей къ небу путь воздушный,
Полки враждебные разсѣй,

Освободи темницы душной
И нестлѣвающихъ цѣпей!..

О, дай мнѣ зрѣть мой рай желанный!
Будь Самъ къ нему вожатый мой,
И свѣта славы трисіянной
Меня, мой Ангелъ, удостой!..

1839 г.

Туча.

Ты видѣлъ тучу... какъ она
На небѣ грозно бушевала,
И въ яркихъ проблескахъ огня
Летучей молніей играла...
Казалось такъ, что твердь разбилъ
Въ своихъ раскатахъ громъ трескучій,
И буйный вѣтеръ всполошилъ
Съ полянъ и горъ песокъ сыпучій...
Казалось жизни слѣду нѣтъ...
Но туча вдругъ на югъ склонилась,
И тотъ же сталъ нашъ Божій свѣтъ,
И жизнь въ немъ будто обновилась! ..
Страдалецъ бѣдный! не крушись!
Нашла бѣда: молись, не бойся—
Она пройдетъ, въ томъ несомнись,
И сердцемъ сладко успокойся!
Пускай разитъ тебя судьба,
И терны стелетъ на дорогу,—
Вручай довѣрчиво себя
Во всѣхъ путяхъ своихъ лишь Богу,

И Самъ тебя Онъ поведетъ
По всѣмъ тропинкамъ трудной жизни,
Пока не выведетъ на свѣтъ
И къ славѣ райскія отчизны!...
1837 г.

Черта изъ жизни святаго Василія Великаго.

(П. А. К—ву).

За ваши дружескія ласки—
(Я слишкомъ ими дорожу!)
Я вамъ не то, что въ тонѣ сказки,
А быль святую разскажу,
Въ которой видѣть вамъ нетрудно,
Какъ мы средь жизненныхъ путей
Порою смѣло и не трудно,
Въ движеньи сердца и страстей,
Бываемъ жертвою искуса,
И часто вѣтреной душей
Мѣняемъ даже Іисуса
На сладость временныхъ утѣхъ;
Какъ часто мы бываемъ падки,
Какъ дѣти къ шалости, на грѣхъ,
Къ нему стремимся безъ—оглядки,
Надъ бездной гибельной скользя;
Какъ часто, въ мигъ самозабвенья,—
Бѣжимъ, зажмуривши глаза,
На сѣти адскаго ловленья!..
И еслибъ Богъ не возмогалъ

Противу насъ своей любовью,
И грѣшныхъ душъ не измывалъ
Своей божественною кровью:
То что-бъ тогда на насъ сбылось?...
Погибли-бъ мы!... Но — слава Богу! —
Любовью движимый Христосъ,
Чрезъ всю земную здѣсь дорогу,
Ведетъ державно въ небо насъ,
И вотъ, коль будетъ вамъ угодно,
И есть для васъ досужій часъ,—
На это самый превосходный
Я предложу вамъ здѣсь разсказъ...

— —

Ужь слишкомъ поздно; лѣтній вечеръ
Послѣднимъ свѣтомъ догорѣлъ,
И отъ холмовъ полночный вѣтеръ
На долъ затихшій полетѣлъ,
Востокъ затученъ, и порою
Летучей молніей горитъ;
Въ раскатахъ дальній громъ гремитъ
Надъ помутившейся землею,
И море стонетъ и кипитъ...
И рѣдко-рѣдко выплываетъ
Изъ мрачныхъ грозныхъ тучъ луна,
И свѣтомъ весело играетъ
Въ тяжеломъ облакѣ она.

Куда-жъ въ грозу и въ темень ночи
Тревожно юноша спѣшитъ?
Онъ такъ разстроенъ; смутны очи,

И блѣденъ цвѣтъ его ланитъ...
Къ кладбищу робко онъ подходитъ;
Дрогнуло сердце въ немъ и слухъ,
И на его пугливый духъ
Оно невольный страхъ наводитъ
Покоемъ спящихъ мертвецовъ;
Но онъ крѣпится; въ видѣ тѣни
Мелькнулъ межъ множествомъ гробовъ,
И въ энергическомъ волненьи
На гробный камень ставъ, поднялъ
Онъ руку вверхъ съ запиской тайной;
Но въ видѣ огненномъ предсталъ
Пришельцу демонъ окаянный
И говоритъ ему: „что—чѣмъ
Могу тебѣ служить пріятель?“
„Ты, вѣрно, знаешь обо всемъ;
(Ему отвѣтствуетъ податель
Записки тайной)—для меня
Теперь же нуженъ сатана:
Мою сердечную докуку
Ему желаю предложить“...
„Прошу покорно!“ говоритъ
Ему лукавый; взялъ за руку,
И вихремъ шумнымъ понеслись
Они сквозь трещины подземной;
Неслись, неслись, все внизъ неслись,—
И вотъ чрезъ часъ на путь ихъ темный
Проникнулъ свѣтъ... „Чуръ не крестись!“
(Тогда замѣтилъ бѣсъ лукавый)

И очутились, наконецъ,
Они предъ трономъ дивной славы,
Гдѣ зрѣлся извергъ и гордецъ,
Нашъ врагъ давнишній и исконный,
Въ сіяньи царственной короны...
Вокругъ него вились тмы—темъ
Его прислуги раболѣпной,
И все казалось дивно въ немъ,
И все чрезъ-чуръ великолѣпно,
Хоть въ ложномъ призракѣ совсѣмъ.
Съ поклономъ юноша подходитъ,
Даетъ записку сатанѣ,
И тотъ бесѣду съ нимъ заводитъ:
— „Ну, что?—зачѣмъ, мой другъ, ко мнѣ?
Чего желаешь?—Изъ записки,
Мнѣ нынѣ поданной, я зрю
Любовь несчастную твою...
Готовъ помочь! Но вы такъ низки,
Такъ непризнательны, что я
Боюсь, пріятель, за тебя!
Едваль не всѣ вы, христіане,
На эту пору таковы,
Что—чуть несчастье отъ любви,—
Ко мнѣ съ поклономъ, какъ цыгане,
Готовы душу въ даръ отдать,—
Даете въ томъ рукописанье,
На все готовы, хоть и въ адъ;
Но чуть исполнилось желанье,—
Вы тотчасъ пятитесь назадъ!..

Не разъ меня вы надували
Въ подобныхъ случаяхъ, и я
Боюсь, пріятель, за тебя!
Бывало—многіе лизали
Меня съ любовью и, въ слезахъ,
Просили помощи въ печали
И въ вашихъ буйственныхъ дѣлахъ,
И въ неудачахъ отъ любви;
Бывало—били мнѣ челомъ
И подпись собственныя крови
Давали въ вѣрность; а потомъ,
Желанье выполнивъ, коварно
Меня бросали—и при томъ
Какъ низко, какъ неблагодарно!...
А вашъ Христосъ чрезъ мѣру благъ;
Онъ, всѣхъ пріемля покаянье,
Тѣснитъ меня въ моихъ путяхъ,
И что-коль это-жъ воздаянье,
Мнѣ нынѣ будетъ? Гордый врагъ
Съ улыбкой юношѣ замѣтилъ.
Нѣтъ, ваша мрачность, нѣтъ—никакъ,—
(На это юноша отвѣтилъ),
Не буду я коваренъ такъ!
Такъ чтожъ — согласенъ ли со мною
Ты муку вѣчную терпѣть?
(Прибавилъ сатана).—Съ тобою,
Воскликнулъ юноша въ отвѣтъ,
Готовъ на все, клянусь душою
Даю въ поруки жизнь и кровь,

Лишь дай любви моей отраду;
А тамъ, заразъ хоть, я готовъ
Тебѣ быть жертвою и аду!...
„Изволь, изволь, мой другъ! Сполна
Твою и просьбу и желанье
Исполнитъ нынѣ-жъ сатана,
Лишь только дай рукописанье
Мнѣ кровью въ томъ, что ты Христа,
И всѣхъ Его обѣтованій,
И всѣхъ заслугъ Его Креста,
Ужь отрицаешься сердечно,
Что хочешь быть моимъ рабомъ
И вѣрнымъ въ жизни, а потомъ
Терпѣть огонь геенны вѣчной!“...
Ни слова юноша: ножъ взялъ,
Разрѣзалъ руку, надписалъ,—
Что только сатанѣ желалось,
Росписку отдалъ и, какъ дымъ,
Тогда-жъ пропало передъ нимъ
Все то, что только ни мечталось;
И очутился снова онъ
Среди кладбища одинокимъ,
Какъ тѣнь съ него прокрался вонъ,
И только вечеромъ глубокимъ,
Невѣдомъ вовсе никому,
Вернулся къ дому своему...

Въ то время жилъ въ Каппадокіи,
Въ великомъ градѣ Кесаріи,

Сановникъ важный, мужъ святой,
Отецъ единственныя дщери,
Прекрасной видомъ и душой, —
Сановникъ, именемъ—Протерій.
Всю жизнь свою онъ такъ провелъ,
Что дивныхъ подвиговъ спасенья
И всѣхъ его прекрасныхъ дѣлъ
Дознаться кто бы и хотѣлъ,
Едваль бы могъ безъ затрудненья.
И дочь его за нимъ же шла
Путемъ подвижнической жизни,
И скромно такъ себя вела,
Что на дѣвицу укоризны,
Въ разцвѣтѣ самыхъ юныхъ дней,
Не пало вовсе отъ людей.
И думалъ такъ ея родитель:
Забывши брачный свой вѣнецъ,
Она поступитъ наконецъ
Въ святую дѣвичью обитель,
Чтобъ въ ликѣ дѣвственницъ святыхъ,
Подъ схимой Ангельской невредно,
Путемъ скорбей и тугъ земныхъ,
Поправши всѣхъ враговъ своихъ,
Могла изъ подвига побѣдно
И въ славѣ выдти къ небесамъ,
И быть соцарственницей тамъ
Христу и Богу—безконечно...
И точно, праведная дочь,
Въ своей невинности сердечной,

Была всего того не прочь...
Но какъ упоренъ врагъ нашъ въ битвахъ!
Какой противникъ онъ для тѣхъ,
Кто день и ночь ведетъ въ молитвахъ,
Кто, съ сердца вытѣснивши грѣхъ,
Желаетъ вѣкъ свой безъ смятенья
Предъ Богомъ втайнѣ проводить,
И, въ строгихъ подвигахъ спасенья,
Среди земнаго треволненья,
Ему по силамъ угодить!
О, сколько райскихъ здѣсь разцвѣтовъ
Небесной жизни и любви
Увяло жалко отъ молвы,
И сколько Ангельскихъ обѣтовъ
Выходитъ прочь изъ головы;
Среди земныхъ очарованій,
Въ забвеньи вѣчныхъ наказаній!..
Всему тому, конечно, бѣсъ
И сами служимъ мы виною,
Когда сдаемся по всему
И нашей мыслью и душою
И сердцемъ вѣтреннымъ ему.

— —

Сановникъ важный тотъ Протерій,
Въ числѣ своихъ дворовыхъ слугъ,
Имѣлъ въ особенномъ довѣрьи
Слугу для комнатныхъ услугъ,
Который въ цвѣтѣ юной жизни
Похвально такъ ему служилъ,

Что дѣлъ, достойныхъ укоризны,
Далекъ и чуждъ предъ всѣми былъ,—
За что особенно любилъ
Его внимательный Протерій...
И тотъ расхваленный слуга,
Смотря въ лицо господской дщери,
По дѣйству адскаго врага,
Такъ страстно сердцемъ уязвился,
Что чуть разсудка не лишился
Отъ чувствъ сердечныхъ и тоски
По недоступной этой дѣвѣ...
Просить себѣ у ней руки—
Его тѣ мысли далеки,—
За тѣмъ, что баринъ могъ во гнѣвѣ,
За эту вольность, у него,
Какъ челядника своего,
Снять прямо голову на плахѣ.
Бѣдняжка плакалъ и страдалъ,
Какъ травка вялъ и изсыхалъ
Въ любви несгаточной и въ страхѣ,
И лишь украдкою вдыхалъ
Въ себя онъ вздохи дѣвы юной,
Когда задумчиво она,
При слабомъ свѣтѣ ночи лунной,
Порой садилась у окна...
Къ ея свѣтлицѣ сокровенной
Тогда онъ молча подходилъ,
И долго, долго и смятенно
Онъ глазъ своихъ не отводилъ

От̄ этой дѣвы, посвященной
Обѣтамъ Ангельскимъ навѣкъ...
Страдая такъ,—какъ часто бѣдный
Ей сдѣлать думывалъ намекъ
Въ своей любви, какъ часто блѣдный
Въ любви сгарая—какъ въ огнѣ,
Трясясь какъ-будто лихорадкой,
Входилъ неслышно и украдкой,
Когда она на-единѣ
Въ своей свѣтлицѣ занималась,
Или сидѣла при окнѣ,
Или предъ Богомъ изливалась
Въ молитвахъ дѣвственныхъ своихъ!...
Но молвить слово ей—боялся,
И молча, трепетенъ и тихъ
Отъ милой дѣвы удалялся...
Такъ много времени и дней
Въ тревогѣ юноши проходитъ;
Но средствъ, помочь любви своей,
Нигдѣ бѣдняжка не находитъ.
Межъ тѣмъ какъ пламенемъ огня
Жжетъ сердце юноши она...

Въ тѣ дни въ великой Кесаріи
Явился волхвъ и чародѣй,
И въ той странѣ Каппадокіи
Тѣснилось множество людей,
Въ досугѣ вѣтряномъ поглазить,
Какъ волхвъ чаруетъ и проказитъ

Бѣсовской магіей своей.
О немъ разсказывали чудо:
Онъ могъ все сдѣлать; могъ сгубить,
Коль кто о немъ промолвитъ худо,
Любовь и рознить и сводить,
И всяку-всячину творить
По дѣйству демонскія силы.
Къ волхву тому ночной порой
Тревожный, блѣдный и унылый
Слуга отправился младой;
Подходитъ къ двери чародѣя
Неслышной, трепетной стопой;
Отъ страха тайнаго робѣя,
Взялся за скобку; дверь скрипитъ,
Тихонько тронулась,—и строгій
Хозяинъ гостю говоритъ:
„Кто тамъ?“ Но тайный гость молчитъ;
Потомъ, приблизясь, прямо въ ноги
Волхву онъ палъ; и обнялъ ихъ,
И, ставъ умильно на колѣни,
Въ слезахъ отчаянныхъ своихъ,
Любви нестаточныя пени,
На сердце жалобы свои,
Волхву онъ передалъ, рыдая,
И исполненія любви
Просилъ, съ колѣней не вставая.
Сложивши руки на груди,
Молился голосомъ онъ томнымъ:
„Коль можешь горю пособить:

Тронись сироткою бездомнымъ,
Иль дай мнѣ средства—разлюбить
Кумиръ сердечный мой и милый,
А то ни жить и ни страдать
Мнѣ нѣтъ возможности и силы...
Я все согласенъ бы отдать
За взглядъ плѣнительной дѣвицы,
Души страдальческой моей
Богини милой,—и царицы!"...
Ни слова долго чародѣй...
Потомъ таинственно и думно
Прошедъ по комнатѣ своей,
Онъ молвилъ юношѣ:—„безумно,
Любезный братъ мой, и при томъ
Какъ тщетно ты влюбленъ бѣдняжка!
Ты самъ осѣтился кругомъ
Какъ тайно брошеннымъ силкомъ,
И въ томъ силкѣ увязъ, какъ пташка...
Не знаю, чѣмъ тебѣ помочь
Въ годину этого искуса...
Пожалуй, я бы и непрочь;
Но ты, вѣдь, вѣришь въ Іисуса?...
Когда-бъ отвергся ты Его,—
То-бъ могъ я князя моего
Просить о помощи..."—„Клянуся!
(Воскликнулъ юноша) я радъ
Теперь же дать росписку въ этомъ,
Терпѣть всѣ ужасы и адъ,
Лишь только-бъ могъ любви предметомъ

Законнымъ образомъ владѣть,
Сердечно съ нимъ соединиться,
Глядѣть и все бы лишь глядѣть,
Весь вѣкъ любить—не налюбиться—
Любить, какъ любятъ лишь въ раю,
Ту дѣву милую мою!...“
— Коль такъ,—на то сказалъ съ улыбкой
Безумцу льстивый чародѣй,
Зашелъ ты, вѣрно, не ошибкой,
Въ любви нестаточной твоей
Искать здѣсь помощи... Владѣй
Ты съ этихъ поръ твоей любовью
И милой дѣвушкой... Она
Вотъ завтра жъ будетъ отдана
Тебѣ въ супружество, лишь кровью
Обѣтъ твой въ вѣрность подпиши...
Межъ тѣмъ я дамъ тебѣ посланье,
Въ которомъ всю твоей души
Любовь и адское страданье
Вполнѣ я выражу... И вотъ,
Принявъ отъ служки обѣщанье,
Безбожный волхвъ и извергъ тотъ
Беретъ бумаги листъ, и сразу
Записку такъ онъ написалъ:
„Владыкѣ мрачности и князю
Желаю здравствовать! Ты далъ
Мнѣ власть и силу, обаяньемъ
Морочить вѣтренныхъ людей,
И я обязанъ всѣмъ стараньемъ

Стяжать ихъ мрачности твоей..
Вотъ этотъ юноша несчастный
Влюбился въ дѣвушку, межъ тѣмъ
Она, въ спокойствіи своемъ,
Забыла думать, какъ онъ страстный
Геенски мучится, и нѣтъ
Ему взаимности сердечной
Ужь много времени и лѣтъ
Отъ этой дѣвушки безпечной,
Затѣмъ, что въ званьи онъ слуги
У ней находится; коль можно, —
Ему, бѣдняжкѣ, пѡмоги,
И онъ клянется неотложно
Попрать и вѣру и Христа...
Тебѣ, чай, то не—невозможно!...
Ужь видно, дѣвушка-то та
Ему милѣй Христа и вѣры!...
Немного случаевъ такихъ!
Важны подобные примѣры,
И вѣрно ты похвалишь ихъ,
И видя, какъ служу я право,
Какъ другъ и рабъ и послухъ твой,
Меня и честію и славой
Прославишь въ вѣкъ ничтожный мой
Твоею царственной державой!...“
Свернувъ записку чародѣй
Вручилъ несчастному со словомъ:
„Ступай теперь же, не робѣй,
Да чуръ—о имени Христовомъ

Не думать вовсе, и притомъ,
Чтобы тебѣ не причудилось,
Твоимъ обычнымъ ты крестомъ
Не знаменайся,—сдѣлай милость!..
Вашъ крестъ—лишь выдумка одна,
Хоть этой выдумки случайной
Дрожитъ, какъ Каинъ, Сатана...
Мой князь забавникъ чрезвычайный:
По виду будто онъ колоссъ;
А только крестъ,—какъ пыль крутится,
И онъ, при имени—Христосъ,
Чего-то ужасъ какъ боится,
И такъ бываетъ въ духѣ слабъ,
Что даже хуже слабыхъ бабъ...
Но... слушай, вотъ тебѣ, дружище,
Совѣтъ въ напутствіе даю:
Иди ты прямо на кладбище,
И эту рукопись мою,
Поднявши вверхъ на монументѣ
Почившихъ Эллиновъ, отдай
Тому, кто въ самомъ томъ моментѣ
Тебѣ предстанетъ, и—ступай
За нимъ безъ чувствъ слѣпаго труса,
Лишь только бойся поминать
Въ то время имя—Іисуса,
А то—тебѣ не сдобровать!...“
Съ сердечной радостью несчастный
Записку тайную беретъ,
И въ вечеръ бурный и ненастный,

Какъ мы ужъ видѣли, идетъ,
Волхва оставивъ какъ повѣсу,—
И бѣдный служка самъ себя
Въ любви безумной погубя
Въ душѣ безъ страха—продалъ бѣсу.

———

Бываетъ Божьимъ попущеньемъ
И очень часто даже здѣсь,
Что насъ жестокимъ искушеньемъ
Тревожитъ въ жизни нашей бѣсъ;
И то еще бываетъ даже,
Что волю мы его творимъ,
А что преступнѣе и гаже—
Безумствомъ бѣшенымъ своимъ
Презрѣвши Бога, стыдъ и совѣсть,
Такую временемъ чинимъ
Изъ нашихъ дѣлъ и жизни—повѣсть,
Что уши вянутъ у людей!...
И только наши заблужденья,
Всѣхъ нашихъ жизненныхъ путей
Проказы, дичь и преткновенья .
Сносить лишь въ силахъ дивный Богъ,
Который къ намъ горя любовью,
Нашъ грѣхъ отмылъ и превозмогъ
Своей Божественною кровью ..
О Богъ нашъ, что за Богъ! Онъ весь
Любовь, желаніе и сладость;
Утѣха Онъ для насъ и здѣсь,
А въ небѣ Ангельская радость!...

Вѣдь кто бы какъ ни согрѣшилъ
Въ дѣлахъ, иль въ мысли, иль въ желаньи,
Ему всегда бываетъ милъ,
Чуть—только въ чувствахъ покаянья
Повѣритъ искренно Ему
Свои сердечныя страданья
И грѣхъ, какъ Богу своему...
Едва свершилось отреченье
И въ домъ вернулся лишь слуга,
На утро-жь тайное смятенье,
По дѣйству адскаго врага,
Закралось въ душу дѣвы скромной:
Она слѣдила за слугой
Уже задумчиво и томно,
И стала юный образъ свой
Предъ нимъ выказывать съ улыбкой;
Случалось даже, что, порой,
Какъ будто встрѣтившись ошибкой,
Къ нему бросала нѣжный взоръ,
Но такъ не скромно и безпечно,
Что въ немъ былъ видѣнъ разговоръ
Ея взаимности сердечной...
И дѣло такъ ужь наконецъ
Уладилъ демонъ, что отецъ
Не радъ своей преступной дщери,
Когда рѣшительно она
Открылась въ томъ, что влюблена
Въ слугу такого-то. Протерій
Нахмурилъ брови и лицо,

И быстро выскочилъ изъ двери
Отъ словъ несчастной на крыльцо...
Но дочь за нимъ... Она схватилась
За ноги отчія въ слезахъ,
И въ самыхъ пламенныхъ словахъ
О страсти сердца объяснилась,
Сказала такъ: что хоть отецъ,
Водясь политикою свѣта,
Не дастъ ей воли подъ вѣнецъ,
Она въ ночь эту-жъ, до разсвѣта,
Иль въ петлю бросится, иль сталь
Ея сердечную печаль
Окончитъ съ страстною любовью,
И пусть онъ тѣшится ея
Преступной смертію и кровью...
Ногою топнулъ, внѣ себя,
На дочь Протерій,—но напрасно;
Грозилъ ей—выгонитъ на дворъ,
И краской черной и ужасной
Онъ ей описывалъ позоръ
Ея замужства со слугою,
Родныхъ и знаемыхъ укоръ;
Но тщетно думалъ рѣчью тою
Ее въ разсудокъ привести:
Она и слышать не хотѣла!
Протерій думалъ бы уйти;
Но дочь бросалась и ревѣла,
Свой локонъ дѣвственный рвала,
И буйной ручкою драла

Лицо и платье, и—грозилась
Тогдажъ убиться, коль отецъ
Не дастъ ей воли подъ вѣнецъ...
Отецъ задумался... Взбѣсилась,
Сказалъ онъ горько наконецъ,
И долголь въ бѣшенствѣ до худа!
Быть такъ,—несчастная, иди;
Но помни то, что ты отсюда
На горькій срамъ и на бѣды
Сама желаешь добровольно
На цѣлый вѣкъ себя обречь...
Богъ видитъ то, какъ сердцу больно,
Что я не въ силахъ уберечь
Тебя для дѣвственныя жизни!
За то и ты же испытать
Должна людскія укоризны:
И сладкихъ радостей не знать
Тебѣ въ супружествѣ съ слугою!...
Но что же дѣлать? Богъ съ тобою!
Ступай, хоть завтра подъ вѣнецъ
Съ слугой ты, къ брачному налою!
(Сказалъ разгнѣванный отецъ).
И дней чрезъ нѣсколько Протерій
Отвелъ слугу объ руку дщери
Ко храму Божью подъ вѣнецъ...
Сыгралась свадьба, и супруги
Дыханьемъ новыхъ чувствъ своихъ
Живятъ и время и досуги,
Хоть много колкостей людскихъ

До новобрачныхъ доходило
На счетъ неровной пары ихъ;
Но это все мимоходило
Ихъ мысли дѣтской и слѣпой...
Они любились, ликовали,
Смѣялись рѣзво надъ молвой,
И дней печальныхъ не видали...

Но вотъ уходитъ день за днемъ;
Недѣли, мѣсяцы мелькали,
Супругъ же юный между тѣмъ
Близъ года, можетъ быть, и болѣ,
У службы Божьей не бывалъ;
Женился только и оттолѣ
Святой онъ церкви не видалъ;
Забылъ всѣ таинства спасенья,
Молитвы бѣгалъ—какъ чумы.
Тѣмъ паче тайны—Причащенья,—
О чемъ и толки межь людьми
Въ нелѣпыхъ присказкахъ носились,
И всѣ несчастнаго дичились;
Но кто-то близкій наконецъ
Его супругѣ то доноситъ,
Что мужъ ея живой мертвецъ
И по наружности лишь носитъ
Онъ имя Божьяго раба,
Межъ тѣмъ давнымъ давно ужь бѣсу
Онъ въ тайнѣ передалъ себя;
Что за слугу и за повѣсу

Она рѣшилась выходить
Противъ родительскія воли...
Ей стали въ очи говорить,
И такъ несчастную кололи
Такими горькими рѣчьми,
Что ей, бѣдняжкѣ, стыдно было
Являться даже межъ людьми,
И все на свѣтѣ опостыло...
Не вѣря, впрочемъ, слухамъ тѣмъ,
Въ борьбѣ сердечнаго недуга,
Она рѣшилась обо всемъ
По чести распросить супруга;
И вотъ на то избравши часъ,
Съ смятеннымъ чувствомъ разсказала
Молву и толки межъ людей,
И звукомъ жалобныхъ рѣчей—
Сказать всю правду—умоляла...
Смутился мужъ ея тѣхъ словъ...
Сначала жарко запирался,
И клясться Богомъ былъ готовъ;
Но вдругъ совсѣмъ онъ растерялся,
Когда супруга у него
Просила въ знаменье того,
Чтобъ онъ на утро пріобщился
Святыхъ Христовыхъ Таинъ съ ней...
Тогда онъ, не хотя, открылся,
Что вѣрны толки у людей,—
Что страстно къ ней горя любовью,
И не имѣя средствъ помочь,

Отвергся вѣры, въ чемъ и кровью
Въ одну убійственную ночь
Онъ бѣсу далъ рукописанье,
Хоть радъ бы, всей душею радъ,
И есть сердечное желанье
Взять эту рукопись назадъ:
И обратиться къ покаянью,
Но нѣтъ возможности ужь той!
Кто въ силахъ выразить смятенье
И грусть супруги молодой,
Когда съ сердечнымъ сокрушеньемъ
Все то ей высказалъ супругъ?
Искусъ супруга и паденье,
Всю тяжесть ихъ, и весь испугъ
Супруги бѣдной ужь едвали
Намъ то постичь со стороны...
Запершись, долго горевали
Въ завѣтной комнатѣ они,
И что начать—совсѣмъ не знали...
О, какъ тогда бѣдняжка та,
Въ своемъ сердечномъ сокрушеньи,
Какъ непослушное дитя,
Кляла былое преступленье
Отцовской воли и рѣчей,
И сколь за это согрѣшенье
Скатилось слезъ съ ея очей!...
Словамъ достаточной нѣтъ силы
Всю горечь выразить ея;
Теперь бы слаще сонъ могилы

Могъ быть земнаго бытія,
И лучше было бы страданье
Темницы душной и цѣпей,
Въ замѣнъ молвы и осмѣянья
И толковъ вѣтренныхъ людей?...
О вы, кого подобной долей
Когда испытываетъ врагъ,
Водитесь отческою волей,
А то—не знать вамъ важныхъ благъ
Супружней жизни, ни восторга,
Ни сладкихъ радостей любви,
Ни счастья свѣтлаго залога
Въ семьѣ и въ дѣтяхъ,—если вы
Начнете собственнымъ разсчетомъ
Въ движеньи страстныхъ чувствъ своихъ,
Водиться здѣсь, а не совѣтомъ
Друзей, знакомыхъ и родныхъ!...
Прекрасно все, когда по Богѣ
И съ Богомъ родится любовь
Въ своей таинственной тревогѣ
Безъ низкой страсти и видовъ:
Тамъ Богъ даетъ благословенье;
Тамъ жизнь блаженна и сладка
Въ своемъ, супружескомъ волненьи
И рока тяжкаго рука
Ея навѣрно далека!...
Не будьте-жъ, дѣти, равнодушны
Къ словамъ родителей своихъ;

Напротивъ, будьте имъ послушны
И свято чтите волю ихъ!...

Когда Протеріевой дщери
Искусъ былъ этотъ, и когда
Въ своемъ несчастьи и безвѣрьи
Ей мужъ признался безъ стыда—
Въ томъ самомъ городѣ тогда
Сіялъ, какъ солнышко, Василій
Прекрасной жизнію своей;
Въ дѣлахъ Божественныя силы
И въ духѣ слова и рѣчей
Онъ былъ утѣхою людей,—
За что отъ всѣхъ именовался
И точно онъ *великимъ* былъ;
Съ названьемъ тѣмъ переходилъ
Онъ въ родъ и родъ и въ вѣкъ остался
Свѣтиломъ въ Церкви изъ свѣтилъ.
Къ тому Василію приходитъ
Ужь намъ извѣстная жена,
И скромнымъ образомъ приводитъ
Супруга бѣднаго она,
И то, какъ мужъ въ любви несчастной,
Отвергся Бога и на вѣкъ
Себя онъ бѣсу невозвратно
И адской гибели обрекъ,
Она въ слезахъ Архіерею
Съ тревожнымъ чувствомъ изрекла;
И мужъ ея все тожъ за нею

Смиренно высказалъ, моля,
Да онъ молитвою своею
Его отъ гибели спасетъ...
О, только вѣруй, и не бойся!
Сказалъ святый ему въ отвѣтъ,
Есть милость! есть!—не безпокойся,
Лишь только пламенно молись,
И Богъ поможетъ въ этомъ горѣ!
Не бойся, вѣруй и крѣпись!..
По этомъ важномъ разговорѣ,
Тотчасъ Василій повелѣлъ,
Чтобъ тотъ отверженникъ въ затворѣ
Дней сряду нѣсколько сидѣлъ
И милости просилъ у Неба...
Дня три прошло, Василій далъ
Вкусить ему немного хлѣба,
И вновь молиться приказалъ,
Межъ тѣмъ и самъ отъ сожалѣнья
Просилъ ходатайствомъ своимъ
Ему у Господа прощенья,
Являя жарко передъ Нимъ
Завѣтной крови искупленье,
Безцѣнность всѣхъ Его заслугъ
За наши слабости шальныя
И прародительскій недугъ...
Когдажъ его мольбы святыя
Къ престолу Господа дошли
И на преступника въ затворѣ
Ужь силу Духа низвели,—

Василій вывелъ вонъ, и вскорѣ
Съ участьемъ грѣшника спросилъ:
„Какъ онъ такой затворъ сносилъ?“
—О, много зла и много страсти,
На это кающійся рекъ,
И много демонской напасти
Я видѣлъ—грѣшный человѣкъ!
Сначала не было покою:
Меня стращали; видѣлъ я,
Готовыхъ къ битвѣ и для бою,
Тмы-темъ бѣсовъ вокругъ себя,—
Въ молвѣ и въ смутѣ безконечной...
Какъ листъ я бѣдный трепеталъ,
И къ Богу съ вѣрою сердечной
О скорой помощи взывалъ...
Потомъ по той борьбѣ конечной,
Какъ будто мнѣ издалека,
Ужъ гласы вражьи доносились
И то чуть-чуть да и—слегка;
Хоть какъ ужъ бѣсы ни грозились;
Но вотъ я видѣлъ: ты, Отецъ,
Взамѣнъ меня съ врагомъ схватился,
И предъ тобою наконецъ
Врагъ гордый въ дребезги разбился...
О, мнѣ теперь уже легко!
Нѣтъ въ сердцѣ смуты и смятенья,
Хоть, можетъ быть, и далеко
Еще меня—мое спасенье!...
„Не бойся, вѣруй и молись!

Твое ужъ близко искупленье,
Лишь только Господомъ крѣпись!“
Ему отвѣтствовалъ Святитель,
И всѣмъ соборомъ онъ повелъ
Съ собою юношу въ обитель,
Чтобъ тамъ онъ вновь запечатлѣлъ
Себя на вечери Господней—
Завѣтной кровью, и потомъ
Былъ чуждъ онъ власти преисподней...
Но только кающійся въ томъ
Процессѣ тронулся, незримо
Вся область ада поднялась,
И грозно, съ шумомъ, невидимо
Надъ бѣднымъ грѣшникомъ неслась,
Стараясь выхватить тогда же
Изъ рукъ святительскихъ его,
И бѣсъ дотрогивался даже
Не только грѣшника того,
Но и Святителя Христова,
И вопилъ грозно: „не трони!
Онъ мой!—Онъ мой!—Онъ мой!“ и снова
Былъ слышанъ голосъ сатаны:
„Не я къ нему, а онъ безстыдный
Ко мнѣ съ прошеньемъ приходилъ!...
Ты насъ обидишь очевидно!
Незримый демонъ говорилъ...
Онъ мой; кто могъ его заставить
Придти ко мнѣ, да еще что?
Свою росписку мнѣ оставить...

Вѣдь я могу ее представить
На судъ послѣдній, гдѣ никто
Его отъ ада не избавитъ!..."
Коль такъ, Святитель отвѣчалъ,
Познай же ты Христову силу!
Тогда онъ людямъ приказалъ
Пропѣть съ нимъ: „Господи помилуй!..."
И вотъ, народъ лишь возопилъ,
Воздѣвши длани богомольно,
И съ чувствомъ Бога помолилъ,
Вдругъ видятъ, въ трепетѣ невольномъ,—
Росписка съ воздуха летитъ
И прямо въ длань къ Архіерею;
Святитель взялъ ее—глядитъ...
Печать нетронута лежитъ,
И самъ отверженникъ надъ нею
Дивится, плачетъ,—и въ клочки
Она тогда же разлетѣлась
Отъ архипастырской руки,
И церковь Божья загорѣлась
Несмѣтнымъ множествомъ свѣчей...
Затихло въ воздухѣ... нѣтъ смуты...
Тогда святый Архіерей
Вступилъ во храмъ, и въ тѣжъ минуты
Святую службу совершилъ,
При коей слово утѣшенья
Народу онъ проговорилъ,
Слугу-же къ тайнѣ причащенья
Съ его супругой допустилъ.

Такъ, полный святости и силы,
Исхитилъ грѣшника и спасъ
Отъ адскихъ челюстей Василій.
И будь ему хвала отъ насъ,
А Богу сладкое признанье
За то, что далъ Онъ въ жизни намъ
На всѣ грѣхи здѣсь покаянье;
И право быть съ святыми—тамъ!

Марія и грѣшникъ у ногъ Христовыхъ.

(Въ подражаніе Св. Димитрію Ростовскому).

ГРѢШНИКЪ.

Ужь ты наплакалась до сыта;
Марія, чтожъ ты такъ грустишь,
Коль вся твоя грѣховность смыта?
Иль сердцемъ ты еще болишь
О смутахъ жизни и тревогѣ,
О тѣхъ содѣланныхъ грѣхахъ,
Въ твоихъ умчавшихся годахъ,
Когда о совѣсти, о Богѣ
И о грѣховныхъ ты плодахъ,
И знать не знала?—Но, вѣдь, нынѣ
Тебѣ все то отпущено,
И даже Божьей благостыней
Спасенье вслухъ изречено...
Ты слово сладкое—прощенья,
Марія, слышала; стопы
Христа, какъ Бога примиренья,

Въ слезахъ любви и умиленья,
Омыла ты;—такъ уступи
Другому мѣсто покаянья!
Дай волю пасть къ стопамъ Его
И мнѣ съ слезами упованья
И въ чувствѣ срама моего!
Отсторонись же! Дай слезами
Омыть Христовы мнѣ стопы
И пасть къ нимъ съ тайными мольбами...
Уйди жь, Марія! Отступи!...

МАРІЯ.

Но развѣ тѣсно здѣсь?... Что нужды,
Что я отъ Бога прощена;
Мои грѣхи еще не чужды,
Еще на сердцѣ у меня,
Хоть миръ, спокойствіе и радость
Разлиты въ совѣсти моей,
И я божественную сладость
Вдыхаю въ сердце изъ рѣчей
Христа и Бога... Нѣтъ ужь смуты
Въ душѣ моей, и нѣтъ тревогъ;
Но я не только что минуты,
А всю бы жизнь мою у ногъ
Христовыхъ, даже безконечно,
Желала плакать, лобызать
Его стопы въ любви сердечной,
Къ нимъ пасть и ввѣкъ бы не вставать?...
О, сладко плакать здѣсь!...

Грѣшникъ.

Да полно!
Ужь ты наплакалась, и мнѣ
Дай пасть, Марія, богомольно
И горько плакать о себѣ!
Отсторонись же! Дай ты съ чувствомъ
Мнѣ жизнь всю высказать Христу,
И то, какъ я съ бѣсовскимъ буйствомъ
Все ставилъ доброе въ тщету...
Шутилъ я Церковью святою;
Законовъ знать я не хотѣлъ,
И всею жизнію земною
Я бѣса тѣшилъ и лелѣялъ...
Но Богъ, знать, вспомнилъ съ сожалѣньемъ
Свое созданье, и меня
Онъ тронулъ сладкимъ умиленьемъ,
Которымъ такъ растепленъ я,
Что жажду пасть къ ногамъ Христовымъ,
Залиться сладкою слезой,
Дышать отнынѣ чувствомъ новымъ
И жить ужь жизнію иной!...
О, дай же мѣсто мнѣ, Марія!
Мнѣ то блаженство уступи,
Чтобы слезой любви святыя
Омыть безгрѣшныя стопы
Христа и Бога!

МАРІЯ.

Грѣшникъ бѣдный!
Иль мнишь, что только ты изъ всѣхъ
Былъ грѣшникъ первый и послѣдній,
И будто такъ великъ твой грѣхъ,
Что нѣтъ конца Ему и мѣры...
О, если слезы есть: ихъ лей,
Рѣшаясь въ чувствѣ твердой вѣры
Стать выше собственныхъ страстей;
И дастся миръ тебѣ желанный;
Грѣхъ тяжкій сложится съ тебя,
И сладость слезъ ты покаянныхъ
Узнаешь такъ-же, какъ и я!
Не тѣсно здѣсь вдвоемъ съ тобою
Намъ плакать сладкою слезой!
Когдабъ, разставшись съ суетою,
Сюда всѣ хлынули толпой,—
О, вѣрь мнѣ, грѣшникъ, и тогдабы
Не тѣсно было здѣсь для всѣхъ;
Но мы, но люди слишкомъ слабы,
И какъ оставить міръ и грѣхъ!...
По крайней мѣрѣ, мы судьбами
Коль бездны золъ свобождены,
Падемъ и съ чувствомъ и съ слезами
Пока предъ Господомъ одни!
И прочихъ грѣшниковъ, конечно,
Онъ знаетъ, какъ къ своей любви
Привлечь и смыть ихъ грѣхъ сердечный

Въ своей Божественной крови!
Падемъ же!...

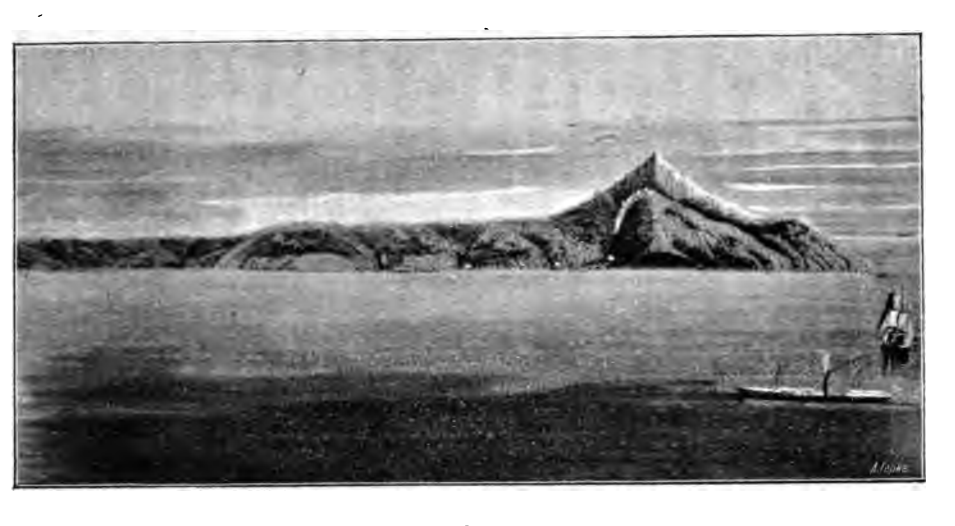
И Марія скромно
Къ Христовымъ бросилась ногамъ
И умилительно и томно
Дала свободу течь слезамъ;
За ней и грѣшникъ богомольно
Упавъ, заплакалъ, какъ дитя,
И оба въ чувствѣ умиленья
Молились жарко за себя
Къ Христу, какъ Богу искупленья;
Вопили такъ они: „какъ Богъ
Не хочешь, вѣрно, смерти нашей;
Ты грѣхъ нашъ кровью превозмогъ
И всѣхъ ея завѣтной чашей,
По крайней милости своей,
Миришь Ты съ правдою твоей!
Но грозенъ Ты, правдивъ безъ мѣры!
Ты грѣхъ караешь и разишь;
Но грѣшныхъ Ты, ихъ ради вѣры,
Прощеньемъ радостнымъ даришь!
Прими-жь и насъ! Не дай погибнуть
И быть посмѣшищемъ враговъ!
О, былъ ли кто Тобой отринутъ?
Твоя безмѣрная любовь
Ужель отвергнетъ насъ и броситъ?
Увы! Ты видишь все, какъ Богъ;
Ты видишь то, какъ сердце проситъ

Любви Твоей послѣ тревогъ
И смутъ грѣховныхъ!... Здѣсь у ногъ
Твоихъ мы плачемъ и взываемъ:
Спаси! Спаси насъ!... Погибаемъ!...“
Ни слова Богъ не отвѣчалъ
На слезы долго ихъ, лишь только
Ихъ вздохамъ пламеннымъ внималъ,
Съ любовью отческой взиралъ
И видѣлъ, какъ тепло и горько
Текли въ молитвѣ слезы ихъ!...
Но наконецъ, пріемля слезы,
Взглянулъ Онъ ласково на нихъ
И рекъ: страшны Мои угрозы,
Въ громахъ карающихъ Моихъ,
Не вамъ при кающихся чувствахъ!
Я тѣхъ караю, кто весь вѣкъ
Ведетъ среди грѣховъ и буйства,
Отринувъ совѣсти упрекъ
И гласъ Евангельскаго слова;
А кто покается,—для тѣхъ
Всегда любовь Моя готова
Забыть ихъ слабости и грѣхъ!
Миръ вамъ! Мой миръ! Идите въ мирѣ!
Лишь бойтесь тратить жизнь въ молвахъ
И въ развлекающемся мірѣ,
Да снова васъ не тронетъ врагъ!
Ко Мнѣ грядущаго, въ надеждѣ,—
Я никогда не отгонялъ,
Но какъ всегда—теперь и прежде,

Какъ чадъ, Мнѣ милыхъ, обнималъ
Всѣхъ съ чувствомъ кающихся. Вамъ ли,
Такъ горько плачущимъ, могу
Грозить и мстить за грѣхъ? Предамъ ли
За эти слезы васъ врагу?
О, нѣтъ! Идите въ мирѣ! Только
Хранить умѣйте этотъ миръ;
А то опять вамъ будетъ горько,
Коль словитъ васъ преступный міръ!
Тогда вамъ будетъ слишкомъ много
Тревоги въ совѣсти, и Я
Взыщу съ васъ трату мира строго,
Какъ Мститель, Богъ и Судія...
Идите-жъ!

АѲОНЪ.

Въ давнишнемъ плѣнѣ Оттомана
Страдаетъ нашъ святой Аѳонъ...
Хотя поклонниковъ Корана
Далекъ и чуждъ бѣдняжка онъ,—
Хотя въ немъ чтилищъ лже-пророка
И духу нѣтъ, и ни ноги
Тирановъ жалкаго Востока,
За исключеніемъ аги;
Но какъ Востокъ, подъ то же знамя
Луны ихъ блѣдной и кривой
(О, верхъ несчастія и срама!)
Склонившись рабскою главой,



Видъ святой Аѳонской горы.

Томится онъ въ когтяхъ Ислама...
И вотъ тяжелый пятый вѣкъ
Его страдальческаго плѣна
Ужь въ даль грядущаго потекъ,
Но гдѣ желанная измѣна
Надъ нимъ десницы роковой?—
Все тотъ же плѣнъ и тяжесть дани...
О, чьей могучею рукой
Прорвется цѣпь такихъ страданій
Сраженной Грецiи?... Увы,
Какъ грозенъ судъ Iеговы!...
Когда-жъ развѣнчанной державѣ
Отдастся право въ мірѣ стать,
Какъ прежде, царственно и въ славѣ
И цѣпи рабства разорвать?...
Когда судьбы ея и троны
Изъ праха встанутъ и сметутъ
Позоръ и плѣнъ съ высей Аѳона
И церкви миръ святой дадутъ?
Увы, Богъ вѣсть!... Надежды святы;
Завѣтъ пророческихъ рѣчей,
Какъ тайный говоръ благодати,
Лелѣетъ греческихъ дѣтей...
Надежды есть... Когда-жъ свершатся?
И кто избранъ исполнить ихъ?...
Пождемъ, и дай Богъ намъ дождаться
Во дняхъ загадочныхъ своихъ.
Когда тряхнулся Западъ буйный,
Тогда какъ Сѣверъ хмуритъ бровь,

И тайно шепчутся перуны
Про брань Европы и про кровь
Слѣпой республики сыновъ;
Когда, затиснутый въ оковы,
Востокъ все ждетъ завѣтныхъ дней
И въ жертвахъ собственныя крови
Его замученныхъ дѣтей
Онъ зритъ залогъ своей свободы...
Пока онъ будетъ для себя
Ее ждать въ будущіе годы,
Межъ тѣмъ вамъ выскажу здѣсь я,
Мои любезные друзья,
Про древность нашего Аѳона
И про разсвѣтъ въ немъ первыхъ дней
Отъ немерцающихъ лучей
Новозавѣтнаго закона...

Въ Христовы времена Аѳонъ,—
Могу сказать про это въ точность,—
Имѣлъ естественный законъ
И въ вѣрѣ общую порочность.
Въ его заоблачныхъ высяхъ
Стоялъ кумиръ, и на разсвѣтѣ,
Когда день въ солнечныхъ лучахъ
Ложится ярко на предметѣ,
Изъ злата слитый тотъ кумиръ
Изъ Цареграда видѣнъ былъ;
И даже самая столица
Съ Аѳона, то-есть Цареградъ,
Въ своихъ бѣлѣющихся шпицахъ,

Тогда, какъ солнце на закатъ
От полдня тихо удалится,
Видна, какъ люди говорятъ,
За что не смѣю поручиться.
Въ святомъ Аѳонѣ прежде былъ
Позоръ и праздники разврата;
Въ немъ бѣсъ оракуломъ прослылъ
И жертвы требовалъ и дара...
О, такъ, друзья! Была пора—
И холмъ, и долъ, и вся гора,
И всѣ покатости Аѳона
Курились дымомъ жертвъ людскихъ
Передъ кумиромъ Аполлона;
Почти со всѣхъ концовъ земныхъ
Сюда поклонники стекались
И рабски—тѣломъ и душой—
Ему, какъ Богу, поклонялись;
А тотъ кумиръ—глухонѣмой—
Гадалъ о будущемъ, и люди
Свои печали и разсуды,
Вопросы жизни разгульной,
Предъ нимъ довѣрчиво слагали
И въ темныхъ звукахъ лживыхъ словъ,
Черезъ таинственныхъ жрецовъ,
На все отвѣты получали.
Но, вотъ, на землю сходитъ Богъ:
И, какъ отъ вѣка предположилъ,
Нашъ грѣхъ Онъ смертью превозмогъ,
Долгъ правдѣ вѣчной съ насъ Онъ сложилъ

И силой царственной Своей
Его на вѣки уничтожилъ,
И самый врагъ нашъ, какъ гордецъ,
Виновникъ нашея печали,
Разбитъ былъ Господомъ въ конецъ:
Его кумиры замолчали,
Во прахъ ихъ жертвенники пали,—
И, дѣло кончивъ, наконецъ
Вознесся въ небо нашъ Создатель;
Тогда Апостоламъ одна,
Какъ послѣ солнышка луна,
Осталась въ радость Богоматерь.
И вотъ, тогда какъ всѣ они
Святаго Духа ожидали
И, средь домашней тишины,
Свои молитвенные дни
Съ постомъ въ Сіонѣ провождали,—
Однажды Петръ отъ мѣста всталъ
И, давши знакъ рукой къ молчанью,
Онъ скромнымъ образомъ сказалъ
Всему священному собранью,
Чтобъ бросить жребій имъ: куда
Ихъ Богъ пошлетъ въ служенье слова
И въ подвигъ тяжкаго труда
Для благовѣстія Христова.
Петрова рѣчь собраньемъ всѣмъ
Была одобрена, и даже
Сама Марія вслѣдъ за тѣмъ
Просила ихъ, чтобы тогда же

И Ей на то былъ жребій данъ.
Ей жребій дали,—и Маріи
Онъ палъ на часть далекихъ странъ
Непросвѣщенной Иверіи...
Однакожъ Дѣвы Пресвятой
Тотъ жребій Богъ переиначилъ,
И край не этотъ, а другой
Онъ Ей на проповѣдь назначилъ,
Какъ мы увидимъ.
Кто межь нами
Не знаетъ Лазаря, друзья?
Конечно, знаете вы сами,
Какъ Богъ нашъ, Лазаря любя,
Почтилъ пречистыми слезами
Сердечной дружбы смерть его,
И какъ изъ гроба вызвалъ къ жизни
Потомъ любимца Своего—
И для уликъ, и укоризны
Враждебныхъ Господу людей,
Тѣмъ паче глупыхъ ересей,
Въ то время сильныхъ Саддукеевъ...
И сколько Лазарь снесъ скорбей
За то отъ нихъ и Іудеевъ!...
Не только злобились они,
Не только въ тайнѣ ополчались,
Но, по внушенью сатаны,
И въявь убить его рѣшались.
Не долго, впрочемъ, пробылъ онъ
Подъ ихъ бѣсовскою опалой:

Боясь ихъ гнѣва, отбылъ вонъ,
И вотъ его какъ не бывало
Въ краю Виѳаніи святой,—
Въ предѣлахъ дальнія чужбины
Нашелъ онъ край себѣ родной
Взамѣнъ тревожной Палестины.
Онъ отбылъ въ Кипръ и занялъ тамъ
Престолъ епископскій, на коемъ,
Обрекши вновь себя трудамъ,
Онъ наслаждался и покоемъ,
И миренъ былъ по временамъ.
Онъ долго жилъ для пользы стада
И, послѣ всѣхъ житейскихъ смутъ,
Среди божественнаго града,
Здѣсь могъ сердечно отдохнуть ..
Но какъ ни сладко, ни покойно
Его тотъ отдыхъ утѣшалъ,
А онъ со временемъ, невольно,
Тогда грустилъ и тосковалъ,
Какъ помнилъ тѣ мѣста святыя
И градъ божественный, и домъ,
Гдѣ жизнь свою вела Марія...
О, какъ желалъ бы онъ притомъ
Ее узрѣть и насладиться
Бесѣдой съ Ней, и даже знать,
Какъ жизнь Ея земная длится
И гдѣ Божественная Мать!..
Но какъ узрѣть?.. Нѣтъ вовсе силы
И нѣтъ возможности ему,

И онъ, смятенный и унылый.
Повѣрилъ Богу своему
Свою печаль, страдалъ, томился,
При невозможности такой,
И Богу молча покорился...
Межъ тѣмъ о Дѣвѣ Пресвятой
Въ то время слава такъ носилась,
Что даже каждая страна,
Гдѣ только вѣра проявилась,
Была бесѣдами полна
О ней лишь только; къ Ней толпами
Стекались люди, и Она
Струила сладкими рѣчами
Всѣмъ жизнь, любовь и благодать;
Для возраждающейся-жъ вѣры
И чадъ Ея была какъ мать,
Тогда какъ всѣ виды и мѣры
Мученій грозныхъ супостатъ
На нихъ выдумывалъ, какъ старцы
Еврейской черни гнали ихъ,
Тогда какъ скромные страдальцы
Отъ тѣхъ враговъ своихъ лихихъ
Безъ чувствъ хоть смуты и боязни,
Но каждый день и каждый мигъ—
Лишь ждали пытокъ или казни...
Молва носилась, и порой
Другъ Божій, трогаясь молвой,
Желалъ Божественную Дѣву
Узрѣть; но какъ?—пуститься къ Ней?..

Но могъ чрезъ то подпасть онъ гнѣву
Ему враждующихъ людей.
Боязнь за жизнь и опасенья
Мутили мысль и робкій духъ,
И, полный грусти и томленья,
Повѣрилъ Богу Божій другъ
Свои сердечныя волненья
Съ желаньемъ—видѣть Мать Его.
Богъ видѣлъ Лазарево горе
И далъ возможность для него—
Зрѣть Мать Божественную вскорѣ.
О, вѣрно правду я слыхалъ,
Что Богъ зритъ сердце наше свыше
И знаетъ нашу Онъ печаль,
Что насъ Ему бываетъ жаль;
И чѣмъ тоска скромнѣй и тише,
Чѣмъ мы довѣрчивѣй себя
Его ввѣряемъ провидѣнью.
Тѣмъ Онъ насъ, болѣе любя,
Объемлетъ тайною смотрѣнья
И черезъ жизненный нашъ путь
Тѣмъ насъ заботливѣй проводитъ,
И всѣхъ тревогъ и грустныхъ смутъ
Съ Нимъ наше сердце мимо ходитъ...
Да, правда то, друзья мои!..
И самый Лазарь такъ же точно,
Въ свои страдальческіе дни,
Томясь душою непорочной,
Тоску, докучную ему,

Повѣрилъ Богу своему…
И кто опишетъ трепетъ сердца,
Его души восторгъ живой,
Когда отъ Дѣвы Пресвятой
Пришло письмо?.. Слезой младенца
Заплакалъ Лазарь передъ Ней;
Въ немъ сердце трепетно забилось
Отъ сладкой радости въ тотъ мигъ,
Когда, какъ неба даръ иль милость,
Держалъ письмо въ рукахъ своихъ—
Письмо Божественной Маріи,
Которымъ проситъ, чтобъ за Ней
Прислать корабль ко Іоппіи,
Затѣмъ, что Ей отъ давнихъ дней
Желаньемъ сердца возжелалось
Прибыть на Кипрскій островъ ихъ,
Чтобъ видѣть чадъ его святыхъ
И юной церкви возмужалость.
И вотъ, въ игрѣ своихъ вѣтрилъ,
Для ожидающей Маріи,
Какъ вихрь, по морю покатилъ
Корабль къ далекой Іоппіи.
Проходитъ день за днемъ; имъ въ слѣдъ
Идутъ недѣли незамѣтно,
И въ ихъ хроническій полетъ
Другъ Божій ждетъ-пождетъ, но тщетно,
Пречистой Дѣвы нѣтъ, какъ нѣтъ…
Что сталось съ Гостьею высокой?
Куда корабль загнало съ Ней

Упорной бурей и жестокой.
Игравшей сряду много дней?
Проходятъ быстро дни за днями.
Недѣли катятъ имъ во слѣдъ.
Но передъ Кипрскими брегами
Пречистой Дѣвы нѣтъ. какъ нѣтъ...
И долго не было. хоть каждый
Давнымъ-давно Ее ужъ ждалъ.
И вотъ. по многимъ днямъ. однажды.
Сквозь прояснившуюся даль.
Корабль желанный показался...
Народъ весь ожилъ. весь спѣшилъ
И къ тѣсной пристани сбѣгался
И съ дали взоровъ не сводилъ...
Когда-жъ Марія появилась,
Когда на портъ береговой
Ступила дѣвственной ногой
И скромно людямъ поклонилась.—
Кипръ дрогнулъ хоромъ звучныхъ хвалъ...
И всѣ—и юноши, и дѣвы.
И весь народъ къ Ней подступалъ
И руку дивной Приснодѣвы
Съ слезами сладкими лобзалъ.
И въ чувствахъ трепетныхъ терялся,
Когда рѣчамъ Ея внималъ.
Иль молча въ ноги покланялся...
И средь движенья и молвы.
Какъ мать, Марія всѣхъ дарила
Привѣтомъ ангельской любви;

Потомъ съ народомъ поспѣшила
Она войти въ Господень храмъ,
Гдѣ принесла хвалы Владыкѣ,
И, слившись въ легкій ѳиміамъ,
Онѣ неслись при стройномъ ликѣ
Всей юной церкви къ небесамъ.
И послѣ тяжкія дороги,
Во слѣдъ за этимъ, введена
Къ святому Лазарю Она,
На отдыхъ, въ скромные чертоги.
Теперь послушаемъ, какъ тамъ
Начнетъ разсказывать Марія
Своимъ пріискреннимъ друзьямъ
Свои событья путевыя.
Друзья, склонитесь слухомъ къ Ней!
Пусть сердце набожно внимаетъ
И каждый звукъ Ея рѣчей,
Какъ сладость райскую, вдыхаетъ...
Съ тѣхъ поръ, Марія говоритъ,
Какъ мы, отбывъ отъ Іоппіи,
Попутнымъ вѣтромъ стали плыть,
Въ волнахъ взбунтованной стихіи
Противный вѣтеръ дунулъ намъ,
Ужасно бурный и жестокій,
И мы летѣли по волнамъ
Въ путь неизвѣстный и далекій...
Вашъ Кипръ, оставшись вправѣ, тамъ,
Исчезъ вдали отъ насъ, и волны
Насъ въ даль туманную несли

Порывомъ сильнымъ и упорнымъ.
Да, мы не знали, что въ дали.
Куда прибьетъ корабль? Что съ нами
Творитъ чрезъ эту бурю Богъ
Своими тайными судьбами?
И кто изъ насъ что думать могъ
О томъ, что Богъ нашъ съ нами строилъ?!
О, самъ Онъ мнѣ здѣсь жребій далъ
И дивно мною удостоилъ
Одну языческую даль
Призвать къ евангельскому свѣту
И словомъ вѣры огласить—
И даль языческую эту
Познаньемъ Бога просвѣтить!
Къ горѣ пристали мы. Гора та
Аѳонъ зовется, и полна
Бѣсовскихъ чтилищъ и разврата
Была до этихъ поръ она.
Кумиръ слѣпаго Аполлона
Тамъ чтился жертвами, и онъ
Былъ главнымъ чтилищемъ Аѳона,
Куда толпы со всѣхъ сторонъ
Для жертвъ языческихъ стекались.
Но, только появились мы,
Въ кумирахъ бѣсы отозвались
И даже не хотя признались
Предъ изумленными людьми,
Что мѣста нѣтъ для Аполлона
Въ высяхъ заоблачныхъ стоять

И въ дебряхъ дивнаго Аѳона,
И всѣмъ твердили, чтобы ждать
Тамъ Бога истиннаго Мать.
За этимъ вслѣдъ корабль нашъ съ дали
Попутнымъ вѣтромъ прилетѣлъ,
И якорь кормчій нашъ едва ли
Спустить съ цѣпей своихъ успѣлъ,
Какъ всѣ насельники Аѳона
На берегъ Климентовъ стеклись
И тутъ же чтилищъ Аполлона
Они на вѣки отреклись
И, павъ почтительно мнѣ въ ноги,
Меня просили, чтобы я,
Какъ ихъ тому учили боги,
Открыла все имъ про себя:
Какого Бога я родила
И какъ при томъ зовется Онъ,
Что я тогда-жъ имъ объяснила
И въ скоромъ времени Аѳонъ
Святою вѣрой просвѣтила.
Тамъ долго я была. Межь тѣмъ
Больныхъ и слабыхъ исцѣляла
И, при отбытіи моемъ,
Стократъ Аѳонъ благословляла,
Какъ жребій слова моего.
О, въ вѣкъ я буду для него
Оплотомъ вѣрнымъ и храненьемъ!
И обѣщалась я притомъ
Для всѣхъ, кто только жить тамъ будетъ,

Быть ввѣкъ отъ варваровъ щитомъ—
И все имъ въ жизни преизбудетъ.
Кто-ль если тамъ всю жизнь свою
Скончать безвыходно рѣшится,
О томъ я Сына умолю,
Да въ этой мысли укрѣпится;
Когда-жъ наступитъ смерть кому,
Сама явлюсь я непремѣнно
И буду къ Сыну моему
Вожатый самый неизмѣнный
Чрезъ всѣ мытарства злыхъ духовъ
И отпущеніе грѣховъ
Я испрошу, сама представлю
Всѣхъ ихъ въ день чудный предъ Творца
И, въ свѣтѣ Божьяго лица,
Небесной славою прославлю,
Хоть будетъ ихъ и подвигъ малъ...
О, какъ хвалю, какъ славлю Бога,
Что Онъ мнѣ этотъ жребій далъ,
Что эта трудная дорога
Была въ языческую даль
Ко славѣ Бога и къ разливу
Его евангельскихъ лучей
И слова жизни, какъ на ниву,
На заблудившихся людей!..
И Богоматерь заключила
Разсказъ свой Господу хвалой.
Не долго въ Кипрѣ погостила,
А тамъ, урочною порой,

Въ обратный путь свой поспѣшила
И возвратилася домой.
Съ тѣхъ самыхъ поръ Аѳонъ чудесно
Сталъ дивенъ въ людяхъ и въ міру,
И предъ Царицею Небесной
Путями вѣчными къ добру
Своихъ насельниковъ приводитъ
И такъ таинственно низводитъ
Имъ съ неба радости и миръ.
Далекъ его мятежный міръ;
Для буихъ только и отребій
Онъ исключительный пріютъ,
И чрезвычайно пресловутъ—
И Богоматерній какъ жребій,
И такъ какъ къ небу вѣрный путь
Въ своемъ подвижничествѣ строгомъ,
Хоть не предъ міромъ, такъ предъ Богомъ.
Пускай хоть кто и говоритъ
О немъ невыгодно и криво,—
Другихъ позорить и чернить
Легко, вѣдь, очень и не диво...
Здѣсь былъ какой-то сумасбродъ,—
Зачѣмъ—для Бога, иль изъ видовъ,—
То знаетъ только что Господь,
Да самъ помѣшанный *** въ,
Который, въ бѣглый свой обходъ
Аѳона и его пустыней,
Какъ близорукій иль слѣпецъ,
Безъ чувствъ почтительныхъ къ святынѣ,

Былъ самый вѣтренный писецъ
Своихъ язвительныхъ записокъ,
Въ которыхъ онъ, своей порой,
Былъ слѣпъ, и мнителенъ, и низокъ,
И бѣшенъ жалкою душой...
Но Богъ суди его за враки!
Три года я въ горѣ провелъ,
А сказокъ этой забіяки
На самомъ дѣлѣ не нашелъ...
Онъ лжетъ безстыдно и порочитъ
Святую гору, словно бѣсъ;
Чрезъ что, конечно, онъ и прочитъ
По смерти судъ себѣ небесъ,
Когда за ложь и оболганье
И о безсовѣстьи своемъ
Не сложитъ въ чувствѣ покаянья
Своихъ молитвъ передъ Творцемъ...
Вѣдь, бѣсъ и въ Господѣ не видитъ
Себѣ добра; коль самый рай
Съ его блаженствомъ ненавидитъ,—
Такъ что-жь сказать про бѣдный край
Святой горы, гдѣ нѣтъ приличій
И разныхъ глупостей людскихъ,
И гдѣ для всѣхъ одинъ обычай—
Быть выше всѣхъ страстей своихъ,
Чуждаться міра, быть въ презрѣньи,
Всю святость въ сердцѣ хоронить,
А съ виду—въ дальнемъ отношеньи
Ко всѣмъ и всякому здѣсь быть?..

Гора, понравится ли людямъ,
Тѣмъ паче вѣтреннымъ душой?
Но мы ихъ глупымъ пересудамъ
Отвѣтимъ къ Господу мольбой,
За ихъ язвительныя строки,
Да самъ Господь исправитъ ихъ
И, давъ имъ зрѣть свои пороки,
Защититъ избранныхъ своихъ
Отъ глупыхъ колкостей людскихъ,
А Мать Его и Присно-Дѣва
Проститъ язвительныхъ людей
И отъ божественнаго гнѣва
Заступитъ милостью своей...
Что міръ бѣснуется и люди
Ужь самый тронули Аѳонъ,
Какъ будто иноки въ немъ худы,
Какъ будто ими жалокъ онъ,—
Легко пуститься въ пересуды
И видѣть въ солнышкѣ пятно...
Не солнце-жъ, вѣрно, въ томъ виною,
Когда давнымъ уже давно
Оно всѣхъ радуетъ собою,
Своей плѣнительной красой,—
Не чистъ, знать, слишкомъ глазъ людской.
О, какъ не вспомнить Константина *),
Когда на иноковъ ему
Былъ отъ монашескаго-жъ чина

*) Равно-апостольнаго.

Доносъ!.. Не внемля ничему,
Не прочитавши донесенья,
Въ клочки онъ изорвалъ его
И такъ сказалъ: когда-бъ случилось
Мнѣ зрѣть изъ иноковъ кого
Въ грѣхѣ какомъ,—не только-бъ милость
Ему я съ чувствомъ изъявилъ,
Но даже-бъ собственной десницей
Людскіе взоры застѣнилъ
И самой царской багряницей
Въ грѣхѣ я инока покрылъ...
Вотъ прежній духъ христіанина!..
А въ вѣкъ нашъ свѣтскій и шальной,
Отъ площаднаго міряннна
До самой знати записной,
Того и ищутъ, то и пища,
Чтобъ бѣдныхъ иноковъ язвить
И скромный бытъ ихъ пепелища
Предъ свѣтомъ вслухъ оговорить...

Евѳимія, или чудо св. мучениковъ Гурія, Самона и Авива.

Возсталъ, какъ пишетъ Четь-Минея,
Языкъ безбожный Еѳалитъ,
И бѣдныхъ гражданъ не жалѣя,
Эдесъ онъ городъ облежитъ,
Тѣснитъ, громитъ и безъ пощады
Въ конецъ разбить его готовъ,

И, какъ сосѣдственные грады,
Содѣлать жертвою оковъ.
Чрезъ-чуръ и слишкомъ ужь до сыта
Упился кровью христіанъ
Мечъ грозный злаго Еѳалита;
А ненасытимый тиранъ
Желалъ погибели Эдеса...
Но прежде, нежели успѣлъ
Взять городъ сей служитель бѣса,
Эдесу въ помощь подоспѣлъ
Отрядъ силъ греческихъ, и вои,
Занявши въ городѣ постои,
Могучей грудью и копьемъ,
Въ летучихъ схваткахъ предъ стѣнами,
Всегда верхъ брали надъ врагомъ,
И грозно сыпали стрѣлами
Въ его смутившуюся рать,
Пока, не могши устоять
Противу града, Еѳалиты
Въ конецъ оставили его,
И съ горстью войска своего
Пошли домой, стыдомъ покрыты ..
Въ Эдесѣ этою порой
Жила-была вдова Софія,
Какъ ангелъ—добрая душой
И жизни истинно-святой.
Софія такъ была скромна,
Что въ рѣдкость выискать такой
Вдовицы скромной, какъ она;

У ней семьи—лишь дочь одна,
Которой только утѣшалась
Въ безродный вѣкъ свой сирота,
И сладкой мыслію ласкалась,
Что ей по смерть ея дитя
Опорой будетъ; дочь же та
Вдовы Софіи называлась
Евѳиміей, и такъ мила
Лицомъ Евѳимія была,
Что ни поэтъ и ни ваятель,
Ни кисть не въ силахъ очертить
Красы, которою Создатель
Благій всещедро одарилъ
Младую дщерь святой вдовицы.
За то и набожная мать
Блюла ее, какъ глазъ зѣницы:
Не знала дочь ея пировъ,
Не знала шумныхъ развлеченій,
Ни міра сладостныхъ отрадъ,
Которыми онъ такъ богатъ;
И зналъ, и видѣлъ только Богъ,
Какъ вѣкъ свой дѣва проводила...
Въ затворъ дѣвическій она,
Какъ цвѣтъ, въ пустынѣ утаенный,
Была отъ всѣхъ схоронена
И втайнѣ горлицей смятенной
Раздумье сердца, вздохъ тоски
И мысль о Богѣ распѣвала;
Всѣ игры были далеки

Ея дней юныхъ, и не знала
Она ни пляски, ни подругъ,
И тутъ ей не было досугъ:
Она надъ пяльцами трудилась,
Или крутила вертено,
То скромно Господу молилась,
И развѣ только подъ окно
Когда задумчиво садилась;
Тогда забывъ свой трудъ дневной,
Она слѣдила за луной,
И, взоромъ плавая за нею,
Носилась въ свѣтлыхъ небесахъ
Своей тоскующей душею
Иль въ умилительныхъ слезахъ
Себѣ на память приводила
Тотъ тайный міръ и лучшій свѣтъ,
Куда провесть должна могила
Всѣхъ насъ по скорби нашихъ лѣтъ.
Когда жъ Евѳимія таилась
Въ затворѣ этомъ и порой,
Какъ ангелъ, Господу молилась,
Еще не трогаясь молвой
И сердца страстью роковой,—
Эдесъ въ осадѣ вражьей былъ:
Гремѣли трубы боевыя;
Толпы свирѣпыхъ усачей
По стогнамъ города бродили,
И домы гражданъ наводнили.
И въ домъ Софіи поступилъ

Въ ту пору Готѳъ,—лихой солдатъ
(Онъ былъ и статенъ, и богатъ).
Однажды какъ-то изъ за пяльца,
Оставивъ скромный свой затворъ
Пошла Евѳимія во дворъ.
Своею дѣвственной красой
Была плѣнительно мила
Младая дѣва... Между тѣмъ
Является во дворъ и Готѳъ,
И, встрѣтивъ дѣву молодую,
Заводитъ пѣсню удалую...
Но скромная Софіи дщерь
Порхнула въ дверь свою, и скрылась.
Сначала воинъ, внѣ себя,
Тому видѣнью подивился,
И, пылко дѣву полюбя,
Такъ страстно сердцемъ уязвился,
Что думать сталъ онъ наконецъ,
Какъ съ ней пойти бы подъ вѣнецъ...
И день и ночь, томясь тоскою,
Несчастный Готѳъ страдалъ, и зрѣлъ
Онъ образъ милый предъ собою,
Когда и спалъ, когда и бдѣлъ,
Иль въ схваткахъ былъ кровавой сѣчи.
Счастливый мигъ внезапной встрѣчи
Съ прелестной дѣвушкой его
Волшебнымъ образомъ тревожилъ
И въ страсти сердца своего
За непремѣнное положилъ

Открыться онъ,—и наконецъ
Сказать рѣшительно вдовицѣ,
Чтобъ свесть къ налою подъ вѣнецъ
Его съ Евѳиміей—дѣвицей,
Безъ коей жизни онъ не радъ, —
Тогда какъ, извергъ и повѣса,
Онъ былъ давнымъ давно женатъ,
Чего изъ жителей Эдеса
Никто не зналъ, не могъ и знать.
Сгарая страстью потаенной,
Въ любви преступной и шальной,
Вотъ разъ онъ скромно и смиренно,
Поникши долу головой,
Вдовѣ Софіи объяснился,
Что онъ въ Евѳимію влюбился,
И всячески ее молилъ
Явить ему благоволенье,
Чтобъ онъ обвѣнчанъ съ нею былъ...
Софія, выслушавъ моленье,
Махнула старческой рукой
И съ гласъ его уйти долой
Тогда жъ хотѣла, молвивъ только:
„Отдать мнѣ дочь, и въ край чужой?..
Скорѣе въ гробъ я дочь свою
Уложу, чѣмъ отдамъ тебѣ!"
Взбѣсился Готѳянинъ... Онъ грозно
На это крикнулъ ей: „Коль такъ,
Ты хочешь сдѣлать то серьезно, —
Такъ знай, что я тебя убью,

Иль, лишнихъ словъ съ тобой не тратя,
Возьму я тайно дочь твою!
Ты знаешь выходки солдата!..
Я силенъ, знатенъ и богатъ...
О, грудой бисера и злата
Тебя осыплю, коль отдать
Рѣшишься дочь... Отдай, Софія!..
Клянусь я Богомъ предъ тобой, —
Клянусь и Дѣвой Пресвятой,
Что дѣвы я любить иныя
Ужь такъ не въ силахъ, какъ люблю,
И страстнымъ сердцемъ обожаю
Одну Евѳимію твою!..
Отдай ее!.. Я весь сгараю,
Я весь сгорю и растоплюсь
Въ любви къ Евѳиміи, коль только
Руки и брака съ ней лишусь"...
Но какъ ни жалобно, ни горько,
Въ любви докучливой своей,
Молилъ Софію, на колѣни
Тотъ Готѳъ бросаясь передъ ней,—
Она не слушала моленій,
Ни клятвъ, ни жалобы его,
И только въ чувствѣ опасеній
За постояльца своего,
Зорчѣе прежняго хранила
Сиротку-дочь, и ничего
Съ тѣхъ поръ ужь съ нимъ не говорила,
Хоть сколько разъ ни приступалъ

Къ ней этотъ вѣтреный нахалъ...
  Но вотъ прошло съ тѣхъ поръ полгода,
И въ это время не давалъ
Софіи Готѳянинъ прохода,
Подъ часъ гостинцы ей даря,
То клятвы съ страшною божбою
Предъ нею временемъ творя,
Что лишь законною женою
Не будь Евѳимія ея,
Онъ чудо счудитъ надъ собою,
И въ петлю броситься готовъ...
Софія, слыша то, бѣдняжка,
Сдалась на клятвы льстивыхъ словъ,
И дѣва юная, какъ пташка
Въ силокъ разставленный тогда
Увязла жалко; какъ ни билась,
Сгарая въ мысляхъ отъ стыда,
А съ постояльцемъ обручилась
И съ нимъ къ налою подъ вѣнецъ
Она, какъ агница, явилась.
Сыгралась свадьба наконецъ,
Часы и дни, какъ сонъ, летѣли,
Съ тѣхъ поръ смѣнились много кратъ
И цѣлымъ мѣсяцомъ недѣли,
И вотъ Евѳимія, какъ мать,
Ужь чувствомъ новымъ оживилась,
А мужъ ея, хоть низкій льстецъ,
Игралъ предъ нею, какъ отецъ,
И жизнь ихъ весело катилась.

Межъ тѣмъ тѣснившіе Эдесъ
Осадой давней Еѳалиты,
При тайной помощи небесъ,
Всѣ были въ пухъ уже разбиты:
Тогда вся греческая рать
Къ своей отчизнѣ распускалась,
Срядился и Софіи зять,
Хоть какъ она ни убивалась,
Въ числѣ другихъ солдатъ домой
Съ своей прекрасною женой...
Напрасно силилась Софія,
Въ слезахъ отчаянья своихъ,
Не отпускать въ мѣста чужія,
И самый бракъ расторгнуть ихъ...
Уже Евѳимія носила
Подъ сердцемъ брачный свой залогъ,
И никакая власть и сила,—
Никто расторгнуть то не могъ,
Что сочеталъ законъ и Богъ.
Прéдвидя эту невозможность
И зная зятя нравъ дурной,
Вдовица та въ предосторожность
Ведетъ его во храмъ съ женой,
И, ставши съ нимъ передъ гробницей
Святыхъ страдальцевъ, такъ рекла:
„Какъ мужъ, владѣй отроковицей;
Но чтобъ не сдѣлалъ ты ей зла,
Не съ рукъ моихъ тебѣ вручаю,
А вотъ споручники мои; —

Чрезъ нихъ я дочерь отпускаю
Съ тобой въ далекіе края!
Возьмись за сей ковчегъ священный
Рукой супружеской твоей, —
Клянись мнѣ клятвой неизмѣнной,
Что милой дочери моей
Обидъ и зла и притѣсненій
Въ твой вѣкъ,—по смерть не причинишь;
Иначе Богъ, какъ Богъ отмщеній,
Коль клятвамъ сердца измѣнишь,
Тебя накажетъ въ жизни этой!..
О, Богъ нашъ грозенъ и правдивъ!..
Клянись мнѣ Дѣвою всепѣтой!..
Самонъ и Гурій и Авивъ,
Вотъ-здѣсь лежащіе въ гробницѣ,
Тебя накажутъ, если ты
Какое зло отроковицѣ
Содѣешь дома иль въ пути...
Смотри-жъ! Итакъ твоей рукою
Святой гробницы ихъ коснись,
И, клявшись мнѣ, съ твоей женою,
Куда твой путь лежитъ, несись. — "

Во дни царя Максиміана
Христова церковь много зла
Снесла отъ этого тирана,
И много крови пролила;
Но сколько грозныхъ смутъ ни знала,
Рѣкой хоть кровь она лила,

А отъ Христа не отступала...
О, тьмы неисчислимыхъ темъ
Тогда страдальчески скончались
И славы райскія вѣнцемъ
За то отъ Бога увѣнчались!
И вотъ въ числѣ страдальцевъ тѣхъ,
Во дни царя Максиміана,
Почти лютѣйшаго изъ всѣхъ
И кровожаднаго тирана,
Христова церковь зрѣла трехъ
Своихъ ревнителей закона—
Авива, Гурія, Самона,
Животъ сложившихъ за нее
И вѣру впечатлѣвшихъ кровью...
Чрезъ все земное бытіе,
Горя божественной любовью,
Передъ Музоніо Самонъ
И дивный Гурій, безъ боязни,
Крѣпились вѣрою, — и онъ,
Въ жестокихъ пыткахъ истощившись,
Велѣлъ имъ головы отсѣчь, —
И, словно травку полевую,
Пожалъ ихъ выи грозный мечъ.
Авивъ же жизнь свою святую,
По смерти ихъ чрезъ много дней,
Среди жестокихъ истязаній,
Скончалъ тогда, какъ судіей
Въ Эдесѣ нѣкто былъ Лисаній,
Который сжегъ его огнемъ,

Водясь наушничествомъ бѣса.
И въ память, въ честь страдальцамъ тѣмъ
Воздвигли жители Эдеса
На красной площади своей
Прекрасный храмъ, гдѣ предъ гробницей
Ихъ страстотерпческихъ мощей
Клянется Богу и вдовицѣ
Презрѣнный Готѳянинъ; онъ ей
Даетъ страдальцевъ тѣхъ въ поруки,
Что съ нимъ въ свой вѣкъ жена его,
Во время матерней разлуки,
Не пострадаетъ ничего,
И даже легкихъ смутъ и скуки
До гроба будетъ далека,
И вотъ страдальческой гробницы
Его преступная рука,
Въ успокоеніе вдовицы,
Коснулась смѣло, и злодѣй
Съ печальной тещей распростился
И съ прочей жениной родней,
И въ путь далекій покатился
Съ младой супругою своей.
Межъ тѣмъ злодѣй изъ опасенья
Уволилъ служку своего,
Боясь, чтобъ дома поведенья
И гнусныхъ шалостей его
Не могъ онъ высказать, но больше
Страшился, кажется, того,
Чтобъ служка, волей иль неволей,

Въ лакейской глупости своей,
Его женѣ не разболтался,
Что онъ съ Евѳиміей, злодѣй,
Противзаконно обвѣнчался.

Давнымъ давно съ своей женой
Ужъ ѣдетъ Готѳянинъ дорогой,
И вотъ, когда уже домой
Онъ съ ней приблизился, разъ строго
Нахмурилъ брови и лицо,
Взглянулъ неистово и мрачно,
Потомъ съ руки ея кольцо,
Залогъ взаимности ихъ брачной,
Схватилъ преступною рукой,
Забывъ любовь и клятвы брака,
И бѣсясь, словно, какъ собака,
Сорвалъ съ нея уборъ драгой
И вмѣсто перваго наряда
Онъ далъ Евѳиміи — дурной
И самый скромненькій для взгляда.
А самъ, поднявши мечъ надъ ней,
Онъ съ видомъ бѣшенства и гнѣва
Сказалъ: „коль ты женѣ моей
Дашь знать о томъ, что ты не дѣва,
А съ давнихъ поръ жена моя,
Тогда-жъ убью за то тебя!
Смотри-жъ: отнынѣ называйся
Рабою плѣнной, и во всемъ
Моей женѣ ты покоряйся;

А если молвишь между тѣмъ
Хоть слово... слышишь ли—не кайся:
Тогдажъ за выходку твою
Вотъ такъ тебя я заколю!“

Весь страхъ Евѳиміи и слезы,
Сердечный трепетъ и печаль,
Тогда, какъ дѣлая угрозы,
Ее мужъ правъ своихъ лишалъ, —
Все это высказать едва ли
Кто можетъ ясно, иль понять,
Не то, что здѣсь пересказать
Ея томленье и печали
И весь страдальческій позоръ.
Она въ слезахъ своихъ сначала
Ему свой дѣлала укоръ,
Его всѣ клятвы поминала;
Когда жъ замѣтила потомъ,
Что онъ неистовъ былъ и мраченъ
Своимъ нахмуреннымъ челомъ
И въ чувствахъ къ ней перемѣнился, —
Смирилась, молча, передъ нимъ,
И въ крайней горести, сквозь слезы,
Она предъ Господомъ своимъ
Невѣрность мужа и угрозы,
Сложила съ тайною мольбой;
Ему свой жребій поручила,
И въ готѳяниновъ домъ рабой
Тогда жъ Евѳимія вступила,
Гдѣ не прошло пяти минутъ,

Какъ сердце Готѳянки ревнивой
Забилось чувствомъ тайныхъ смутъ,
При видѣ дѣвушки красивой,
Въ которой сладкій звукъ рѣчей,
Ея пріемы и учтивость,
Ея задумчивыхъ очей
Неизъяснимая красивость,
Не то, что видъ рабы простой,
Или случайныя бѣглянки
Являли Готѳянкѣ собой,
А видъ плѣнительной дворянки,
Что ревность бѣшеную въ ней
Невольнымъ образомъ будило,
Хоть часто мужъ женѣ своей
Со всею прелестью и силой
Любезной ласки выражалъ,
Что онъ съ минуты обручальной
Ни разу ей не измѣнялъ,
Ее любить не преставалъ, —
Ну, словомъ—любитъ чрезвычайно...
„А это что? твоя раба
Имѣетъ тайный плодъ во чревѣ,
И, значитъ, это отъ тебя!“
Подъ часъ запальчиво и въ гнѣвѣ
Кричала буйная жена...
„Пустое! готѳянинъ на это
Женѣ съ улыбкой говорилъ:
Вѣдь нынѣ только, въ это лѣто
Рабу я въ руки захватилъ,

И то вѣдь только что дорогой....
Къ чему жъ ты мучишь такъ себя
Ревнивымъ чувствомъ и тревогой?
Пускай имѣетъ плодъ раба:
То плодъ какой нибудь случайный;
Коль, правомъ брачнымъ дорожа,
Захочешь ты, тàкъ этой тайны
Дознайся такъ, какъ госпожа!“
Но тщетно клятвой и божбою
Завѣрить силился такъ онъ
Свою жену, и рѣчью тою
Ее дурачилъ... Ужь огонь
Сжигалъ ее той страстью бурной,
При коей въ милыхъ лицахъ намъ
Безцѣнно все, и частью дурно
И рай съ геенной пополамъ,
Когда, какъ въ пламени сгарая,
Въ любви къ предмету своему,
И страстнымъ сердцемъ обожая,
Весь свѣтъ ревнуемъ мы къ нему...
Ужь ревность готѳянку сушила,
И адскимъ чувствомъ сердце жгла;
Она Евѳимію томила
Трудами тяжкими—кляла,
Позорнымъ именемъ звала,
И даже часто ей грозилась—
Сгубить и смучить да конца....
Когда-жъ бѣдняжка разрѣшилась
Потомъ родами, и съ лица,

Какъ двѣ вотъ капли, на отца
Похожъ рабынинъ былъ младенецъ, —
Взбѣсилась готѳянка и самъ
Смутился даже двоеженецъ...
Съ тѣхъ поръ ни клятвамъ, ни божбамъ
Ужь мѣста не было: улика
Въ чертахъ младенческаго лика
Была бездѣльнику тому,
Хоть жарко въ томъ онъ заклинался,
Что въ умъ раба не шла ему,
Когда онъ съ нею возвращался
Съ чужбины къ дому своему....
Тогда же готѳянка секретно
Купила яду и влила
Въ рожокъ кормильный непримѣтно,
Когда Евѳимія ушла
Куда-то разъ отъ колыбели.
Младенецъ выссалъ ядъ съ млекомъ,
И губки тотчасъ помертвѣли;
Глаза сверкнули и потомъ
Съ тревожнымъ, судорожнымъ сномъ,
На вѣки вѣчны закатились;
Раскрылись трепетно уста,
Остались такъ, не затворились
И сгибло милое дитя
Отъ дѣйствій гибельнаго яда...
Когда-жъ Евѳимія домой
Вернулась, что тогда для взгляда
Явилось въ люлькѣ роковой?..

Боясь тронуть ея покой,
Она на цыпочкахъ подходитъ,
Дыханье самое таитъ,
И что-жъ бедняжечка находитъ?..
Ея малютка мертвъ лежитъ!..
Недвиженъ взоръ его безцѣнной,
И влага тонкая струитъ
Изъ устъ его съ зловѣщей пѣной...
Не вѣря собственнымъ глазамъ,
Она на грудь малютки пала
И ручку мертвую къ устамъ
Прижавши, горько зарыдала...
Никто Евѳиміи не зрѣлъ —
Никто съ страдалицей прекрасной
Дѣлиться чувствомъ не хотѣлъ,
Когда она, въ тоскѣ ужасной,
Едва не нага, — безъ всего,
Убравъ младенца своего
Въ одни пеленки, и насилу
Кладбища съ гробомъ дотащась,
Младенца сложила въ могилу,
Надъ нимъ повыла, порвалась
Плачевно Богу помолилась,
Потомъ, наложивъ прахъ земной,
Своей дрожащею рукой
Воздвигла крестъ; предъ нимъ склонилась,
И молча вслѣдъ затѣмъ домой
Она, бѣдняжка, воротилась,
Сокрывши въ сердцѣ глубоко

Свое предчувствіе, что точно
Былъ ядъ младенцу во млеко
Подлитъ хозяйкою порочной.
И чтобъ дознать ей то порой,
Она уста его волной
Тогда отерла, какъ сряжала
Его въ могилу на покой,
И эту волну сохраняла
Для буйной барыни своей.
Съ тѣхъ поръ Евѳимія жестоко
Страдала тѣломъ и душей,
И часто въ горести глубокой
Молилась Богу и своимъ
Святымъ эдесскимъ страстотерпцамъ,
И скорбь высказывала имъ
Своимъ стѣсняющимся сердцемъ, —
Прося, чтобъ счастливые дни
Ей дали посмотрѣть они...
Однажды какъ-то пиръ горою
Тотъ задалъ готѳянинъ друзьямъ
И за пирующей роднею
Кутилъ по воински онъ самъ;
Бокалы стукались, шипѣли;
Вино катилось въ нихъ рѣкой,
И тосты звучные гремѣли,
Дрожалъ весь домъ въ пирушкѣ той,
И пѣли звена самыхъ оконъ. —
Хозяйка въ пласкахъ, внѣ себя,
Козою прыгала, и локонъ

Волосъ запукленныхъ ея
Сбѣгалъ на персп, какъ змія...
Обхваченъ станъ, и грудь и шею
Обвивши, шарфъ ея игралъ,
И за летавшей госпожею
Онъ въ бальномъ воздухѣ леталъ...
Межъ тѣмъ Евѳимія служила
Рабой въ томъ пирѣ для гостей.
Десертъ и множество сластей
Она по часту разносила,
А чваннымъ женщинамъ порой,
Струя напитокъ дорогой,
Въ роскошныхъ чашахъ подносила...
Шумѣли гости, — пиръ горой, —
Бокалъ бокалами смѣнялся,
И средь пирующихъ гостей
Ужь пьяный готѳянинъ шатался...
И вотъ для барыни своей
Полнымъ налилъ онъ чашу полну. .
Тогда Евѳимія на ней
Повѣрить вздумала ту волну,
Которой дѣтскія уста
Она отерла, какъ сряжала
По смерти въ гробъ свое дитя
И эту волну сохраняла,
Рѣшаясь выжать ядъ порой
Въ питье для готѳянки нахальной;
И нынѣ робкою рукой
Она взяла ту волну тайно,

Кладетъ въ напитокъ дорогой
И, выжавъ влагу, пить подноситъ
Преступной барынѣ своей —
И выпить все до капли проситъ
За здравье мужа и гостей.
Та хлопъ — и къ утру околѣла!..
Проснулся готѳянинъ, — глядитъ:
Она какъ уголь почернѣла,
Разинутъ ротъ и не закрытъ,
И духъ ужъ вылетѣлъ изъ тѣла...
Его невольный пронялъ страхъ...
Стеклись сосѣди и родные
И, по рыданьи и слезахъ,
Они сложили мертвый прахъ
На вѣкъ въ заклепы гробовые,
Съ такимъ процессомъ похоронъ,
Что даже былъ церковный звонъ;
А гробъ-такъ словно какъ игрушка!..
Вновь зазвалъ готѳянинъ гостей
За упокой жены своей,
И такъ же весело пирушка
Дана была почти во всемъ,
Какъ и за-сутки передъ тѣмъ.
Прошла пирушка; дни хмѣльные
Минулись смутой головы,
И чрезъ седмицу — всѣ родные
(Вездѣ обычьи таковы!)
Творя поминки, толковали
Въ разгульномъ видѣ межъ собой,

Что смерти горькой—не раба ли
Для ихъ покойницы родной
Должна быть главною виной?
За тѣмъ, что съ госпожею
Она со временемъ груба,
Хвалилась будто-бы предъ нею,
Что дастъ ей знать она себя!..
Гадали такъ и присудили
(Знать дома не было судьи),
Умершей други и свои,
Что-бъ вскрыть заклепъ ея могилы
И тамъ-же бросить и зарыть
При ней рабу ея лихую
И нужной смертью уморить
Ее, безбожницу такую...
И вотъ тогда-жъ они толпой,
Обставъ Евѳимію бѣдняжку,
Тащатъ съ нея уборъ долой,
Оставивъ только что рубашку;
Шумятъ, кричатъ, ее бранятъ;
Веревкой длинной оцѣпляютъ,
И руки вяжутъ ей назадъ,
И всѣ насмѣшки истощаютъ
Надъ жертвой буйства своего.
Вотще предъ грозною толпою
Стоитъ Евѳимія съ мольбою:
Толпа не слышитъ ничего
И знать не хочетъ ни моленій,
Ни просьбъ, ни Бога — никого, —

И наконецъ, въ остервененьи,
Они бѣдняжку повлекли
Къ могилѣ сродницы почившей,
Ужь въ нѣдрахъ праха и земли
Почти въ семь дней полу-изгнившей,
И, вскрывъ ея могильный склепъ,
Въ ужасный мертвенный вертепъ
Они Евѳимью бросили,
А склепъ задвинувъ гробовой
Тяжелой каменной плитой,
Отъ заваленныя могилы
Ушли шумливою толпой.
Не то, что высказать не въ силахъ,
Но даже чуть ли льзя понять
Все то, что мрачная могила
Могла навесть, иль чѣмъ обдать
Въ потьмахъ Евѳимію близъ праха
Согнившей готѳянки лихой.
Какъ легкій листъ трясясь отъ страха,
Прижалась въ уголъ гробовой
Безъ чувствъ Евѳимія сначала,
Но гдѣ ни думала присѣсть,
Своимъ остовомъ ей мѣшала
Хозяйка, вытянувшись здѣсь
Своими долгими ногами,
А тамъ — ревнивою башкой
Или костлявыми руками.
Представьте только-то вы сами, —
Вонючій трупъ, и весь гнилой

Который сплошь покрытъ червями —
Передъ Евѳиміей лежитъ,
Какъ будто пальцемъ ей грозитъ,
И важно вытянувши ноги
Свой бѣлый саванъ шевелитъ...
Какой-бы здѣсь философъ строгій
Высокимъ духомъ не упалъ?
Кто въ чувствѣ трусости невольной
Здѣсь выше самъ себя-бы сталъ,
И выждать могъ бы смерть спокойно
Въ затворѣ съ гнившимъ мертвецомъ...
И слышать кажется ужасно,
Не то, что быть въ затворѣ томъ!
И вѣрно то, что здѣсь напрасно
И тщетно слабыя руки
Усилье выбиться несчастной
Изъ-подъ надвинутой доски.
Безъ чувствъ Евѳимія прижалась
Близъ мертвой въ уголъ гробовой
И только смерти дожидалась,
Залившись горькою слезою...
Межъ тѣмъ всей мыслію и сердцемъ
Предавшись Богу и святымъ,
Она эдесскимъ страстотерпцамъ
Вручилась жребіемъ своимъ.
И вотъ, когда въ растратѣ силы
Ума и сердца, душенъ сталъ
Ей воздухъ смрадныя могилы,
И духъ предсмертно замиралъ:

Вдругъ свѣтъ предивный заигралъ
Въ ея очахъ и — ей предстали
Три мужа; видъ и лица ихъ
Небесной славою играли,
Какъ лица ангеловъ святыхъ,
И райскимъ запахомъ дышали
Одежды явльшихся мужей....
Они къ ней тихо подступили
И отъ играющихъ лучей
Ихъ славы райской мракъ могилы
Исчезъ тогда же передъ ней;
Потомъ сказали ей: „не бойся,
Но вѣрой въ Господа крѣпись,
И сердцемъ сладко успокойся!...“
Глядитъ Евѳимія на нихъ;
Сама себя не понимаетъ,
И въ чувствахъ сладостныхъ своихъ
Дыханье ихъ въ себя вдыхаетъ;
Живится свѣтомъ, страхъ забывъ,
И видитъ въ ангельскихъ ихъ лицахъ,
Что это Гурій и Авивъ
Съ Самономъ, такъ какъ на гробницахъ,
Она видала лики ихъ,
Живя въ краяхъ еще своихъ....
Отъ ихъ небеснаго явленья
И звуковъ кроткой рѣчи той,
Жившей мыслію спасенья
Отъ этой смерти гробовой,
Такъ сладко сердце въ ней забилось,

Что-какъ невѣдомо самой —
Въ самозабвенье погрузилась,
И сонъ въ ней чувства упоилъ....
То тихій сонъ, неизъяснимый,
Летучій, самый тонкій былъ,
И въ немъ-то силою незримой
Отъ гроба въ мигъ была она
Въ Эдесъ родной пренесена,
И тамъ внезапно пробудилась
Отъ усладительнаго сна.
Открыла очи, — изумилась,
И снова видитъ предъ собой
Самоңа, Гурія, Авива,
Сіявшихъ солнечной красой....
Она понять не можетъ дива
И мѣста даже, гдѣ лежитъ,
Смотря на ихъ святыя лица....
Глядитъ: — вблизи ея стоитъ
Давно знакомая гробница,
И свѣтъ играющихъ лучей
Разлитъ отъ множества свѣчей.
„Теперь ужь радуйся! и спѣшно
Иди въ домъ матерній, ты тамъ
Скажи, какъ въ скорби безутѣшной
Готовы мы на помощь вамъ!
Вотъ мы, ты видишь, ускорили
Тебя избавить отъ могилы
И всѣхъ скорбей и мукъ твоихъ!“
Едва лишь только то сказали

Они Евѳиміи, и вмигъ
Предъ ней невидимыми стали.
Тогда Евѳимія встаетъ,
Глазами вкругъ себя обводитъ,
Родную церковь узнаетъ,
И все знакомое находитъ —
Иконы, стѣны, клироса,
Въ ихъ видѣ прежнемъ и старинномъ,
Поющихъ слышитъ голоса,
И въ одѣяніи священномъ
Стоялъ ея приходскій попъ;
А здѣсь подъ дивнымъ балдахиномъ
Ея избавителей гробъ,
Покрытый тканью парчевою,
Въ блестящихъ вышивкахъ кругомъ,
И съ золотистой бахрамою
На покрывалѣ парчевомъ...
Глядитъ, дивится и съ слезами
Свой взоръ на небо подняла,
Склонилась въ прахъ передъ мощами
Святыхъ страдальцевъ, обняла
Ихъ гробъ дрожащими руками,
И стала пѣть она предъ нимъ
Свои хвалы и славословье
Святымъ поручникамъ своимъ,
Чему духовное сословье,
Внимая нѣсколько минутъ,
Поступку женщины дивилось.
Оставивъ утреню, идутъ

Смотрѣть всѣ, что у нихъ случилось
И въ той пѣвицѣ узнаютъ
Они Евѳимію, къ которой
И мать явилась наконецъ,
И чувствъ старушки этой хворой
Волненье, трепетъ ихъ сердецъ,
Восторги ихъ внезапной встрѣчи,
Ея безсвязность, нѣмоту,
Ихъ слезы сладкія и рѣчи —
Не мнѣ писать картину ту...
Упавъ на старческую выю,
Молчитъ Евѳимія, и жметъ
Въ объятьяхъ мать свою Софію
И молвить слова не даетъ...
Старушка плачетъ и, рыдая,
Цѣлуетъ дочь свою въ уста,
Душой и сердцемъ замирая,
Ей шепчетъ только-что: „дитя! —
Дитя мое! дитя родное!
Откуда, — какъ ты здѣсь взялось?
Зачѣмъ въ лохмотьяхъ? Что такое,
Дитя мое, съ тобой сбылось?
Зачѣмъ такъ жалостно одѣта?“...
Но вмѣсто слова и отвѣта,
Упала дочь въ объятья къ ней,
И обѣ въ плачѣ и рыданьи
Не могутъ выискать рѣчей
При этомъ сладостномъ свиданьи....
Ужь кое-какъ потомъ, скрѣпивъ

Себя, Евѳимія сказала
Все то, какъ съ родины отбывъ,
Она отъ мужа пострадала,
Самонъ какъ, Гурій и Авивъ
Ей въ гробѣ мертвенномъ явились,
И волей Бога пренесли
Въ родной Эдесъ съ земли чужой...
И слыша это, всѣ дивились,
И цѣлый день послѣ того
Они страдальцамъ промолились
Въ признаньи сердца своего,
За ихъ божественную милость.
Съ тѣхъ поръ Евѳимія опять
Жить стала дома. Что-жь случилось
Съ ней въ жизни, — всѣмъ передавать
Она за долгъ себѣ вмѣнила,
И съ чувствомъ самыхъ жаркихъ слезъ
Она при этомъ говорила:
„Нашъ Богъ есть дивный Богъ чудесъ!"
„Но Онъ же есть и Богъ отмщеній!"
Прибавимъ къ этому мы съ ней,
И — какъ Онъ силою своей,
За дерзость многихъ преступленій
Достойнымъ образомъ отмстилъ
Повѣсѣ-готѳу, мы помянемъ
И коль достанетъ нашихъ силъ,
Разсказъ затянутый дотянемъ.

По лѣтѣ нѣкоемъ съ тѣхъ поръ,
Опять содѣлали напоръ,

Хоть прежде были и разбиты,
На городъ греческій Эдесъ
Его сосѣди — Еѳалиты...
Языкъ безбожный тотъ нанесъ
Ударъ жестокій на окрестность
Эдесскихъ мѣстъ, и слыша то,
Что вся эдесская предмѣстность
Преобразилась ужь въ ничто
Отъ налетѣвшаго злодѣя, —
Тогдашній царь (не знаю кто,
И какъ назвать, и четь-минея
О томъ совсѣмъ не говоритъ),
Указомъ, посланнымъ въ извѣстье,
Державно воинству велитъ —
Отмстить эдесское безчестье
И Еѳалита отразить...
Валятъ отвсюду спѣшно вои
Эдесу въ помощь, и весь градъ
Преобразился въ ихъ постои,
Чему иной хоть и не радъ.
Въ числѣ другихъ и нашъ знакомецъ —
Преступный Готѳянинъ притекъ;
И словно правый человѣкъ,
Не зная вовсе — вѣроломецъ —
Чудесъ свершившихся съ его
Въ могилу брошенной женою
Къ Софіи прямо для постою;
И та, какъ будто ничего
Изъ жизни ихъ еще не знаетъ,

На встрѣчу вышла; проситъ въ домъ,
И двери настежъ отворяетъ,
Сбираетъ всѣхъ родныхъ потомъ,
И, сѣвши съ зятюшкой рядкомъ,
Она бесѣду начинаетъ:
„Ну, что, какъ истинный Христосъ
Васъ, дѣтки, до дому донесъ?
Легко-ль родами разрѣшилась
Моя Евѳимія, и какъ
Она, бѣдняжка, не рѣшилась
Со мной увидѣться?...“ Никакъ,
(Сказалъ ей готѳянинъ) ей милой
Нельзя теперь пуститься было, —
За тѣмъ, что этотъ путь для насъ
Совсѣмъ противу ожиданья;
Ужь какъ бѣдняжка ни рвалась
Моя Евѳимія до васъ,
Но Богъ ей не далъ для свиданья
Теперь возможности; потомъ,
Коль будемъ живы — да здоровы,
Побыть мы съ ней въ кругу родномъ
Хоть годикъ цѣлый — такъ готовы...
Межъ тѣмъ всѣмъ шлетъ она поклонъ.
Насчетъ родовъ-то слава Богу!
Родился сынъ... милашка онъ!
Ужь рѣзвъ, становится на ногу;
И милой бабушкѣ даритъ
Улыбку первую, и ясно
Кой-что твой внучекъ говоритъ;

Играетъ, рѣзвится, шалитъ
И бабу кличетъ по всечасно!...
„Обманщикъ ты! нашъ лиходѣй!
Развратникъ!...“ крикнула Софія
Въ правдивой ярости своей,
И тотчасъ двери боковыя
Хватила старческой рукой;
Дверь тихо скрыпнула, тронулась
И настежъ быстро распахнулась...
Изъ двери робкою ногой
Тогда Евѳимія выходитъ,
И, ставъ предъ мужа, глазъ своихъ
Съ убійцы гнуснаго не сводитъ,
Какъ будто силясь черезъ нихъ
Всю пылкость высказать укора,
Великость срама и позора
И всѣхъ скорбей, и какъ она
Его невѣрностію брачной
Была на смерть обречена...
Смутясь отчаянно и мрачно,
Трухнувъ до крайности, какъ воръ —
На дѣлѣ пойманный, — какъ Каинъ
Затрясся Готѳъ, потупилъ взоръ,
Не постигая дивныхъ таинъ
На счетъ того, какой судьбой
Жену онъ видитъ предъ собой,
И какъ изъ гроба оказалась
Она у матери родной...
Въ догадкахъ мысль его терялась...

И видя то, что средствъ ужъ нѣтъ —
Избѣгнуть праведныя казни,
Онъ сущей правдой признаетъ,
Безъ запирательствъ и боязни,
Улики собственной жены...
Тогда-жъ онъ схваченъ былъ и цѣпи
Вкругъ ногъ его обложены,
И онъ въ тюремные заклепы
Былъ брошенъ приставомъ судьи...
Его Евѳимія и матерь,
Межъ тѣмъ всѣ жалобы свои
Изложивъ, съ просьбою вошли,
Моля, да этотъ поругатель
И брачныхъ правъ и клятвъ своихъ,
Судимъ былъ правдой и закономъ
И отомщенъ вполнѣ за нихъ
Въ своемъ поступкѣ беззаконномъ...
Всѣхъ прежде съ просьбою такой
Онѣ пошли къ архіерею;
Но тотъ, не смѣя самъ собой
Рѣшить то дѣло, со вдовой
Явился лично предъ судьею...
Судья ихъ принялъ: просьбу взялъ;
Когда-жъ во слухъ ее читали, —
Всѣхъ ужасъ слушающихъ бралъ;
Тогда преступника призвалъ
Судья, и вновь перечитали
На готѳа гнуснаго доносъ;
И отобравши показанье

Своимъ порядкомъ и допросъ,
Судья назначилъ въ наказанье
Главу преступника отсѣчь,
А тѣло вмѣстѣ съ ней сожечь!
Напрасно силился Евлогій, —
Епископъ паствы той, просить,
Чтобъ судъ и приговоръ тотъ строгій,
Не то, чтобъ вовсе отмѣнить,
А только нѣсколько смягчить
И вмѣсто казни, дать убійцѣ
Свободу все оплакать то,
Что сдѣлалъ онъ отроковицѣ;
Судья не вздумалъ ни-за что
Тронуться просьбами владыки,
Боясь, чтобъ въ грѣхъ ему великій
Господь ту милость не вмѣнилъ;
Тревожась этой онъ боязнью,
Законнымъ образомъ скрѣпилъ
Свой судъ, и имъ приговорилъ
Казнить преступника той казнью
Какой предписывалъ законъ,
Съ такимъ, однакожъ, снисхожденьемъ,
Что тѣло готѳянина онъ
Не далъ по смерти на сожженье!
Назначенъ день для казни той;
Народъ со всѣхъ сторонъ толпой
На это зрѣлище нахлынулъ
И площадь смертную собой
Стѣснилъ тревожно и задвинулъ...

Возвышенъ грозный эшафотъ;
Палачъ ужасный думно ходитъ,
То взадъ близъ плахи, то впередъ
И на стѣснившійся народъ
Глазами мрачными поводитъ,
Крутя кудрями и усомъ...
И средь народнаго смятенья,
Преступникъ, скованный кругомъ,
Достойный слезъ и сожалѣнья,
Безжизненъ, блѣденъ — какъ мертвецъ
Подъ крѣпкой стражей наконецъ
На мѣсто смертное явился;
Взошелъ на грозный эшафотъ,
И на затихнувшій народъ
Съ смущеннымъ видомъ поклонился,
Прося прощенья во грѣхахъ,
И, полный трепета и страху,
Потомъ, съ повязкой на глазахъ,
Склонилъ онъ голову на плаху,
И что-то тихо прошепталъ...
Взвилась надъ грѣшной выей сталь
И такъ впилась въ нее съ размаху,
Что готъ не счелъ, сколь — дважды-два,
Какъ съ плечъ скатилась голова!...

1849 г.

Наша пасха.

Свѣтелъ день Христовой пасхи,
Райски красенъ праздникъ нашъ,

Чуждъ еврейской онъ закваски
И милѣе, чѣмъ шабашъ
Іудейскія субботы:
Далеки мы горькихъ дней
Подзаконныя работы
И въ числѣ уже друзей
Бога, ангеловъ и рая;
Небо—вѣчный нашъ пріютъ
И туда идемъ, играя,
Черезъ жизненный мы путь...
Да, теперь ужь небо наше!
Радость жизненную намъ
Переполненную чашей
Богъ подноситъ здѣсь и тамъ.
Наше все, что есть у Бога,
Самъ онъ нашъ уже въ своихъ
Искупительныхъ залогахъ,
То-есть въ таинствахъ святыхъ...
Наша пасха—чада свѣта!
Празднуй весело Сіонъ
Пасху новаго завѣта,
Торжествуй и нашъ Аѳонъ!
Наша пасха краше солнца,
Безмятежна и тиха,
Такъ, какъ мысль и жизнь аѳонца,
И безъ примѣси грѣха:
Мы не пьемъ изъ чуждой чаши
И нескромно, и до дна,—
Милы намъ лишь кубки наши

Цвѣтомъ лознаго вина;
Нѣтъ шипѣнья въ нихъ и стуку,
Тостъ заздравный не гремитъ
И рука не тянетъ руку
Попріятельски попить...
Нѣтъ здѣсь шалостей и смуты,
Ни житейскія игры,
И въ пасхальныя минуты
Не пируются пиры;
Нѣтъ и жалкихъ заколеній
Въ жертву чрева здѣсь скотовъ,
Чуждо сердце треволненій
И гулянки, и баловъ.
Наша пасха—пасха мира
И божественной любви,—
Лучше свѣтлой пасхи міра:
Мы не клонимъ головы
Передъ Бахусомъ съ похмѣлья,
Мы бѣжимъ пирушки прочь,—
Въ тихомъ трепетѣ веселья
Мы во храмѣ день и ночь!
Наша пасха—славословье.
Праздникъ нашъ—смиренный чай
И, покушавъ на здоровье,
Въ келью прячемся, какъ въ рай,
Гдѣ мертво, какъ на кладбищѣ;
Пташкой грустной мы грустимъ,
И тоска намъ служитъ пищей
И блаженствомъ неземнымъ...

Что же нашей пасхи краше?
Мы и здѣсь ужь какъ въ раю...
О, играй же сердце наше
Пасху тайную твою!
Пусть пируетъ міръ мятежный,—
Ты тоскуй твоей тоской
Сладкой, тихою и нѣжной
По отчизнѣ неземной;
Бойся тратить чувство мира
И надежды лучшихъ дней,
И для чревнаго кумира
Не засвѣчивай елей,—
Береги его... О, дологъ
Къ небу жизненный нашъ путь,
И елей тебѣ твой дорогъ
Для таинственныхъ минутъ
Брачной встрѣчи жениховой:
Теменъ путь загробный намъ
Къ свѣту радости Христовой
По воздушнымъ высотамъ!
Пусть въ молитвѣ гаснутъ силы,
Бдѣнье тихо слабитъ ихъ:
Намъ не грозенъ мракъ могилы,—
Страшно намъ грѣховъ своихъ;
Ни по чемъ и нареканье
Свѣта бѣднаго, что мы,
Чада слезъ и покаянья,
Тунеядцы межь людьми...
Точно правда, что издѣлій

Мы для свѣта не даримъ,
Но за то въ затворѣ келлій
Жизнь подвижную таимъ.
Но за то въ немъ сколько битвы
Съ искусительнымъ врагомъ,—
Какъ въ немъ пламенны молитвы
О спасеніи людскомъ!...
Кто же вызнать можетъ тайны
Нашей жизни скромной здѣсь?

. . . .

Мы не тратимъ жизни въ балахъ
И невѣжи предъ людьми,
Въ шумныхъ тостахъ и бокалахъ
Не искуственники мы;
Слишкомъ скучны наши рѣчи,
Намъ не сроденъ этикетъ,
И боится нашей встрѣчи
Суевѣрный частью свѣтъ...
О, какое заблужденье!..
Бѣдный, грѣшный, жалкій міръ!
То ли наше преступленье,
Что не чтимъ мы твой кумиръ
И не бѣгаемъ, какъ дѣти,
За летучимъ мотылькомъ,
На пиры и на паркеты
Въ страшномъ бѣшествѣ людскомъ?..
Мы по виду тунеядцы:
Хлѣбъ и соль—чужое все;
Какъ же вызнать то намъ, братцы,

Чье на свѣтѣ бытіе
Благотворнѣе предъ Богомъ?..
Можетъ-быть чернечій міръ
Въ отреченьи только строгомъ
Есть и будетъ, да и былъ
Міра грѣшнаго оплотомъ,
И сказать вамъ не въ укоръ,
Можетъ-быть, какъ прежде, Лотомъ
Жилъ Содомъ, да и Гоморръ,—
Современный міръ (кто знаетъ?),
Можетъ-статься, что стоитъ,
Хоть онъ то и отвергаетъ
И напротивъ говоритъ,
Только иночествомъ строгимъ...
Пусть онъ выставитъ въ укоръ,
Что у насъ приходитъ многимъ
Быть по слабости въ позоръ
Отъ искуса и паденій...
Это правильно словцо!..
Но, какъ чуждые прозрѣній,
Мы всѣ смотримъ на лицо,
Богъ же смотритъ въ сердце наше.
Все, что міръ зоветъ дурнымъ,
Во сто кратъ предъ Богомъ краше
И безцѣннѣе предъ Нимъ,
Чѣмъ высокое приличье
И политика людей,
Гдѣ добра одно обличье
И раздолье для страстей.

Что̀ есть слабости межъ нами,—
Кто же чуждъ, скажите, ихъ?
Да и тотъ, кто святъ дѣлами,
Дивенъ въ правилахъ своихъ,
Въ ихъ всегдашнемъ исполненьи,
Какъ велитъ святый законъ,—
Вѣрьте совѣсти, въ смиреньи
Такъ таинственъ будетъ онъ,
Что, для скромнаго сокрытья
Дивной святости своей
И для лучшаго развитья
Искусительныхъ сѣтей
Соблазнителя и бѣса,
Часто кажется такой
Самый низостный повѣса
И бездѣльникъ записной,
Такъ, что жизнію шальною
На безумца лишь похожъ,
Между тѣмъ какъ онъ душою
Святъ и ангельски-хорошъ...

О, друзья, друзья! кто много
Съ виду шалостей творитъ,—
Не судите слишкомъ строго,—
Васъ обманетъ этотъ видъ...
Да и то сказать, хоть точно
Кто изъ насъ бываетъ слабъ,
Иль ведетъ себя порочно,
Иль страстей бываетъ рабъ,—
Часто видимъ мы паденье;

Но свершись оно, тогда-жь,
Можетъ-статься, заблужденье
И блазнительный куражъ
Брошенъ кающимся сердцемъ,
Мысль рѣшительно взялась
Жизнь исправить предъ Всевѣдцемъ,
И за этотъ мигъ, иль часъ,
Станетъ кающійся грѣшникъ
Выше, можетъ-быть, тебя,
Чуждой жизни пересмѣшникъ,
Кривотолкъ и судія...
Есть въ насъ слабости, паденья,
Но все выше то твоихъ
Самыхъ дѣлъ благотворенья,
Оттого что ты чрезъ нихъ
Часто падаешь въ тщеславье
Тайно гордъ, какъ сатана;
Между тѣмъ мое безславье,
При паденіяхъ, меня,
Какъ Петра, смиряетъ сильно,—
Я и плачу, и томлюсь
Страхомъ казни замогильной
И съ разбойникомъ молюсь...
Такъ ли?.. Міръ въ добрѣ случайномъ
И въ политикѣ своей
Строгъ и вѣжливъ чрезвычайно,
Но, вѣдь, только для людей...
Есть добро—ему и слава;
Онъ на видъ куда какъ святъ,

Но не дастъ все это право
Въ ликахъ праведниковъ стать.
Если кто расхваленъ въ свѣтѣ,
Мало толку для того
Тамъ—при жизненномъ отчетѣ
Въ чувствахъ сердца своего
Предъ Судьею, гдѣ смиренье
Нашей жизни будетъ знать
Только милость и прощенье;
Кто-жь здѣсь выхваленъ (сказать?),
Можетъ, тѣхъ запрутъ въ сторожку
Къ падшимъ гордостью духамъ...
Не даютъ же, вѣдь, на ложку
Двухъ грибовъ и здѣсь-то намъ.
Мы презрѣнны,—слава Богу!
Въ самой звучной славѣ—міръ:
Кто-жь изъ насъ вѣрнѣй дорогу
Къ небу свѣтлому открылъ?
О, всмотритесь чистымъ взоромъ
Вы въ Евангельскій завѣтъ
И съ Евангельскимъ закономъ
Вы сличите грѣшный свѣтъ
И презрѣнье нашей доли—
Разсмотрите райскій путь:
Противъ собственной вы воли
Насъ найдете, вѣрно, тутъ...
Возражай, кто хочетъ, смѣло,—
Я отвѣтствовать найдусь,
А потребуетъ коль дѣло,

И за прозу я примусь—
Безъ полемики журнальной,
А спокойно, какъ дитя,
Улыбнусь на міръ нахальный
И отдѣлаюсь шутя...
Такъ пируй же міръ, играя,
Брезгай нами, какъ и бѣсъ,—
Мы пойдемъ къ блаженству рая
Подъ крестомъ скорбей и слезъ
И народнаго презрѣнья...
Кромѣ этихъ двухъ путей,
Нѣтъ иныхъ путей спасенья
И свободнѣй, и вѣрнѣй...
Если бранью и хулами
Міръ насъ тронетъ и смиритъ,—
Мы отплачемся слезами
Да и скажемъ: такъ и быть!
Слишкомъ нашъ презрѣненъ жребій;
Много худа говорятъ,
И въ числѣ земныхъ отребій
Орденъ скромный нашъ замятъ...
О, какое-жь утѣшенье,
Вѣдь путемъ такихъ же золъ
И Таинникъ искупленья—
Богъ нашъ временно прошелъ,
И за то-то ужь, конечно,
Вотъ изъ гроба Онъ возникъ
Въ славѣ Пасхи безконечной
И державенъ и великъ!..

Наша Пасха,—Богъ нашъ съ нами,
Онъ въ судьбахъ неизъяснимъ...
Плачьте-жъ сладкими слезами
Наши братья передъ Нимъ
И играйте Пасху эту,
Не боясь, что бѣсу мы
Не по сердцу, какъ и свѣту,
И ничтожны предъ людьми!..

Къ другу.

Тамъ, въ землѣ холодной, спитъ
Прахъ супруги милой,—
Не забудь же сотворить
Память надъ могилой.
Ты приди и помолись
Тамъ взамѣну друга
И смиренно поклонись
Мертвой отъ супруга.
Ты скажи ей: твой супругъ
Шлетъ благословенье;
Объяви, что ты, мой другъ,
Присланъ съ порученьемъ
И прибавь ей: „будь мирна
Прахомъ и душою
И къ святымъ сопричтена
Дѣвой Пресвятою.“
Этимъ, другъ мой, удружи;
Лучше впрочемъ вдвое,

Ты обѣдню отслужи
Объ ея покоѣ:
Это будетъ для нея
Самой лучшей пищей...
Но еще есть дочь моя
Тамъ же, на кладбищѣ,—
Ты зайди, мой другъ, и къ ней,—
Да, зайди къ дитяти,
Этой крошечкѣ моей
Поклонись отъ тяти...
Ты скажи ей такъ: „дитя,
Спишь ты здѣсь отрадно;
Другъ же мой свои лѣта
Тратитъ тамъ не ладно...
Онъ—отецъ твой: помолись
Объ отцѣ ты Богу!..“
Такъ скажи ей, поклонись
И ступай въ дорогу.
Слушай, другъ мой, не забудь
Эти порученья!
Ну, прощай же, веселъ будь
И люби спасенье...
Ты вблизи уже родныхъ,—
Не забудь насъ странныхъ:
Будь молитвенникомъ ихъ,
Другомъ ихъ желаннымъ.

Аѳонъ. 1845 г. авг. 12 д.

А. З—вой.

Тяжелъ вамъ выдался искусъ...
Что-жъ дѣлать?—Въ томъ-то и спасенье.
И самъ нашъ сладкій Іисусъ
Терпѣлъ всю жизнь и за терпѣнье
Прославленъ славой въ небесахъ.
Вашъ крестъ монашескій—безчестье
На всѣхъ здѣсь жизненныхъ путяхъ:
Примите-жъ горькое извѣстье—
Не какъ ударъ, а какъ залогъ,
Что, знать, васъ очень любитъ Богъ.

Другу.

Гдѣ ты, милый мой пріятель?
Гдѣ ты, другъ прекрасный мой!
Гдѣ ты, дивныхъ дивъ искатель?
Гдѣ ты, странникъ дорогой?
Все-ль еще въ пути, иль дома,
И здоровъ ли? Наконецъ,
Какъ сторонушка знакома,
Какъ родная, и отецъ,
Какъ твой дѣдушка—встрѣчали?
Вѣрно много очень слезъ
Пролито послѣ печали...
Ты-жъ имъ радости принесъ.
Да, ты въ родинѣ: тамъ братья,

Тамъ безцѣнные друзья,
Развернувъ свои объятья,
Встрѣтятъ ласково тебя;
Тамъ любви и дружбы звуки
Разобьютъ тоску твою;
Горечь долгія разлуки,
Грусть сердечную свою
Ты забудешь; мило сердцу
Будетъ въ родинѣ земной—
Такъ, какъ мило быть младенцу
Въ лонѣ матери родной...
Будь же веселъ, другъ мой милый,
Сладость жизненную пей,—
Путь не дологъ до могилы,
Мало здѣсь отрадныхъ дней.
Есть пока веселье жизни,
Наслаждайся имъ, а тамъ—
Звуки дружескія тризны
Отзовутся въ гробѣ намъ...
Дома ты; но домъ твой тлѣненъ;
Лучшій домъ твой—въ небесахъ:
Тамъ лишь жребій неизмѣненъ,
Тамъ лишь прочность вѣчныхъ благъ ..
Сладко съ милыми свиданье,
Веселъ край земли родной;
Но не вѣчно ликованье
Шумной радости земной...
Тамъ лишь, въ небѣ, будетъ радость;
Въ свѣтѣ ангельскихъ ликовъ—

Только жизненная сладость,
Дружба, слава и любовь...
Вотъ далекъ ты Палестины,
Чуждъ тебя святый Аѳонъ;
Весь твой путь въ краяхъ чужбины
Для тебя—какъ легкій сонъ...
Такъ ульется съ жизнью нашей
Время къ вѣчности; потомъ
Будемъ пить достойной чашей
Сладость дѣлъ передъ судомъ,
Иль на вѣчное томленье
Жребій выпадетъ для насъ,
Отметающихъ спасенье
День все за день, часъ за часъ...
Значитъ, жизнь твоя въ Россіи
Не завидна, и моя
Въ кровѣ дѣвственной Маріи,
Можетъ статься, для тебя.
Но гдѣ сердце любитъ Бога,
Гдѣ насъ прихоти страстей,
Ихъ смятенье и тревога—
Не сильны сманить съ путей
Добродѣтели безцѣнной,
Тамъ бытъ жизненный хорошъ,—
Тамъ, въ святынѣ сокровенной,
Духъ нашъ свѣтелъ и пригожъ.
Будь же съ нами Божья милость!
Гдѣ ни станемъ, вѣрно, жить,
Что бы съ нами ни случилось,

Будемъ Господа любить
И, наслѣдуя спасенье,
Въ Немъ искать святыхъ утѣхъ—
И потухнетъ вожделѣнье
На усладу и на грѣхъ.
Ты тамъ, дома; я—въ Аѳонѣ;
Духомъ въ небѣ ты, и я
Тамъ, въ превыспреннемъ Сіонѣ,
Отыскать могу тебя...
Много скорби и лишеній
Переносишь ты, мой другъ;
Все забыто мной, что мило,
Все потеряно, что мнѣ
Наслажденьемъ говорило
На родимой сторонѣ..
Какъ тебѣ, и мнѣ такъ скучно,
Все разлюблено вконецъ,—
Струны арфы сладкозвучной
Не дотронется пѣвецъ,
Задушевныхъ думъ и таинъ
Онъ другимъ не распоетъ;
Такъ какъ изгнанникъ и Каинъ
Не появится и въ свѣтъ,
Гдѣ такъ много заблужденій
Зналъ я въ юношескихъ дняхъ,
Гдѣ такъ много искушеній
Мнѣ навелъ лукавый врагъ...
Что же дѣлать?.. Дни за днями,
Годъ за годомъ утекли,

И могила передъ нами—
Только дань родной земли...
Полно-жъ мыслью своевольной
Намъ прогуливаться въ даль;
Время—въ жизни богомольной
Услаждать свою печаль
И мириться съ Богомъ вѣрой:
Сладокъ плачъ о Немъ любви,
Вздохъ груди осиротѣлой
И смятенное—увы!..
Вотъ лишь плодъ здѣсь жизни грѣшной!
Какъ бы весело, мой другъ,
Я въ печали безутѣшной
Кончилъ жизненный мой кругъ
Здѣсь, въ Аѳонѣ, и съ тобою
Вѣчный праздновать нашъ день!..
Но ты свѣтишься душою,
Я-жъ влюбленъ по уши въ лѣнь
И не знаю, чѣмъ навѣетъ
Холодъ смерти на меня,
Кто въ немъ сердце отогрѣетъ,
Что-то буду въ смерти я?..
    О, молись, мой другъ, есть время!
О, пора сбираться въ путь,
Сложить смутъ житейскихъ бремя
И душою отдохнуть!
Кто вѣсть—ты, иль я предъ Бога
Станемъ прежде, и одна-ль
Намъ воздушная дорога

Въ неразгаданную даль?
Если я умру, кладбище
Ты мое не навѣстишь
И въ загробное жилище
Ты ко мнѣ не прилетишь...
Но тогда ты вспомни брата:
Нищимъ братіямъ подай
И Творцу то будетъ плата
Отъ меня за сладкій рай.
Я почувствую ту милость,
И Всепѣтой помолюсь,
Чтобъ тебѣ все то приснилось,
Какъ я въ небѣ веселюсь;
А когда тебѣ наступитъ
Часъ послѣдній, и твоя
Жизнь все смерти здѣсь уступитъ,—
Вновь тамъ встрѣчу я тебя
И лицомъ къ лицу, съ очами,
Въ свѣтлой радости вдвоемъ,
Съ благодарными слезами
Мы предъ Господа придемъ;
Въ несмолкающихъ напѣвахъ,
Въ ликахъ силъ небесныхъ, насъ
И Божественная Дѣва
Встрѣтитъ въ нашъ исходный часъ.
Ели-жъ я въ живыхъ останусь,—
Будь увѣренъ, что съ тобой
Я въ молитвахъ не разстанусь
Передъ Дѣвой Пресвятой.

И, въ исходъ мой, ты отъ Бога
Прилети ко мнѣ, какъ братъ,
Да воздушная дорога,
И лукавый супостатъ
Мнѣ не столько будутъ страшны...
Что-бъ ни сталось, помолись;
Я жъ—молитвенникъ всегдашній...
Но, прости, не осердись,
Что я много расписался:
Это навыкъ глупый мой,—
И хотѣлъ, да не разстался
Съ риѳмой скучной и шальной,
Я до нынѣ... тотъ же грѣшникъ.
Но, моляся, поминай,
Что я твой въ трудахъ споспѣшникъ,
И пиши—не забывай!

Ему же.

Вотъ ты ужь въ Россіи; я жъ въ Турціи жалкой.
Друзья и родные ласкаютъ тебя,
Знакомые хлынутъ къ тебѣ тамъ повалкой
И жизнь твоя будетъ ужь тамъ безъ меня...
Ты въ кругѣ родныхъ, и друзей, и знакомыхъ
Забудешь, быть-можетъ, безцѣнный Аѳонъ,—
Быть-можетъ, собьютъ тебя знатные домы
И связи осѣтятъ съ обѣихъ сторонъ...
До друга-ль тутъ? Время ли грѣшника вспомнить
И, въ случаѣ, высказать чувства свои,

Видъ Русскаго на Аѳонѣ Пантелеимонова монастыря.

Иль съ нимъ перепиской обѣты исполнить
Сердечной пріязни и братской любви?..
Такъ думаю... Впрочемъ, надѣюсь на Бога,
Что Онъ насъ съ тобой не разлучитъ и здѣсь,
И выведетъ тамъ Онъ изъ тьмы и острога
Въ блаженство и въ славу блаженныхъ небесъ...
Быть-можетъ, я скоро житейской пучиной
Ужъ здѣсь проплыву на покой гробовой,
И кости возьмутся Аѳонской пустыней,
И вѣсть ты услышишь, что померъ другъ твой:
Не плачь тогда, вздоховъ не трать попустому,
Но теплой молитвой о мнѣ помолись,
И въ жертвѣ безкровной къ Отцу всеблагому
Чрезъ ликъ освященный о мнѣ отнесись;
А если что сможешь, дай братіи нищей:
Вотъ все, чего проситъ твой другъ отъ тебя.
Но если ты прежде уйдешь на кладбище,
И вѣсть та дойдетъ чрезъ людей до меня:
Я грѣшной молитвой пойду за тобою
По горькимъ мытарствамъ до райскихъ дверей
И, вовсе потомъ раздружившись съ землею,
Я въ небѣ и къ небу привьюся душой...
И мысль понесется во свѣтъ невечерній,
Во глубь погружусь я Аѳонскихъ лѣсовъ;
Слезой покаянья измоюсь отъ скверны
И весь я въ желанье сольюсь и въ любовь
Безцѣннаго края, гдѣ розы безъ терній,
Гдѣ жизнь безъ разлуки, безъ смутъ и тревогъ,
Гдѣ вѣчно и сладко, какъ рай, ликованье,

Гдѣ въ славѣ и въ свѣтлости царствуетъ Богъ...
Молись, чтобъ сбылось все изъ лучшихъ желаній!
О, помни же друга, Аѳонъ не забудь,—
Молись о желанномъ, загробномъ свиданьи...
Прощай и сердечно спокоенъ ты будь!

Святогорская незабудка, или неувядаемый цвѣтъ Божіей Матери.

Незабудка—милъ цвѣточекъ;
Роза—прелести полна;
Веселъ—нѣжный василечекъ;
Чудо—лилія скромна;

Свѣтлы темныхъ рощей крины;
Словно дѣвственница чистъ
Ландышъ, тайный цвѣтъ пустыни,
Ароматенъ и душистъ...

Но плѣнительнѣй и краше,
Этихъ всѣхъ цвѣтовъ милѣй,
Скромный цвѣтъ пустыни нашей
И заоблачныхъ высей.

Всѣ цвѣточки скоро вянутъ,
Разставаясь съ стебелькомъ.
Разовьются и проглянутъ—
И осыплются кругомъ;

Гибель ихъ—лучъ солнца жгучій;
Ихъ срываетъ съ стебелька
Грозной бури вихрь летучій
И нескромная рука...

И напрасно, и непрочно
Завивается вѣнецъ
Красотою непорочной:
Въ томъ вѣнцѣ для нихъ—конецъ!

Ихъ похищенная прелесть
Не любуетъ долго взглядъ,
И дыханье ихъ и свѣжесть
Тратятъ скоро ароматъ.

Но не тотъ удѣлъ для цвѣта
Нашей пустыни святой,
Утаеннаго отъ свѣта:
И въ зною, и подъ грозой

Онъ не вянетъ; и по срывѣ
Милъ всегда, какъ самъ Аѳонъ,
И конечно, что красивѣй
Всѣхъ цвѣтовъ красивыхъ онъ.

Этотъ цвѣтъ ароматистый
Съ незапамятныхъ временъ
Богоматери Пречистой
Отъ Аѳона посвященъ

И зовется передъ свѣтомъ,
Неизмѣнный красотой,
Богоматернимъ онъ цвѣтомъ,
Или цвѣтъ горы святой;

А ростетъ онъ подъ скалами,
Въ дикихъ трещинахъ камней,
И сбирается здѣсь нами
Средь заоблачныхъ высей.

Вотъ цвѣтъ нашея пустыни!
Въ отдаленные концы
Заповѣдною святыней
Цвѣтъ тотъ носятъ пришлецы;
Но всѣхъ болѣ въ край Россіи
Сыплетъ скромная гора
Цвѣтъ божественной Маріи,
Какъ въ святой пріютъ добра,
И, красуясь имъ, Россія,
Вспомни ты когда-нибудь
Горькій плѣнъ горы святыя,
Пожалѣй и не забудь!..

1846 г. 20 мая. Аѳонъ.

Чувства дѣтей на могилѣ матери.

Какъ весной, во дни хоть мая,
Часто цвѣтикъ полевой,
Жизнью первою играя,
Жалко вянетъ подъ грозой,
Иль похищенный нескромно
Отъ завистливой руки,
Онъ безвременно и томно
Тратитъ запахъ и листки;
Выдыхается дыханье
Сладкой жизни въ немъ, и нѣтъ
Въ томъ цвѣткѣ благоуханья
Въ первый жизненный разцвѣтъ...
Точно такъ и ты, родная,
Цвѣтомъ лѣтъ твоихъ и дней,

Какъ плѣнительный цвѣтъ мая,
Развивалась для дѣтей.

Въ милыхъ ласкахъ и въ дыханьи
Материнской къ нимъ любви,
Ты была ихъ упованьемъ
Въ ихъ младенческіе дни;

Но, вотъ, смертію лихою
Ты похищена у нихъ,
Будто бурей и грозою
Цвѣтъ изъ цвѣтовъ полевыхъ.

Ахъ, тебя ужь нѣтъ на свѣтѣ!
Самъ нашъ папенька грустить,
И въ своемъ родномъ привѣтѣ
Сладко намъ онъ говоритъ:

Что есть лучшій міръ у Бога,
Что ты царствуешь въ раю,
Гдѣ земныхъ суетъ тревога
Не волнуетъ жизнь твою...

Сладко вѣрить этой рѣчи,
Сладко ждать при рѣчи той
Намъ у Бога райской встрѣчи,
Наша маменька, съ тобой,

Хоть и тяжко, хоть и больно
Милыхъ ласкъ твоихъ не знать!
И съ надеждой, богомольно,
Жизни будущей намъ ждать...

Кто намъ въ свѣтѣ наше счастье
Здѣсь устроитъ, и въ судьбахъ

Нашихъ дней возьметъ участье?
Кто на всѣхъ земныхъ путяхъ
Нашей жизни безнадежной,
Какъ сиротокъ, подаритъ
Сладкой радостью и нѣжно
Слово намъ проговоритъ?..

О, какъ грустно намъ и томно!..
Заливаяся слезой,
Мы склоняемся безмолвно
На могильный камень твой;

Плачемъ мы и изъ могилы
Вновь зовемъ тебя на свѣтъ,
Но безжизненъ прахъ твой милый
И на зовъ отвѣта нѣтъ...

Спи же сладко ты, родная,
Пусть не слышенъ намъ твой гласъ,
Но мы вѣримъ, что изъ рая
Ты любуешься на насъ,—

Видишь нашихъ дней тревогу,
Безотрадность въ свѣтѣ ихъ,
И помолишься тамъ Богу
За сиротокъ ты твоихъ...

Между тѣмъ предъ Нимъ и сами
И предъ Дѣвой Пресвятой,
Плача горькими слезами,
Мы помолимся съ тобой.

Намъ и дастся счастье наше,
Жребій выпадетъ и мы

Здѣсь другихъ свѣтлѣй и краше
Развернемся межь людьми
Нашей жизненною далью
И для папеньки въ вѣкъ свой
Мы не будемъ здѣсь печалью,
А утѣхою земной...

Дѣдушкѣ.

(въ новый годъ).

Здравствуй, дѣдушка мой милый!
Что старинушка родной?
Какъ здоровье? Крѣпки-ль силы?
Крѣпко-ль держишь посохъ свой?
Я молюсь, всегда молился,
Чтобъ, на радость нашихъ дней,
Ты какъ въ маслѣ сыръ катился,
Во дни старости твоей...
Да и прочіе всѣ внучки
Такъ же молятся, какъ я,
И въ залогъ того—вотъ ручки
Я цѣлую у тебя...

Дорогому имениннику.

Братъ единственный и милый,
Будь ты счастливъ и здоровъ,
Будутъ крѣпки твои силы
И до старческихъ годовъ!..
О, молился я, и буду,
Да хранитъ тебя Господь,

И съ тобой Онъ будетъ всюду—
Въ каждый входъ твой и исходъ!
Вмѣсто-жъ праздничнаго тоста,
Вотъ тебѣ гостинецъ мой,
Ты прими его, какъ гостя,
Это странникъ дорогой.
Мой сокашникъ былъ въ чужбинѣ,
Онъ былъ спутникъ всѣхъ путей
Мнѣ въ далекой Палестинѣ,
Лучшій другъ моихъ друзей,—
Пусть онъ будетъ мой намѣстникъ...
Побесѣдуй съ нимъ, и самъ
Скажешь ты, что онъ чудесникъ,
Облетавшій тамъ и сямъ:
Былъ паломникъ онъ Сіона
И Синайскія горы;
По святымъ верхамъ Аѳона
Онъ носился въ двѣ поры
И оттуда, съ мѣстъ священныхъ,
Вотъ онъ въ комнатахъ твоихъ
Въ день твой самый драгоцѣнный,—
Въ день, не много здѣсь какихъ...
О, мой братъ и другъ сердечный!
Будь здоровъ на много лѣтъ
Въ этой жизни скоротечной—
Вотъ мой искренній привѣтъ!
Но не то еще: тамъ съ Богомъ
Да сольемся духомъ мы,
По житьѣ-бытьѣ убогомъ

Между бѣдными людьми,
И во славѣ вѣчной жизни
Увѣнчаемся вѣнцомъ
Райской выспренней отчизны
Предъ Спасителемъ-Творцомъ.
Тамъ не будетъ намъ разлуки;
Тамъ сольемъ мы голосъ свой
Въ пѣснь и въ ангельскіе звуки;
Вмѣстѣ будемъ жить съ тобой,
Безъ сердечнаго смятенья
И безъ смутъ и безъ молвы,
Въ ликахъ ангельскаго пѣнья,
Съ Богомъ мира и любви!

Сила вѣры*).

Когда-то въ древности была
Младая дѣвушка въ Ефесѣ,
И эта дѣвушка жила
На самомъ низкомъ интересѣ,
Любви и нѣги подкупной,
Гдѣ губки съ личикомъ смазливымъ
И волосъ въ локонъ завитой,
Нарядъ со вкусомъ прихотливымъ
Имѣютъ самый цѣнный торгъ...
Забывъ дѣвическій свой долгъ,
Она весь вѣкъ свой посвятила
На то, что юныхъ волокитъ

*) Четь-Минея, 9 д. іюля, изъ жизни св. Ѳеодора Едесскаго.

Въ силокъ бѣсовскій свой ловила
Румянцемъ губокъ и ланитъ...
Ужь нѣтъ у ней стыда во взорахъ,
Потерянъ вовсе Божій страхъ;
Послѣдній вкусъ—въ ея уборахъ,
Улыбка страсти на устахъ,
И сладость въ страстныхъ разговорахъ...
Ужь вся та дѣвушка была
Въ сѣтяхъ бѣсовъ, какъ въ клѣткѣ пташка,
И знать не знала, что вела
Она сама себя, бѣдняжка,
Въ погибель вѣчную и въ адъ...
Но Божья милость—что за чудо!
Она подобныхъ этой чадъ,
Стремглавъ несущихся на худо,
Влечетъ изъ гибели назадъ
И, вмѣсто мукъ и наказанья,
Даетъ имъ чувство сладкихъ слезъ
И всю горячность покаянья...
О, Богъ нашъ—дивный Богъ чудесъ!
Разъ та ефесская дѣвица
Куда-то въ тайной думѣ шла
И такъ плѣнительна была,
Что всѣхъ умы къ себѣ и лица
Невольнымъ образомъ влекла.
Идетъ... и вдругъ предъ ней явилась
Жена въ растрепанныхъ власахъ
И молча въ ноги повалилась
Съ младенцемъ мертвымъ на рукахъ.

И такъ, рыдаючи, молилась
Она въ слезахъ дѣвицѣ той,
Стоя смиренно на колѣняхъ,
И въ воплѣ жалобномъ и въ пѣняхъ
На жизнь и горькій жребій свой:
„Отдай дитя мнѣ! говорила
Она дѣвицѣ.—Умились
Моей бѣдой и помолись,
Да снова творческая сила
Возбудитъ къ жизни, какъ отъ сна,
Вотъ это мертвенное чадо,
За кое въ свѣтѣ для меня
Сокровищъ всѣхъ земныхъ не надо.
Отдай дитя!..“ И вотъ жена,
Привставши, мертваго младенца
Своей дрожащею рукой
Кладетъ на длань дѣвицѣ той
И, въ чувствѣ жалобнаго сердца,
Упала прямо въ ноги къ ней,
Ихъ съ горькимъ воплемъ обхватила
Всей женской силою своей
И даже съ клятвой говорила,
Что ни на шагъ одинъ ужь ей
Она не дастъ ступить оттолѣ,
Пока, иль волей, иль неволей,
Она дитя ве воскреситъ...
Дѣвица, молча и сквозь слезы,
На мать несчастную глядитъ
И слышитъ внятно, но молчитъ

На вопль ея и на угрозы.
Ей жаль отъ сердца, жаль самой
Жены валяющейся той.
Дѣвица плачетъ, и на сердце
Ей палъ какой-то сладкій свѣтъ;
Но чтобъ рѣшиться о младенцѣ
Молиться Богу,—силы нѣтъ,
Нѣтъ даже чувства умиленья;
Ея преступная рука
И сердце чужды дерзновенья,
И мысль свободы далека
Молиться Богу искупленья...
Дѣвица плачетъ и молчитъ,
На мать несчастную глядитъ,
Межь тѣмъ какъ та, на-взрыдъ рыдая,
У ногъ дѣвицы той лежитъ,
Ужасной клятвой заклиная
Отдать дитя ея живымъ...
Тогда въ смущеньи и невольно,
Объята трепетомъ святымъ,
Дѣвица къ небу богомольно
Свой взоръ смиренный подняла
И такъ, залившися слезами,
Молиться Богу начала:
„Какимъ я сердцемъ и устами
Тебѣ, мой Боже, помолюсь?
О, я не смѣю,—я боюсь,
Да огнь божественнаго гнѣва
Меня, начавшую грѣшить

Чуть не отъ матерняго чрева,
Въ молитвѣ вдругъ не поразитъ!
Не я молюсь; не ради грѣшной
Моей молитвы умолись,
Но ради этой безутѣшной
Жены къ щедротамъ Ты склонись
И воскреси Твоею силой
Ея умершее дитя,
Да этимъ тронувшись, и я
Душой умершей и унылой
Отъ грѣшной жизни воззовусь
И нынѣ-жь снова я вернусь
Къ давно потерянному мною
Пути на небо и къ Тебѣ!"
Когда такъ скромною душою,
Въ слезахъ горячихъ и въ мольбѣ,
Дѣвица эта изливалась,
Когда предъ Господомъ она
Смиреннымъ сердцемъ обѣщалась
Исправить жизнь съ того же дня
И въ сладкомъ трепетѣ терялась
Любви божественной къ Нему,—
Открыто было одному
Все то отшельнику, который,
Стоя близъ града на столбѣ,
Зрѣлъ дивнымъ образомъ въ тѣ поры,
Что, при дѣвической мольбѣ,
Отъ неба свѣтъ неизъяснимый
Дѣвицу ярко окружилъ

И въ немъ младенецъ недвижимый
Открылъ глаза, пошевелилъ
Своею крошечной рученкой
И снова жизнью задышалъ,
И, перехваченный пеленкой,
Ожившей ножкой заигралъ...
Дѣвицу обнялъ тайный трепетъ:
Она на диво то глядитъ
И слезы сладкія струитъ...
Но вотъ младенческій и лепетъ,—
Младенецъ плачетъ и кричитъ...
Мать робко вслушалась, прыгнула
Въ сердечной радости она
И, чувствъ восторженныхъ полна,
Устами блѣдными прильнула
Къ устамъ младенца своего,
Схватила на руки, сжимала
Въ объятьяхъ матернихъ его
И жарко, жарко цѣловала...
Тогда-жь та дивная жена
Къ столбу отшельника съ дѣвицей
Пошла и вмѣстѣ съ ней она
Покрылась жосткой власяницей
И, ставши строгою черницей,
Осталась въ ликѣ дѣвъ святыхъ,
Гдѣ обѣ кончили смиренно
Искусъ всѣхъ подвиговъ земныхъ;
А тотъ младенецъ, оживленный
Молитвой дивной вѣры ихъ,

Бѣгство въ Египетъ.

По дняхъ младенческихъ своихъ,
Отрекшись міра, удалился
Къ Святой Землѣ и, наконецъ,
Въ обитель Саввы поселился,
Гдѣ былъ единственный чернецъ,
И такъ по жизни святъ и рѣдокъ,
Что противъ воли, хоть не шолъ,
А взятъ былъ силой напослѣдокъ
На патріаршескій престолъ.

Вятка.

Разбойникъ Дисманъ *),

Ужь сѣло солнце, ночь близка,
Играетъ вѣтеръ одиноко
И стелетъ въ небѣ облака;
Межь тѣмъ дорога такъ тяжка
Въ Египетъ степію глубокой
Изъ Палестины, что по ней
Тамъ нѣтъ ни тѣни, нѣтъ ни древа
Среди раскинутыхъ степей...
Куда-жъ пустынной тамъ стезей
Спѣшитъ таинственная Дѣва?..
Ей старецъ спутствуетъ сѣдой;
Онъ пѣшъ, а Дѣва на осляти
Сидитъ съ покрытою главой
И сонъ прекраснаго Дитяти

*) Путешествіе по Св. Землѣ Г. Норова. Ч. II, стр. 117 (второе изданіе).

Боится тронуть между тѣмъ
На лонѣ матернемъ своемъ...
Иной разъ и сама порою,
Чтобъ дать осляти отдохнуть,
Изнемогающей стопою
Идетъ пѣшкомъ, гдѣ труденъ путь...
Но кто-жъ они? Куда идутъ?
Та Дѣва—Мать творца и Бога,
А съ ней Іосифъ... Обоимъ
Лежитъ съ отчизны милой имъ
Въ Египетъ дальняя дорога...
Недавно Бога и Творца
Родила дѣвственно Марія,
И, въ скромномъ видѣ бѣглеца,
Спѣшитъ тревожно отъ лица
Безумца-Ирода въ чужія
И незнакомыя мѣста
Съ Маріей дивное Дитя.
Безумный Иродъ, незаконно
Вступивъ на царственный престолъ,
Чрезъ цѣлый вѣкъ свой неуклонно
Прошелъ путемъ убійствъ и золъ:
Женясь на скромной Маріаннѣ,
Аристовула-шурьяка
Онъ удавилъ коварно въ банѣ;
Потомъ Гиркана-старика—
Роднаго дядю, да и матерь,
И Маріанну, и дѣтей,
Убилъ, въ жестокости своей,

Въ тотъ самый годъ, какъ Богоматерь
Пришла съ Іосифомъ вдвоемъ
Изъ Назарета въ Виѳлеемъ,
Гдѣ Бога дѣвственно родила
Въ вертепѣ скромномъ и, повивъ,
(О, диво дивное изъ дивъ!)
Во ясляхъ скотскихъ положила...
Не вѣдалъ Иродъ тайны той;
Не зналъ родившагося Бога
Безумецъ этотъ записной,
Пока не сдѣлалась тревога
На всей поверхности земной...
За девять мѣсяцевъ дотолѣ,
Какъ будто, кажется, не болѣ,
Передъ событьемъ этимъ вдругъ
Звѣзда вступила въ звѣздный кругъ,
Отъ прочихъ звѣздъ совсѣмъ иная,
И, свѣтомъ огненнымъ играя,
Горѣла ярче, чѣмъ луна,
И поразительно она
Волхвовъ далекія Персиды
Своимъ явленьемъ заняла
И тайной силою влекла
Ихъ взоры въ таинства и въ виды
Красы плѣнительной своей...
Въ астрономической идеѣ
Ихъ тонетъ мысль; и вотъ по ней
Гадаютъ такъ, что въ Іудеѣ
Родился новый царь, что онъ

Дивнѣе всѣхъ царей давнишнихъ,
Какихъ лишь только-что Всевышній
Сажалъ когда-нибудь на тронъ.
Свѣтла и правильна мысль эта,—
Волхвы отъ сердца вѣрятъ ей:
Тогда-жь на край чужаго свѣта,
Отъ милой родины своей
Поднявшись, шествуютъ съ дарами
Къ тому Младенцу, и какъ дань,
Со златомъ, смирну и ливанъ
Они несутъ Ему; но сами,
Еще совсѣмъ не зная, гдѣ
Его жилище и рожденье,
И лишь послѣдствуя звѣздѣ,
Ко Іудеѣ въ умиленьи
И съ чувствомъ радостнымъ идутъ.
Звѣзда идетъ все передъ ними;
Когда-жь на нѣсколько минутъ,
Стѣснясь трудами путевыми,
Чуть остановятся, тогда
Стоитъ и дивная звѣзда
Надъ ними вовсе недвижима,
Какъ пламень свѣтясь и горя,
И при водительствѣ ея
Они къ стѣнамъ Ерусалима
Пришли, гдѣ первый былъ вопросъ:
„Гдѣ здѣсь рождается Христосъ?"
Потряссся городъ... Иродъ смялся,
Тогда какъ слышать то пришлось,

Трухнулъ и въ духѣ растерялся
И, въ тайномъ страхѣ за себя,
Убить онъ новаго царя
Тогда же самъ себѣ поклялся.
Потомъ сзываетъ онъ соборъ
Народныхъ старцевъ; дружно съ ними
Онъ началъ важный разговоръ
Устами льстивыми своими
Про тотъ таинственный вопросъ:
„Гдѣ ихъ рождается Христосъ?“
А тѣ почтительно сказали,
Что въ Виѳлеемѣ, и читали
Ему пророчество о томъ.
Узнавъ про это справедливо,
Соборъ имъ созванный потомъ
Онъ распустилъ и, вотъ, учтиво
Во слѣдъ за этимъ и тайкомъ,
Въ одно урочное онъ время,
Волхвовъ персидскихъ пригласилъ
И имъ таинственно открылъ,
Что въ близкой веси Виѳлеема
Христосъ рождается, какъ онъ
Узналъ про это, и прибавилъ,
Принявши самый скромный тонъ:
„О, если-бъ кто и мнѣ доставилъ
Случай—явиться на поклонъ
Тому державному младенцу!..
Коль съищите, нельзя-ль открыть,
Чтобъ такъ, какъ должно самодержцу,

И мнѣ царя того почтить?“
А тѣ: „Изволь, коль Богъ велитъ!“
И какъ былъ Иродову сердцу
Тяжелъ и горекъ ихъ обманъ,
Когда дорогою иною
Они ушли съ восточныхъ странъ,
Ни даже строчкою одною
И ни извѣстьемъ, ни письмомъ
Не давши знать ему о томъ.
Взбѣсился Иродъ: въ то же время
Указъ онъ воинамъ издалъ—
Сгубить младенцевъ наповалъ
Внутри и окрестъ Виѳлеема,
Надѣясь въ томъ числѣ убить
Младенца-Бога можетъ-быть...
Но трудно прать противу рожна,
Не намъ на Бога возставать,
И сила смертнаго ничтожна
Судьбамъ небеснымъ пререкать...
О, что Всевышній предположитъ
Въ судьбахъ божественныхъ Своихъ,
Кто въ силахъ будетъ уничтожить,
Иль перемѣну сдѣлать въ нихъ?
Лишь только Иродъ принялъ въ сердце
Лихую мысль—убить дѣтей
И сталъ о царственномъ младенцѣ
Онъ дѣлать розыскъ чрезъ людей,—
Во снѣ Іосифу явился
Господній ангелъ и сказалъ,

Чтобъ Мать съ Дитятею онъ взялъ,
Въ Египетъ съ ними удалился
И тамъ дотолѣ находился,
Пока не скажетъ онъ ему
Вернуться къ дому своему.
И вотъ обручникъ тотъ Маріи
Съ Дитятей взялъ Ее, и въ путь
Степями дикой Аравіи
Они таинственно идутъ.
Они идутъ... Темно и бурно...
И вдругъ въ крутившейся степи
Напѣвъ имъ слышится разгульный
И шумъ пирующей толпы.
Смутилась тихо мыслью Дѣва...
Іосифъ робко наводилъ
Свой слухъ къ пирушкѣ и напѣвамъ...
И взялъ осла остановилъ...
Что дѣлать? (думалъ)... Путь опасенъ.
Тамъ, вѣрно, шайка удальцовъ,
И праздникъ ихъ невольно страшенъ
Для одинокихъ пришлецовъ...
Подумалъ грустно и Маріи
Въ смятеньи сердца говоритъ:
„Что будемъ дѣлать? Намъ грозитъ
Здѣсь встрѣча горцевъ Аравіи.
Что дѣлать тутъ и какъ намъ быть?
Опасенъ путь! Тутъ нѣтъ ни древа,
Ни рощи гдѣ-бъ укрыться намъ.
Идти впередъ,—да страшно тамъ“.—

„Пойдемъ! ему сказала Дѣва:—
Коль съ нами Богъ, то кто на насъ?“
Тогда-жь они, благословясь,
Тронулись далѣ—въ глубь пустыни,
На шумъ далекій, и какъ разъ
Пресѣкли путь имъ бедуины;
Отняли съ наглостью осла
И съ грузомъ скромнаго вола,
И всѣ поклажи путевыя
Они расхитили потомъ,
И не противились имъ въ томъ
Іосифъ кроткій и Марія,
Тяжелъ имъ этотъ былъ искусъ.
Но вотъ отъ шума и смятенья
Проснулся спящій Іисусъ,
Заплакалъ онъ отъ пробужденья
И шайку буйную смутилъ,
Одинъ изъ нихъ (Дисманъ то былъ)—
Лихой налетъ, глава всей шайки,
Въ бояхъ, какъ вихръ, неуловимъ,
Гроза губительствомъ своимъ,
Въ стальныхъ доспѣхахъ, сверхъ нагайки,
Копья, сѣкиры, наконецъ,—
Былъ съ виду чудо-молодецъ.
Богъ вѣсть одинъ пути искуса;
Онъ только вѣсть, какой судьбой
Попался въ шайку и въ разбой
Дисманъ, стѣснившій Іисуса
И Мать пречистую Его

Въ путяхъ разбоя своего...
Вотъ плачетъ Богъ: и чье бы сердце
Не уязвилось плачемъ тѣмъ?
При всемъ безчувствіи своемъ,
И самъ Дисманъ на плачъ Младенца
Невольно робкій духъ склонилъ,
Тревожно духомъ возмутился
И тотчасъ скромно подступилъ
Къ пречистой Дѣвѣ, наклонился,
Взглянулъ на дивное Дитя
И такъ воскликнулъ внѣ себя
И съ чувствомъ трепетнаго сердца:
„Когда-бъ и самъ родился Богъ, —
Повѣрьте, быть бы Онъ не могъ
Милѣе этого Младенца!"
Воскликнувъ такъ, и все Дисманъ
Вручилъ Іосифу обратно.
И вотъ какой услышалъ гласъ
За то отъ Дѣвы благодатной:
„Когда мой Сынъ, своей порой,
На степень полной жизни станетъ, —
Поступокъ этотъ добрый твой
Онъ, вѣрь мнѣ искренно, помянетъ
И благодать за благодать
Потщится Онъ тебѣ воздать..."
Сказала такъ, — и въ путь ихъ дальній
Дисманъ спокойно проводилъ,
А самъ, по-прежнему, нахально
Въ степныхъ путяхъ разбой творилъ.

Чрезъ цѣлыхъ тридцать два онъ года
Грозой и страхомъ былъ народа
Въ своихъ разбояхъ путевыхъ;
Его лихіе бедуины,
Отъ граней самой Палестины,
По всѣмъ путямъ песковъ степныхъ
Нахально грабили, и ихъ
Въ тотъ самый только годъ схватили,
Когда, въ неистовствѣ людей
И въ тайныхъ происках судей,
Евреи грозный судъ судили
Надъ обвиняемымъ Христомъ;
Когда, по пыткахъ разныхъ видовъ,
Терновымъ вѣнчанный вѣнцомъ,
Какъ сынъ и царственникъ Давидовъ,
Онъ былъ казненъ отъ нихъ крестомъ...
Всѣхъ прежде мѣткій летъ аркана
Схватилъ изъ шайки атамана;
И кто не видитъ здѣсь изъ насъ,
Что это такъ случайно схваченъ
Лихой знакомецъ нашъ, Дисманъ?
Тогда-жъ, за множество проказъ,
Судомъ и правдой онъ назначенъ,
И по дѣломъ, сказать притомъ,
Казниться, въ страхъ другимъ, крестомъ...
Былъ годъ задолго передъ нами;
Осьмнадцать цѣлыхъ ужъ вѣковъ
Прошло съ тѣхъ давнихъ поръ съ годами,
Когда божественная кровь

Струилась въ наше оправданье...
Давно то было, скрыта даль,
И только намъ воспоминанье
Всего минувшаго Богъ далъ...
Весна дышать ужь начинала
Въ развитой зелени полей
И въ свѣтѣ солнечныхъ лучей
Ея отливами играла;
Морозность легкая ночей
Хотя еще и наводила
Порой на утро и на день
Зимы давно минувшей тѣнь
И слишкомъ воздухъ холодила,
Но весь почти ужь Божій міръ
Въ красахъ весны развернутъ былъ.
О, кто изъ насъ въ краяхъ чужбины
Подъ южнымъ небомъ былъ весной,
Тому весна и Палестины
Должна быть вѣдома красой
И всею силой чарованья,
Въ прелестныхъ розахъ, въ василькахъ
И въ прочихъ рѣдкихъ хоть цвѣткахъ,
Но полныхъ райскаго дыханья!
День былъ хоть холоденъ, но тихъ...
А Божій градъ въ стѣнахъ своихъ
Стоналъ народнымъ треволненьемъ,
И стогны улицъ городскихъ
Кишмя кишилися стеченьемъ
Людей нахлынувшихъ толпой

Къ завѣтной Пасхѣ родовой,
Чтобы, средь Божіяго храма,
Въ куреньяхъ дыма и огня,
Въ хвалахъ, съ кадиломъ ѳиміама,
Вознесть на жертвенникъ огня,
Какъ символическое знамя
Грядущей жертвы, и потомъ
Раскушать Пасху безъ закваски,
Въ однихъ опрѣснокахъ, притомъ
Съ кореньемъ горькимъ, въ память Пасхи,
Свершенной праотцами ихъ
Въ залогъ счастливыхъ дней своихъ
Таковъ былъ праздникъ.... Что-жъ безумно
Повсюду бѣсится народъ?
Куда такъ торопно и шумно
Бѣжитъ еврейскій этотъ родъ?
Пилатовъ домъ... Хода, калиты,
Террасы дома и крылецъ,
Ограда, сѣни и дворецъ
Народомъ такъ биткомъ набиты,
Лишь только простъ Лиѳостротонъ,
Гдѣ былъ правительственный тронъ
И гдѣ Пилатъ съ преступнымъ сонмомъ
Еврейскихъ старцевъ засѣдалъ;
Предъ нимъ почтительно стоялъ,
Въ смиреньѣ трепетномъ и скромномъ,
Какой-то узникъ... Дивный видъ,
И взоръ Его, и цвѣтъ ланитъ
Къ себѣ невольно увлекали,

И всѣ черты лица Его,
Величьемъ вида своего,
Въ немъ ясно Бога выражали...
Свершенъ надъ Узникомъ тѣмъ судъ:
Онъ отданъ былъ на казнь и муки,
И для Пилата подаютъ
Воды—умыть лишь только руки:
То—знакъ, свидѣтельство того,
Что не находитъ ничего
Онъ въ связнѣ стоющаго казни;
Но только старческой мольбой
И буйной волею людской,
Да и изъ собственной боязни
Онъ долженъ былъ Ему такой
Назначить приговоръ распятья,
Какъ жертвѣ общаго проклятья...
Свершился судъ—и Узникъ тотъ
(Кто въ Немъ не видитъ Іисуса?)
Выходитъ скромно предъ народомъ.
Гдѣ въ пыткахъ грознаго искуса,
Въ насмѣшкахъ низкихъ и въ словахъ,
Онъ былъ презрительно оплеванъ,
И въ саркастическихъ видахъ
Избитъ вконецъ и избичованъ
И вѣнчанъ былъ отъ всѣхъ потомъ
Изъ терна сдѣланнымъ вѣнцомъ...
Когда-жь усталъ и истощился
Въ насмѣшкахъ этихъ всѣхъ народъ,
Когда страдалецъ дивный Тотъ

Такимъ смиреніемъ смирился,
Чтобъ уничтожить гордый грѣхъ,
Которымъ родъ нашъ заразился,
И чуть былъ живъ въ побояхъ тѣхъ,—
Тяжелый крестъ ему задѣли,
Подъ стражей къ казни повлекли
И совершенно захотѣли
Его стереть съ лица земли.
Чуть живъ въ конечномъ изможденьи,
Несъ молча крестъ тяжелый свой,
И наконецъ подъ ношей той
Страдалецъ палъ въ изнеможеньи...
Но вотъ Голгоѳа... Спѣшно къ ней
Бѣжатъ толпы безъ чувствъ боязни,
И самъ Страдалецъ, какъ злодѣй,
Восходитъ къ мѣсту грозной казни...
Подъ ношей собственныхъ крестовъ
За Нимъ и двое удальцовъ,
Недавно схваченныхъ изъ степи,
Къ распятью крестному текутъ
И ноги тощія влекутъ
Въ заклепахъ узнической цѣпи...
Взошли. Палачъ съ нихъ молча снялъ
Кресты тяжелые и молотъ
Съ гвоздьми желѣзными поднялъ...
Предсмертный страхъ и тайный холодъ
Въ преступныхъ жилахъ пробѣжалъ
Двоихъ злодѣевъ... Но спокойно,
Какъ неповинное овча,

И самъ собой и добровольно
Христосъ спустилъ хитонъ съ плеча,
Онъ снялъ свой поясъ и безмолвно
Возлегъ на собственный Свой крестъ...
Чуть-чуть дыханье переводитъ,
На совершившуюся месть
Глядя народъ... Но вотъ подходитъ
Палачъ жестокій... Что есть силъ,
Тяжелымъ молотомъ хватилъ
И длань Христову, окаянный,
Къ кресту онъ сразу пригвоздилъ...
Кровь кверху брызнула изъ раны
И тихо льющимся ручьемъ
Она живительно потомъ
На землю канула со древа...
И тщетно въ этотъ грозный часъ
По дивномъ Сынѣ Присно-Дѣва,
Какъ мать, томилась и рвалась,
Къ Нему страдальчески взирала,
Умильно руки простирала,
Звала по имени Его,
Пустить къ Нему—всѣхъ умоляла,
Но не пустили до Него
Марію стражи и раввины;
Тогда безъ чувства, какъ мертва,
Ея склонилась голова
На грудь рыдавшей Магдалины...
День ясенъ былъ, но вдругъ вдали
Возникла тьма и солнце скрылось,

Тревожно небо помутилось
И съ шумомъ треснулъ грунтъ земли...
Безъ свѣта сталъ весь міръ и мраченъ,
Затмѣнье всюду разлилось,
Когда израненъ и беззраченъ
Повисъ на деревѣ Христосъ
Среди распятыхъ съ Нимъ злодѣевъ,
По настоянью іудеевъ,
Чтобъ тѣмъ и больше, и сильнѣй
Его съ преступниками сблизить,
Въ виду помѣшанныхъ людей,
И несказаннѣе унизить.
Свершилось все: Христосъ повисъ...
Крестъ поднятъ... Плещутъ іудеи...
За Нимъ съ крестами вознеслись
Въ ряду и прочіе злодѣи,
Изъ коихъ слѣва былъ злодѣй —
Нахалъ изрядный и надменный,
Повѣса съ демонской душей;
И этотъ, добрыхъ чувствъ лишенный,
Вися на древѣ со Христомъ,
Въ послѣдней тратѣ силъ и жизни.
Отверзъ уста свои притомъ
И, въ чувствѣ горькой укоризны,
Сказалъ ему: „Ты думалъ, храмъ
Разрушивъ, въ три дня вновь воздвигнуть, —
Ну, вотъ, теперь спасись же Самъ,
Когда не хочется погибнуть...
Спаси и насъ, дай помощь намъ!“

Разбойникъ къ этому прибавилъ,
Кивнувъ насмѣшливо главой
И рѣчью варварскою той
Нахально Господа безславилъ.
Межъ тѣмъ какъ съ правой стороны,
Внимая рѣчи той безумной,
Другой злодѣй благоразумно
Замѣтилъ другу, что они
По правдѣ терпятъ то распятье
И смертоноснаго креста
Позоръ и общее проклятье,
Тогда какъ пала участь та
Не за грѣхи и преступленье
На жизнь невиннаго Христа,
А въ наше вѣчное спасенье...
Сказавши это, тотъ злодѣй,
Какъ воскъ, растеплился душой
И, въ сладкомъ чувствѣ умиленья,
Онъ друга колко упрекнулъ
За говоръ глупый и нахальный;
Замолкъ онъ нѣсколько, вздохнулъ
И, въ духѣ исповѣди тайной,
Всю жизнь свою онъ оглянулъ
До самой той минуты крайней,
Когда съ разбоя схваченъ былъ,
И такъ сквозь слезы говорилъ
Христу онъ съ вѣрою сердечной:
„Когда во царствіи Твоемъ
И въ славѣ жизни безконечной

Ты придешь, Господи, то въ немъ,
Хоть я того совсѣмъ не стою,
Меня, злодѣя, помяни!“
Молчалъ Христосъ, пока они
Въ словахъ мѣнялись межъ собою;
Когда-жъ разбойникъ умолялъ
Его такъ скромно, Онъ сказалъ:
„Аминь глаголю, днесь со Мною,
За эту исповѣдь твою,
Ты будешь царствовать въ раю!“
И смолкло все... Христосъ—ни слова;
Разбойникъ кающійся стихъ
И, въ чувствахъ каменныхъ своихъ,
Съ креста смотрѣлъ на Богослова
И на страдальческій процессъ—
Томленья, горести и слезъ
Его божественной дружины—
Маріи Дѣвы Пресвятой
И съ Ней слезившей Магдалины...
Народъ мутился и толпой
Межъ тѣмъ съ Голгоѳы расходился,
Билъ горько въ перси и дивился
Разливу тьмы по всей землѣ.
Но вотъ Господь еще воскликнулъ
И къ замирающей груди
Главой божественной поникнулъ,
Вздохнулъ, приблизился къ концу
И вслѣдъ за тѣмъ, въ виду дружины,
Онъ духъ Свой передалъ Отцу...

И той страдальческой кончины
Голгоөа вынесть не могла,—
Въ ней съ шумомъ треснула скала,
Краса-жъ еврейскія святыни—
Завѣса въ церкви—раздралась
И солнца свѣтъ совсѣмъ погасъ...
И, видя чудный мракъ средь полдня
И то, какъ треснула скала,
И все, что только смерть Господня
Въ свой грозный мигъ произвела,—
Разбойникъ кающійся скромно,
Въ надеждѣ сладкой, и безмолвно
Уже своей кончины ждалъ
И о спасеньи богомольно
Къ Христу почившему взывалъ;
Когда-жъ потомъ, въ добавокъ казни,
Ему стражъ голени пребилъ,
Безъ чувствъ смятенья и боязни
Онъ вздохъ послѣдній испустилъ
И свѣтлымъ духомъ воспарилъ
Въ небесный рай, куда Владыка
И Богъ спасенья всѣхъ людей,
Во славѣ царственной Своей,
Ужъ шелъ торжественно и въ кликахъ,
Ведя изъ ада за Собой
Народъ, искупленный цѣной
Завѣтной крови изъ-подъ гнѣва
Небесной правды, и за Нимъ
Въ рай первый шелъ съ крестомъ своимъ

Висѣвшій справа, а не слѣва,
Разбойникъ вѣрный и вступилъ
Онъ въ свѣтлый рай, гдѣ получилъ,
Что предсказала Присно-Дѣва,
Когда, разбойничая, спасъ
Ее съ Дитятей онъ въ пустыни,
Въ Ея побѣгъ изъ Палестины...
И тотъ разбойникъ былъ Дисманъ!..

Палестинскія впечатлѣнія.

(Изъ письма къ брату).

. . . .

Сколько дней ужъ укатилось,
Какъ мы разрознились съ тобой!
Чего съ тобою и со мной
Въ разлукѣ, братъ мой, не случилось!..
Но дома ты; я-жъ—всѣмъ чужой
И нѣтъ мнѣ дружескія ласки...
Прощай!.. Я жалобно крушусь;
Но и за всѣмъ тѣмъ остаюсь
Здѣсь до божественныя Пасхи...
О, сколько дива и чудесъ
Мои здѣсь будутъ видѣть глазки
И сколько выронятъ тамъ слезъ
Святой тоски и умиленья!..
Здѣсь полонъ каждый уголокъ
Событій нашего спасенья:
Взгляни туда—въ глуби потокъ

Давно изсохшаго Кедрона;
Здѣсь—Геѳсиманія, а тамъ—
Святые скаты Елеона.
По ихъ уступнымъ высотамъ—
Кой-гдѣ развалины, тѣнь древа,
Тропинки тѣсныя, и ихъ
Какъ часто Богъ и Приснодѣва,
Въ лѣтахъ привременныхъ Своихъ,
Своей стопою освящали!..
Подошва этой вотъ горы,
Отъ давнихъ дней библейской дали
До современной намъ поры,
Тѣснится жалкими гробами
Судьбой отверженныхъ людей;
А надъ кедронскими брегами
Авессаломовъ мавзолей
Стоитъ, не тронутый вѣками;
И только въ казнь отъ всѣхъ вѣковъ
Законъ предписанъ и народомъ
Онъ чтится здѣсь: законъ таковъ,
Чтобъ каждый странникъ мимоходомъ
На этотъ памятникъ кидалъ
Всей силой камень безъ боязни
И тѣмъ онъ мстилъ и прибавлялъ
Авессалому горькой казни
За то, что онъ отца не чтилъ...
Отсюда чуденъ видъ Сіона!..
Здѣсь—Силоамская купель;
Въ связи-жь съ верхами Елеона

Гора соблазна, гдѣ съумѣлъ
Врагъ нашъ попутать Соломона,
Чрезъ женъ языческихъ его,
Оставить Бога своего...
Какъ часто я люблю съ вершины
Двухъ этихъ горъ глядѣть на даль,
На Іорданскія равнины
Иль асфальтическій кристаллъ
И, въ умилительномъ раздумьѣ,
Былое въ память приводить
И объ израильскомъ безумьѣ
Тревожной мыслію грустить!..
Какъ часто мысль меня уноситъ
За цѣпи Аравійскихъ горъ
И мой любующійся взоръ
Туда прогулки часто проситъ
Моимъ болѣзненнымъ ногамъ;
Но нѣтъ возможности и силы
Быть мнѣ и прочимъ пришлецамъ,
И я, безмолвный и унылый,
Мечтой гуляю только тамъ...
Вблизи-жъ тѣхъ горъ, отъ насъ далекихъ,
Крутится бурный Іорданъ,
Въ волнахъ кипучихъ и глубокихъ,
И онъ таинственная грань
Святой Земли и Аравіи.
О, какъ стремится мысль моя
Къ тому, чтобы его стихіи
Благословенная струя

Меня собою оживила
И грязь безчисленныхъ грѣховъ
Съ моихъ всѣхъ жизненныхъ годовъ
И съ сердца бѣшенаго смыла,
Чтобъ былъ я снова святъ и новъ.
Отъ Елеона же направо,
Подъ склономъ холма одного,
Лежитъ Виѳанія безъ славы,
Гдѣ Богъ, какъ друга своего,
Воздвигнулъ Лазаря чудесно
Изъ мертвыхъ...
Тамъ, въ виду Силома,
По склону къ западу, лежитъ,
Черезъ потокъ сыновъ Гинома,
Акелдама, гдѣ, можетъ-быть,
Тьмы темъ ужь нашей братьи въ гротахъ
На вѣчный сонъ уложены...
Теперь въ тѣхъ мертвенныхъ оплотахъ,
Среди могильной тишины,
Пустыя ниши лишь однѣ...
Акелдама—село то крови—
Лежитъ отвѣсною скалой;
Еврейскій родъ купилъ цѣной,
Цѣнившей жизнь и смерть Христовы,
Село то жалкое, когда
Іуда низкій, безъ стыда
Сознавъ свой грѣхъ въ продажѣ Бога,
Повергъ ту цѣну въ Божій домъ
И въ петлю бросился потомъ...

Еврейскій родъ подъ тѣмъ предлогомъ,
Что то, какъ кровная цѣна,
Не можетъ принято быть Богомъ,
И той цѣною цѣнена,
Акелдама, куда помногу
Съ тѣхъ поръ далекихъ пришлецовъ
По смерти въ темный гробъ слагали,
И только съ нынѣшнихъ годовъ
Здѣсь православные не стали
Ихъ класть, Сіономъ замѣнивъ
Для нихъ то кровное кладбище...
Здѣсь садъ есть тѣнистыхъ оливъ,
И этотъ садъ и гроты нищей
Быть могутъ самыхъ важныхъ думъ;
Тѣмъ болѣ кажется, что шумъ
И жизни бурныя тревога
Съ молвою ихъ и со страстьми,
Насъ въ адъ влекущими отъ Бога,
Могильныхъ скалъ Акелдамы
И всѣхъ ея покоищъ чужды...
Здѣсь можно сладко отдохнуть
Душой страдальческой,—на нужды,
На грусть ея, загробный путь,
Спокойной мыслію взглянуть
И бѣды всѣ, и всѣ печали
Смиренно Богу поручить...
Ничто здѣсь чувствъ не безпокоитъ,—
Какъ сладко сердце здѣсь грустить!
Какъ взоръ смиренно здѣсь глядитъ

И мысль задумчивую строитъ
Подъ звукъ евангельскихъ словесъ!
Душѣ тутъ плакаться не больно,
И если гдѣ она, такъ здѣсь
Стремится къ небу богомольно...
Повыше нѣсколько отсель,
Почти на выстрѣлъ пистолета,
Гора преступнаго совѣта,
Гдѣ торгъ свой демонскій имѣлъ
И отъ священниковъ Іуда
За кровь Христову цѣну взялъ...
Здѣсь Каіаѳинъ домъ стоялъ.
Хоть видъ плѣнителенъ отсюда
На всю сосѣдственную даль,
Но мѣсто самое здѣсь дико
Лежитъ въ развалинахъ своихъ,
И только травка съ павиликой
Пустынно стелется на нихъ
И въ родѣ хлѣва или ниша
Затворъ турецкаго дервиша...
При всемъ томъ, братъ мой, какъ безцѣнно
Съ вершинъ холмовъ и здѣшнихъ горъ
На Палестинѣ раззоренной
Покоитъ странническій взоръ!..
Какихъ здѣсь не было событій!
Какой здѣсь былъ для нихъ просторъ!
Но всѣ они уже сокрыты
Въ давно минувшихъ временахъ.
Теперь совсѣмъ ничтожный городъ

Ерусалимъ... Лишь пыль да прахъ
Въ его разрушенныхъ стѣнахъ,
Безстыдство бѣдности и голодъ...
Взгляни на улицы: на нихъ
Калѣки съ лицами худыми,
Въ костюмахъ варварскихъ своихъ,
Сидятъ почти полунагими...
Кой-гдѣ ряды, но и они
Почти какъ улицы грязны;
Въ нихъ есть товаровъ даже свалки.
Хоть городъ святъ, а между тѣмъ
Ни шагу здѣсь арабъ безъ палки,—
Кто съ пистолетомъ иль съ ружьемъ,
Кто съ пикой, съ саблею кривою,
Иной съ предлиннымъ чубукомъ,
И всѣ съ чалмой, перевитою
Цвѣтнымъ иль темнымъ полотномъ...
Но если что, такъ ужь едва ли
Не болѣ здѣсь всего меня
Собой арабки занимали;
Хоть и не долженъ былъ бы я
Смотрѣть на лица ихъ грязныя,
Но вѣдь невольно взоръ падетъ
На ихъ безчувственный скелетъ
И формы ихъ полунагія...
Роскошной зеленію нивъ,
Или млекомъ отъ стадъ пустынныхъ
И прочей мелочью стѣснивъ
Онѣ ряды средь улицъ длинныхъ,

Не представляютъ ничего
Кромѣ безстыдства своего...
Но есть средь грязной сей картины
И скромный рядъ; его товаръ—
Символы вѣры и святыни—
Кресты, иконы и янтарь,
Кой-что еще изъ перламутра
И разной цѣнности чотки
Для богомольческой руки...
Все это здѣсь съ восходомъ утра
Сваливъ на свалкѣ площадной
Противъ святилища Господня,
Сложивши ноги подъ собой,
Арабъ торгуетъ до полудня.
Случалось даже, что въ виду
Святой Голгоѳы, близко храма,
Въ узаконенную чреду,
Поклонникъ гнуснаго ислама,
На свой молитвенный коверъ
Скрестивши ноги преспокойно,
Свершаетъ—этотъ изувѣръ—
Свои молитвы богомольно...
Но это, братъ мой, пустяки!
Вступи въ святилище ты наше,
И тотчасъ съ лѣвыя руки
Диванъ представится, гдѣ съ чашей,
Держа преважно чубуки,
Сидятъ два турка, иль и больше,
Межь тѣмъ какъ нѣсколько шаговъ

Подалѣ этихъ чудаковъ
Лежитъ плита въ вершокъ, не толще;
И этой мраморной плитой
Намъ пунктъ трагическій указанъ,
Гдѣ былъ Іосифомъ помазанъ
Христосъ... Въ виду плиты же той,
При основаніи Голгоѳы,
Нечистый турокъ съ чубукомъ,
Сложивши ноги, пьетъ здѣсь кофе...
Что будешь дѣлать съ чудакомъ!
Лишь слезы льемъ... Но православье
Тѣмъ чище здѣсь въ виду другихъ,
При всѣхъ событіяхъ своихъ,
И не наносится безславье
На получаемый огонь
На Божьемъ гробѣ въ навечерье
Святыя Пасхи. Какъ бы онъ
На мусульманское безвѣрье
Не могъ сомнѣнья навести:
Коль здѣсь была-бъ несправедливость
И православной чистоты
Или разсчетъ, или фальшивость...
Когда здѣсь надобно идти
Для полученья благодати,
Тогда вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
Осмотритъ турокъ бородатый
Того, кто входитъ по огонь
Ко гробу Божью; а вступаетъ
Къ нему и нашъ митрополитъ;

Въ придѣлѣ-жъ Ангела стоитъ
И этотъ праздникъ раздѣляетъ
Армянскій съ нимъ архіерей;
Но онъ совсѣмъ не выступаетъ
Подалѣ ангельскихъ дверей,
Отъ коихъ древле ангелъ камень
Для мѵроносицъ отвалилъ
И самъ, какъ молнія и пламень,
Для нихъ своимъ видѣньемъ былъ...
О, сколько дива здѣсь! Какъ сладко
Бываетъ сердцу, если я
Одинъ, неслышною украдкой,
Здѣсь въ поздній вечеръ, безъ огня,
Пройду до скромныя темницы,
Гдѣ былъ Господь нашъ затворенъ,
Иль до Божественной гробницы
Съ голгоѳскихъ мраморныхъ ступень!..
Какъ много сладостныхъ видѣній
Здѣсь свѣтлой мысли и мечтамъ
И самыхъ чистыхъ наслажденій
Даритъ просторный этотъ храмъ!
Прекрасно днемъ здѣсь; но средь ночи,
Когда все стихнетъ и заснетъ
И только лампа лишь прольетъ
Свой свѣтъ мерцающій на очи,
Какъ сладко видѣть и лобзать
Мѣста безцѣнныя для сердца,
Тѣмъ самымъ воздухомъ дышать,
Которымъ дышетъ благодать!

Какъ сладко здѣшнему, туземцу,
Равно и дальнему пришельцу
Къ святынѣ гроба и креста
Свои прикладывать уста!
Такъ было прежде, такъ и нынѣ..
Склоняясь часто здѣсь во прахъ
Предъ искупительной святыней,
Всего я болѣе въ потьмахъ
Люблю сидѣть и думать думы...
Въ какомъ таинственномъ раздумьи
Я здѣсь въ то время не бывалъ!
Какъ сердцемъ нылъ я и страдалъ,
Когда житейское безумье
Всѣхъ лѣтъ моихъ воспоминалъ!..
Да гдѣ-жъ свободнѣй и вольнѣе
Я могъ и плакать, и тужить,
И о грѣхахъ моихъ больнѣе
И жарче съ Богомъ говорить?..
Но, вотъ, есть здѣсь еще пещера:
Въ пещерѣ самый скромный храмъ,
И посвятила храмъ тотъ вѣра
Святымъ Маріинымъ слезамъ.
Всего здѣсь чаще, потаенно,
Люблю, мой братъ, молиться я
Душой, грѣхами отягченный,
И за тебя, и за себя!
Но кто и какъ вполнѣ опишетъ
Восторгъ и счастіе души,
Когда въ полуночной тиши

Она тѣмъ воздухомъ задышитъ,
Который въ прежнія лѣта
Животворилъ въ минуты казни
Здѣсь умиравшаго Христа?...
О, кто къ подножію креста
Приступитъ смѣло, безъ боязни,
И, въ чувствахъ трепетной любви
Или сердечнаго признанья,
Не склонитъ грѣшной головы
Въ слезахъ молитвъ и покаянья
Подъ самый крестъ Іеговы?...
Люблю я долго и съиздавна
Въ безмолвномъ трепетѣ стоять
И на рыдающую Мать
И на святаго Іоанна
Сквозь слезы сладкія взирать
Здѣсь, на Голгоѳѣ,—и порою
Не могъ я долго глазъ отвесть,—
Или преступною главою
Припавъ къ отверстію, гдѣ крестъ
Былъ водруженъ съ безцѣнной Жертвой,
Моей душою полумертвой
Я часто ною и томлюсь,
Цѣлую грѣшными устами
То мѣсто, съ нимъ не разстаюсь,
Гдѣ также горькими слезами
Тревожно плакала, рвалась
И сокрушалась Магдалина,
Тогда, какъ былъ послѣдній часъ

Здѣсь для Маріинаго Сына...
Да, сладко плакать тамъ, гдѣ Богъ
Страдалъ позорной казнью древа,
Гдѣ у Его пречистыхъ ногъ
По Немъ рыдала Присnодѣва
Съ своей дружиною святой...
Ужель, мой братъ, и я, презрѣнный,
Причисленъ здѣсь къ дружинѣ той?...
Нѣтъ!...: Этотъ даръ, какъ даръ безцѣнный,
Не можетъ быть и принятъ мной,
Хотя-бъ того мнѣ и желалось...
Когда я тайно оглянусь
На жизнь былую и на шалость
Всѣхъ дней моихъ, то я стыжусь
И самъ себя, всего боюсь
При мысли той, что заблужденья
И весь мой юношескій грѣхъ,
Вся даже жизнь безъ исключенья—
Извѣстны здѣсь уже для всѣхъ...
И мнѣ ли грѣшнику такому
Въ ряду друзей Христовыхъ стать?...
Не мнѣ, мой братъ,—пускай другому.
Богъ дастъ такую благодать.
Чрезчуръ мнѣ много и довольно,
Мои грѣхи такъ богомольно,
Какъ и разбойникъ, и у ногъ
Христовыхъ плакать съ Магдалиной....
О, дай-то Богъ! О, дай мнѣ Богъ,
Хоть на прощанье съ Палестиной,

Залоги счастія того
И вѣчныхъ радостей спасенья
Для дней и сердца моего,
На память сладкую всего,
Что я въ минуты поклоненья
Здѣсь видѣлъ, чувствовалъ, узналъ
И какъ бы вѣрой осязалъ!
О, надо быть, коль жизнь продлится
На всю ея земную даль,
То будетъ весело ложиться
Во свѣтлой памяти, что я
Въ полгода здѣшняго житья
Отрадно чувствовалъ и видѣлъ!
И кто-бъ изъ кровныхъ и друзей
Отъ сердца, братъ, не позавидѣлъ
Судьбѣ теперешней моей?...
Да, много чувствъ благодаренья
Я долженъ къ Господу питать
И пѣть хвалы за доставленье
Мнѣ средствъ—свободно повидать
Священный городъ, гдѣ когда-то
И самъ Онъ странствовалъ и жилъ,
Хотя и въ прахъ преобразилъ
Ужь все здѣсь турокъ бородатый...
Что дѣлать! Звучны имена
И Виѳлеема и Сіона
Во всѣ былыя времена;
Прелестны скаты Елеона
И важенъ, мраченъ и угрюмъ

И полонъ таинственныхъ думъ
Потокъ изсохшаго Кедрона,
Откуда въ вѣчность увлечетъ
Всѣхъ грѣшныхъ огненная лава,
Межь тѣмъ какъ райской жизни слава
Съ вершинъ Сіона облечетъ
Всѣхъ тѣхъ, кто только станетъ справа
Неумолимаго Судьи...
Безцѣнны, братъ мой, Іордана
Благословенныя струи;
Тиха пустыня Іоанна
Близъ града Горняго,—все-жь то
Теперь на видъ ужь какъ ничто:
И прахомъ, пылью, средь развалинъ,
Давно покрыто, и никто
Не разгадаетъ дивныхъ таинъ
Судебъ Господнихъ и временъ,
Когда святая Палестина
Стряхнетъ съ себя свой горькій плѣнъ
И деспотизмъ мусульманина...
Увы, Европа... Божій міръ,
Вашъ крѣпокъ сонъ! Вы свой кумиръ
Увили лавромъ, а святыня
Земли божественной въ пыли;
На ней ужь мерзость запустѣнья
Тѣснитъ и гробъ, и алтари—
Сѵмволы нашего спасенья...
Иль нужды нѣтъ?... Какъ будто Богъ
Подножьемъ долженъ быть для ногъ

Его отверженныя твари...
Пора бы выспаться! Пора
Европѣ выродковъ Агари
Прогнать въ затылокъ со двора
Господня храма и святыни
Изъ плѣна выхватить и взять
И краю грустной Палестины
Ея величіе опять
Со славой первою отдать...
Но... слишкомъ я заговорился.
Спокойной ночи, братецъ мой!
Пора,—давно, вѣдь, прокатился
Ужь грохотъ пушки вѣстовой,—
На сонъ грядущій и покой...

1845 г. янв. 30 дня. Іерусалимъ.
(Глубокій вечеръ).

Воспоминаніе о родинѣ.

(Изъ письма къ брату).

Играй, играй ты, вѣтръ летучій,
И въ дальній сѣверъ понесись,
И тамъ, гдѣ бьются съ вихремъ тучи,
Ты въ ихъ борьбѣ остановись!
Тамъ взвѣй съ полей зимы родимой
Мечты моихъ минувшихъ лѣтъ,
Моей борьбы необъяснимой,—
И замети ихъ легкій слѣдъ!
И тайнымъ гостемъ Палестины
Привѣйся къ тѣни тѣхъ садовъ.
Гдѣ милой родины картины,

Гдѣ нѣгой дней и вечеровъ
Мы съ милымъ братомъ наслаждались,
И гдѣ роднымъ его рѣчамъ
Мои желанья отзывались,
И гдѣ такъ сладко было намъ!
О, вѣтръ летучій! донесись,
И тамъ—въ отчизнѣ—развернись.
Мой братъ! онъ вспомнитъ дни былые,
Когда подъ тѣнію вѣтвей,
Иль средь ликующихъ полей,
Вели бесѣды мы живыя.
Онъ вспомнитъ прелесть этихъ дней,
Въ слезахъ тоскующей разлуки,—
Любви его родные звуки
О вѣтеръ! ты мнѣ перевѣй,
И вздохъ души его родной
Неси въ пріютъ пустынный мой.
А ты, свидѣтель молчаливый,
И тайныхъ думъ, и горькихъ слезъ,
Товарищъ радости счастливой
И другъ желанный нашихъ грезъ,
Ты, мѣсяцъ ясный, въ край далекій—
На сѣверъ милый унесись,
Гуляя въ небѣ одиноко,
Тамъ ярче, ярче загорись;
И загляни тамъ, мѣсяцъ ясный,
Въ обитель брата моего!
Твой лучь задумчивый, прекрасный,
Отрадой будетъ для него!

И вспомнитъ онъ, какъ наслаждались
Мы вмѣстѣ счастіемъ своимъ,—
Какъ наши чувства увлекались
За свѣтлымъ обликомъ твоимъ
И вы, разсѣянно блуждая
По волѣ вѣтра въ небесахъ,
И развивая и свивая
Туманы сѣрые въ волнахъ,—
Вы, дѣти неба, понеситесь
Дыханьемъ теплымъ вѣтерка,
И тамъ, въ отчизнѣ, разбѣгитесь
Пленицей свѣтлой, облака!
На милой родинѣ холмами
Раскиньтесь въ небѣ голубомъ;
Мой братъ не встрѣтится ли съ вами,
Не загруститъ ли о быломъ?
Быть можетъ, странника роднаго
Въ краю далекомъ вспомнитъ онъ;
Быть можетъ, памятью былаго
Онъ вами будетъ оживленъ.
Припомнитъ онъ, какъ вечѐрами,
Гуляя вмѣстѣ по полямъ,
Слѣдили взоромъ мы за вами,
А духъ стремился къ небесамъ....
Но все былое миновалось,
Разстались мы... и сколько дней,
И сколько времени умчалось
Въ разлукѣ братьевъ и друзей!...
Все вѣетъ такъ же вѣтръ летучій,

Перелетая край родной.
И мѣсяцъ всходитъ изъ-за тучи.
И облака бѣжатъ грядой!
А я не тамъ—въ странѣ родимой,
Къ св. землѣ привился я;
Но братъ мой милый, другъ любимый,
Тамъ молитъ Бога за меня.

. . . .

. . . .

Прощай же, братъ и другъ сердечный,
Да будетъ вѣчно Богъ съ тобой!
Молись, молись, чтобъ Промыслъ вѣчный
Всегда былъ также и со мной.
Прощай
до дней загробнаго свиданья!

5 февр. 1845 г. Іерусалимъ.

Чудо святаго Спиридона Тримиѳунтскаго.

Великій святитель Христовъ Спиридонъ
На первый Никейскій соборъ приглашенъ
Противу безбожнаго Арія. Вотъ
Святитель сбирается въ дальній походъ
Изъ Кипра къ Никеѣ, притомъ въ сухопуть,
Верхомъ на конѣ, со слугою. Идутъ
Дни быстро за днями своей чередой,
И странствуетъ скромно нашъ старецъ святой;
Но, какъ чудотворецъ, дорогой отъ всѣхъ
Былъ славимъ и, полныя сладкихъ утѣхъ,

Бесѣды его православнымъ текли,
И люди наслушаться ихъ не могли.
Межъ тѣмъ аріане отъ зависти злой
Страдали, затѣмъ что нашъ старецъ святой
Догматъ ихъ безбожный какъ пыль развѣвалъ
И тяжкой анаѳемѣ ихъ предавалъ...
И что-жъ окаянные, чудятъ они?...
Вотъ быстро за днями уканули дни;
И разъ, на закатѣ, избравши ночлегъ,
Святитель въ гостинницѣ общей прилегъ,
А служка, убравши дорожныхъ коней,
Храпѣлъ безъ-пробуду на койкѣ своей...
Тогда аріане, въ глухую полночь,
У коней ихъ головы отняли прочь;
А надо сказать-что одинъ вороной
Былъ конь, а подъ старцемъ былъ бѣлый другой.
Лишь только зарею востокъ занялся,
Святитель съ ночлега въ свой путь поднялся
И будитъ онъ служку: „эй, чадо, вставай!
Поди лошадей осмотри и сѣдлай!“
И служка, въ просонкахъ, вбѣгаетъ во хлѣвъ...
Что-жъ?—горе и трепетъ, досада и гнѣвъ
Его охватили... Вотъ торопно онъ
Вбѣгаетъ къ святителю. „Что? Спиридонъ
Его вопросилъ,—ты ужь вѣрно готовъ?“
—„Напротивъ!.. Вѣдь кони-то тамъ безъ головъ.“
При вѣсти той ахнулъ святитель... Потомъ
Онъ служкѣ сказалъ такъ съ веселымъ лицомъ:
—„Что-жь это за горе? Ты, другъ, не тужи!

Ступай ты имъ головы вновь приложи,
Какъ были и прежде... Ужь, вѣрно, все то
Спроказили намъ аріане!..“—„Нештo!“
Тутъ служка отвѣтилъ владыкѣ. И вотъ
Онъ въ сумеркахъ утра въ конюшню идетъ,
Взялъ головы конямъ своимъ приложилъ,
И Богъ ихъ воздвигъ и какъ разъ оживилъ...
И радъ былъ и веселъ тотъ служка... Въ отъѣздъ
Онъ ихъ, осѣдлавши, привелъ на подъѣздъ...
Но, вѣрно, бѣдняжка проглазилъ въ потьмахъ
И какъ-то смѣшался онъ въ ихъ головахъ:
И конь вороной съ бѣлой сталъ головой,
А бѣлый конь сталъ съ головой вороной...
Тутъ диву дались всѣ о чудѣ такомъ,
И даже среди аріанства потомъ
Молва пронеслася о чудѣ головъ,
И самъ улыбнулся святитель Христовъ,
Садясь на коня, и вотъ добрымъ путемъ
Онъ скоро въ Никею пріѣхалъ потомъ...
И былъ на соборѣ святый Спиридонъ,
Гдѣ вновь чудесами прославился онъ.

Къ друзьямъ.

Въ пустынѣ здѣсь я одиноко
Какъ часто вечеромъ брожу
И думно, въ горести глубокой,
На море шумное гляжу!
Какъ тихо здѣсь въ лѣсу дремучемъ:
Ни пташки нѣтъ и ни звѣрька

Святогорецъ іеромонахъ Серафимъ,
въ схимѣ Сергій.

Скончался въ Русикѣ на Аѳонѣ 17 декабря 1853 г.

И ни въ дыханіи летучемъ
Прохладной нѣги вѣтерка,—

Такъ наша жизнь тиха лишь съ Богомъ:
Чужда житейскихъ смутъ она
И какъ въ отшельничествѣ строгомъ
Она здѣсь радуетъ меня...

Но тамъ, вдали, играетъ море
И бурно плещется волной,
Въ своемъ бунтующемъ просторѣ
И бьется съ хладною скалой...

О, какъ же это море грозно!..
Такъ жизнь тому кто брошенъ въ міръ
И кто живетъ здѣсь съ Богомъ розно,
И любитъ грѣхъ, какъ свой кумиръ...

Друзья мои, друзья! бѣгите
Вы грѣшной жизни, какъ чумы,
И міръ ничтожный разлюбите
И связи съ грѣшными людьми!

Не здѣсь намъ жизнь: есть жизнь иная,—
Міръ слишкомъ смутенъ и убогъ,—
Есть краше жизнь, и не земная,
Гдѣ нашъ Отецъ и другъ—самъ Богъ!

О, есть ли что той жизни краше?
И есть ли Бога что милѣй?...
Парите-жъ къ Богу мыслью вашей
И возвышайтеся душой!

Знакомьтесь чаще съ небесами,
Тоскуйте сладко вы о нихъ—

И покаянными слезами
У Бога выкупите ихъ...

Св. гора Аѳонская.
1846 г. апр. 14 дня.

Отсталый пташекъ.

Что ты смолкнулъ, пташекъ милый?
Какъ иззябъ ты и промокъ!
Иль ты хворъ, иль слабы силы?
Иль ты въ жизни одинокъ?
Знать, залетный гость ты съ юга,
Сѣверъ нашъ не по-тебѣ
И не видишь, знать, отъ друга
Ты сочувствія себѣ...
Вотъ ужь холодъ... Вихрь летучій
Снѣгомъ сыплетъ и срѣдка
Разстилаютъ грозно тучи
Зимовыя облака.
Пташки дружной вереницей
Убрались въ свой свѣтлый югъ,—
Можетъ-быть за ихъ станицей
Улетѣлъ и твой подругъ...
Что же ты?—знать, гость отсталый?
Полно думать,—встрепенись
И въ твой путь, хоть запоздалый,
Милый пташекъ, понесись!
Нѣтъ, знать, силъ; ты слабость чуешь...
Какъ судьба твоя жалка!

Вѣрно, жизнь ты отгорюешь
И убьетъ тебя тоска.
Иль морозъ зимы и вьюги,—
И грядущею весной
Не найдутъ тебя здѣсь други
Болѣ, пташекъ милый мой!..
О, какъ схожи мы съ тобою!
Въ раннемъ цвѣтѣ красныхъ дней
Брошенъ я моей судьбою
На чужбину отъ друзей...
Все, что сердцу было мило,
Чѣмъ свѣтилась жизнь моя,—
Тамъ, на небѣ, за могилой,
И отсталъ здѣсь только я.
Есть друзья и есть родные;
Но, заброшенный судьбой
Изъ Руси въ края чужіе,
Я для нихъ какъ бы чужой.
О, не знать мнѣ прежней жизни,
Грустно вѣкъ стремиться въ даль,
Далеко быть отъ отчизны,—
Знать, убьетъ меня печаль!...

Св. гора Аѳонская.
1846 г. іюля 4 дня.

Надъ колыбелью младенца.

Дай ты мнѣ налюбоваться,
Мила крошка, на тебя

И потомъ уже разстаться
Долженъ я съ тобой, дитя!
Ты все спишь?... Спи сномъ незнанья,
Не давай себя будить,—
Близокъ часъ тебѣ страданья,
Если сонъ твой пролетитъ...
Будешь ждать ты, звать со днями
И родную, и меня,
Плакать горькими слезами;
Но ни я и не она,
На призывъ осиротѣлый,
Не отвѣтимъ и къ твоей
Мы безродной колыбели
Ужъ не придемъ болѣ съ ней...
Дни пройдутъ, пройдутъ и годы,
Коль угодно то судьбѣ,
Будешь ты, дитя свободы,
Ждать сочувствія себѣ
И въ родныхъ твоихъ, и въ людяхъ;
Но найдешь ли, Богъ то вѣсть,—
Люди любятъ въ пересудахъ
Лишь клеймить чужую честь...
Ты узнаешь ласки свѣта,
Радость чуждыхъ матерей
О своихъ безпечныхъ дѣтяхъ;
Но о матери своей
Ты не будешь знать и вѣдать...
Спросишь: гдѣ же мой отецъ?
И тебѣ на то отвѣтятъ:

Онъ давнымъ-давно – чернецъ.
А родная?—Въ гробныхъ сводахъ...
Ты услышишь то, дитя,
И одна среди народа
Будешь вѣчно сирота!...
Спи же сладкимъ сномъ незнанья,
Не вели себя будить,—
Близокъ часъ тебѣ страданья,
Сонъ коль этотъ пролетитъ.
Ты не будешь знать на свѣтѣ
Ласки матери родной,
Ни отца въ его привѣтѣ
Со страны тебѣ чужой...
Спитъ въ землѣ твоя родная,
А тоскующій отецъ
Отъ тебя, съ роднаго края,
Удалится наконецъ
Въ край невѣдомой чужбины...
Что-жь тамъ можетъ статься съ нимъ?
Что тебя ждетъ въ часъ годины
За младенчествомъ твоимъ?—
Ты безъ ласкъ любви родныя,
Безъ родителей своихъ,
Можетъ, ласки и чужія
Не узнаешь въ дняхъ твоихъ...
Въ играхъ дѣтства, въ часъ веселья,
Можетъ-статься, попрекнутъ
И за то тебя, что келья
Мнѣ—мой временный пріютъ;

Что ты круглой сиротою
Остаешься, что отецъ
Не заботится тобою,
Какъ отшельникъ и чернецъ...
Ты о томъ заплачешь томно;
Ты сироткою, одна,
Будешь въ свѣтѣ жить бездомно,
Знать не будешь и меня...
Но не плачь, дитя! Хоть больно
Будетъ сердцу твоему,
Ты предайся богомольно
Съ вѣрой Богу своему:
Онъ—Отецъ твой и Спаситель;
Жизни будетъ пѣстунъ твой—
Ангелъ, дней твоихъ хранитель;
Вмѣсто-жь матери родной
Будетъ Дѣва Пресвятая...
Я молилъ уже Ее,
Да Она улыбкой рая
Сердце радуетъ твое;
Если-жь лучше, то, конечно,
Въ небо вызоветъ Она
Духъ твой къ жизни безконечной
И развяжетъ тѣмъ меня.
А теперь—прости! Хочу я
Въ даль желанную нестись...
Ну-жь, дитя, отъ поцѣлуя
Ты въ послѣднiй разъ проснись,
Дай тобой налюбоваться,

Дай твоимъ дыханьемъ мнѣ,
Въ поцѣлуяхъ, надышаться
Въ колыбельной тишинѣ!
О, проснись, дитя! Взгляни ты,
Какъ я плачу надъ тобой;
Какъ, дитя, твои ланиты
Залилъ я моей слезой;
Какъ, предчувствіемъ волнуемъ,
Я гляжу не—нагляжусь
И стократнымъ поцѣлуемъ,
Я тебя не добужусь,
Мила крошечка, такъ долго!..
Дай мнѣ въ очи поглядѣть
И потомъ отсель надолго
Въ край чужбины улетѣть!...

Воспитанникамъ.

(*В. К. училища*).

Вы вышли въ міръ,—счастливый путь
Къ его плѣнительнымъ кумирамъ!...
Милъ вашъ оставленный пріютъ,
И въ мірѣ жизнь вамъ не по силамъ.
О, много брани и тревогъ
Въ ней можетъ встрѣтиться для сердца,
И ихъ избыть подай вамъ Богъ
И жить невинностью младенца.
Мнѣ жаль васъ искренно, и я
Дарю васъ дружескимъ совѣтомъ—

Какъ вамъ вести теперь себя
Предъ Богомъ, ближнимъ и предъ свѣтомъ:

Страшитесь Бога,—этотъ страхъ
Отъ грѣшныхъ думъ васъ огородитъ
И васъ спасетъ, затѣмъ, что врагъ
Хранящихъ страхъ тотъ мимоходитъ.

Любите Бога,—огнь любви
Васъ къ жизни неба разогрѣетъ
И бредни юной головы
Сожжетъ и пепелъ ихъ развѣетъ...

Молитесь чаще—вотъ вамъ щитъ
Противъ враговъ на полѣ битвы;
О, адъ трясется и бѣжитъ
Отъ звуковъ пламенной молитвы!..

Ходите въ церковь,—церковь васъ
Святыми тайнами просвѣтитъ
И на судѣ, и въ смертный часъ
За васъ во всемъ Судьѣ отвѣтитъ.

Царю служите вѣрно,—онъ
По Богѣ всѣхъ намъ въ жизни краше,
Слова его—для насъ законъ,
Въ немъ—радость, миръ и счастье наше.

Любите ближнихъ, будьте всѣмъ
Вы братья нѣжные и други;
Не обижая ихъ ничѣмъ,
Готовы будьте для услуги.

Дѣлите съ нищими свой хлѣбъ,
Тюрьмы, больницы навѣщайте,

И жертвъ разгнѣванныхъ судебъ—
Увѣчныхъ—словомъ утѣшайте.
  Вотъ вамъ урокъ мой и совѣтъ!
Коль помните меня, примите—
И, заучивши, въ нихъ отвѣтъ
Не мнѣ, а Богу ужь цадите...
  Межь тѣмъ молитесь и меня
Въ своихъ мольбахъ не забывайте,
Пока въ чужбинѣ буду я;
Умру,—тѣмъ болѣ поминайте
И... прощайте!

1844 г. мая 26 дня.

Моимъ друзьямъ.

  Вотъ здѣсь святой Россіи грань;
А тамъ, за чуждыми морями,
Подъ жаркимъ небомъ южныхъ странъ,
Я буду жить, друзья, не съ вами,
И вотъ вамъ дружеская дань,
Въ часы страдальческой разлуки,
Мои тоскующіе звуки...
  Быть-можетъ, въ васъ когда-нибудь
Забьется памятію грудь
О мнѣ, бѣдняжкѣ сиротѣломъ,
Въ кругу-ль испытанныхъ друзей
И въ ихъ-ли праздникѣ веселомъ,
Иль средь пирующихъ гостей;
Тогда и мнѣ авось икнется
И сердце, полное тоской,

Летучей думой понесется
Изъ странъ чужихъ къ странѣ родной...
Друзья мои! какъ сердцу больно
Разстаться съ вами добровольно
И тамъ, за русскою чертой,
Въ коварной нехристи таиться,
Безроднымъ сердцемъ изнывать,
И думу думою смѣнять,
И бѣгать всѣхъ, и всѣхъ дичиться.
И по отчизнѣ тосковать...
Но... рѣшено! Друзья, къ разстанью!
О, будьте вѣрѣ вы вѣрны
И неземному упованью,
Въ любовь святую влюблены;
Тогда придетъ пора свиданью —
И снова жизнь, иль здѣсь, иль тамъ,
Одастъ свое веселье намъ!..

Одесса.
1843 г. сентября 14 дня.

Кающійся.

Задумчивъ и грустенъ, залившись слезой,
Какъ часто минувшимъ бываю я занятъ,
И жизненный свитокъ развивъ предо мной,
Мнѣ совѣсть невольно приводитъ на память
Преступность владѣющихъ мною страстей,
Растрату безцѣнной невинности сердца
И райскую свѣтлость тѣхъ ангельскихъ дней,
Когда я на все здѣсь съ улыбкой младенца

Глядѣлъ, любовался, и скромно таилъ
Въ душѣ нерастлѣнной небесныя чувства,
И чуждъ, и далекъ я рѣшительно былъ
Преступныхъ страстей тревольненья и буйства...
Лишь вспомню объ этомъ, слезами зальюсь
И плачущимъ взоромъ и мыслью безродной
На небо—и въ небѣ родимомъ ношусь,
И, въ горькой разлукѣ съ нимъ, жизнью безплодной,
Какъ пташка, въ глубокой пустыни таюсь...
И кто бы, какъ пташкѣ, мнѣ дарствовалъ крила?
Взвился бы я пташкой, въ выси затонулъ
И смуты, и тягость ничтожнаго міра
Я съ жизнью земною бы съ сердца стряхнулъ...
Увы! я былъ счастливъ въ младенческой жизни
И слышать не слышалъ, и знать не знавалъ
Я въ сердцѣ и въ совѣсти смутъ укоризны
И сладкою радостью жизни игралъ...
Но кто не испытанъ сердечной тревогой?
Кто жизни не тратилъ для грѣшной молвы?
Кто выдержалъ подвигъ невинности строгой
И сладкимъ грѣхомъ не вскружилъ головы?
Увы! я палъ лютымъ и дивнымъ паденьемъ,
Послушавшись сердца въ движеньи страстей,
И, вотъ, я измученъ земнымъ треволненьемъ
Донынѣ съ разсвѣта младенческихъ дней....
Мнѣ небо ужь стало какъ будто чужое;
Ужь краше мнѣ кажется неба земля;
Изъ сердца я вытѣснилъ чувство святое
И мой Искупитель не зритъ на меня...

О, много прогнѣванъ въ моемъ Онъ безумьи,
Ужъ вовсе не стою Его я любви,
И въ горькой тоскѣ и въ тревожномъ раздумьи
Мнѣ сладки лишь слезы и вздохи мои!..
Какъ часто я весь заливаюсь слезами!
Какъ часто я мыслію въ небо ношусь
И, въ прахъ сокрушенный моими грѣхами,
Я съ пламеннымъ чувствомъ такъ Богу молюсь:
«О, свѣте мой сладкій, мой свѣтъ неприступный,
Ходатай божественный, міра Творецъ!
Прими мои слезы! Я—сынъ твой преступный,
Любви недостойный, но—Ты мой Отецъ!
Ты видишь мой плѣнъ: я расхищенъ врагами,
И если не вступишься вновь за меня,—
Геенна затопитъ своими волнами,
И я не увижу, мой Боже, Тебя!..
О, сжалься-жь надъ чадомъ, надъ братомъ и другомъ,
И такъ какъ надъ Лазаремъ, слезы пролей,—
Ты видишь, какимъ я страдаю недугомъ,
И мнѣ исцѣленьемъ желаннымъ повѣй!..
Погрязъ я въ грѣхѣ; но, какъ прежде Петрови,
Ты руку спасенья отъ неба простри
И плѣна грѣховнаго цѣпь и оковы
Державно разбей, уничтожь и сотри!
Ты весь—весь моя радость, любовь и желанье;
Тебѣ—мои слезы, и плачъ мой, и вздохъ;
Не требуй съ меня ничего въ оправданье:
Я—грѣшникъ великій, Ты-жъ—праведный Богъ»!.
И съ этой молитвой тревожнаго сердца

Къ подножію Бога, на небо несусь
И плачемъ смиренья, какъ плачемъ младенца,
Предъ Нимъ, заливаясь, я жарко молюсь...
Молюсь и страдаю въ сердечномъ сознаньи,
Что Богу мной данный нарушенъ обѣтъ,
И вотъ я за это въ слезахъ покаянья
Молюсь и взываю; но свыше, въ отвѣтъ,
Ни слова отъ Бога мнѣ нѣтъ—такъ и нѣтъ...
Въ раздумьи тревожномъ, склонясь предъ судьбами
Молитвенно грѣшной моею душой,
Какъ часто я горькими плачу слезами,
И тяжко рыдаю предъ Дѣвой святой,
И въ тайномъ смятеньи молюсь я предъ Нею:
«О, Дѣва и Матерь Творца всѣхъ вѣковъ!
Растлѣнный и тѣломъ, и бѣдной душою,
Подъ Твой я стремлюсь материнскій покровъ,
И Ты не отринь моихъ слезъ и моленья,
Какъ сладость всѣхъ нашихъ страдальческихъ дней
И всѣхъ ненадежныхъ надежда спасенья!
Тронись Ты слезами и ихъ не отрѣй,
Но вопли отчаянья нѣжной любовью
Ты выслушай, Дѣво, и въ сердце пролей
Отраду спасенья Сыновнею кровью!
Ты видишь болѣзнь мою, стыдъ и мой срамъ:
Коль ты не заступишь,—мнѣ вѣчное горе;
Я жалко волнуюсь на жизненномъ морѣ,
И чтожь-жь для преступнаго, грѣшника, тамъ?..
О, вспомни, какъ жарко и съ пламеннымъ сердцемъ
Я образъ Твой, Дѣво, пречистый лобзалъ;

Какъ въ прахъ исчезалъ предъ Твоимъ я Младенцемъ
И радостью жизни Тебя называлъ!..
Ты жизнь мнѣ и радость отъ лика струила,
Какъ молнія, взоръ Твой меня проникалъ
И царственно трепетъ Ты имъ наводила;
Я плакалъ,— Ты нѣжно внимала, какъ мать!
И нынѣ я плачу,—склонись ко мнѣ слухомъ!
Вновь выдержалъ много я жизненныхъ тратъ,
И врагъ торжествуетъ надъ сердцемъ и духомъ...
Я плачу, но мнѣ отъ Пречистой, въ отвѣтъ,
Ни слова на слезы все нѣтъ—такъ и нѣтъ...
Въ тревожномъ раздумьи, въ безмолвьи глубокомъ,
При трепетномъ сумракѣ длинныхъ ночей
Какъ часто сижу я въ углу одинокій
И тихія слезы текутъ изъ очей...
Вся мысль, и желанье, и сердце невольно
Тоскуютъ и ноютъ по небѣ родномъ;
Я къ небу несуся въ тиши богомольно
И жалобно плачу въ разлукѣ по немъ...
Какъ свѣтло на небѣ! Тамъ, всюду, соборы
Родимыхъ, и братій, и милыхъ друзей;
Тамъ—ангельскихъ пѣній немолчные хоры
Въ божественномъ свѣтѣ трисвѣтлыхъ лучей...
О, ангелы Божьи! О, други и братья!
Въ хваленье устъ вашихъ, въ вашъ хоръ неземной
Вы слейте и нѣжныя слезы участья
И горько поплачьте вы всѣ надо мной.
Въ сообщество ваше я Отчей любовью
И въ жизненной книгѣ былъ вписанъ, и чѣмъ?—

Не блѣднымъ черниломъ, а Божьею кровью,
И Богъ, какъ и вамъ, мнѣ былъ нѣжнымъ Отцемъ...
Но врагъ позавидѣлъ сообществу съ вами:
Онъ мысль мою къ смутамъ земнымъ уклонилъ,
Онъ неба величье пустыми мечтами
О славѣ привременной мнѣ замѣнилъ—
И вмѣсто безцѣннаго неба землею
Я весь зачарованъ и, брошенный въ прахъ,
Въ плотскихъ наслажденьяхъ безжизненно тлѣю,
И горько смѣется мнѣ темный мой врагъ...
О, други! О, братья! мой плѣнъ и смиренье,
Мой плачъ распѣвайте вы въ пѣсняхъ своихъ,
И, можетъ-быть, Богъ, какъ любитель спасенья,
Безъ гнѣва и въ сладость послушаетъ ихъ,
И дастъ Онъ мнѣ миръ и спокойствіе духа...
Иль горечью пѣній нельзя растворить?
Иль вовсе не жалко вамъ брата и друга?
Иль ангельскимъ сердцемъ не можно любить
Разбитаго силой земнаго недуга?..
Я плачу, но мнѣ ни полслова, въ отвѣтъ,
Отъ братій небесныхъ все нѣтъ—такъ и нѣтъ ..
Въ раздумьи тревожномъ, въ уныломъ смятеньи
Припавши заплаканнымъ къ ложу лицомъ
И тая, какъ воскъ, во святомъ умиленьи,
На небо несусь просвѣтлѣннымъ умомъ...
О, какъ же свѣтло тамъ! Какъ мило средь рая!
Тамъ сладко и вѣчно дыханье весны,
Тамъ плещутся рѣки, струями играя,
И вѣчно плѣнительны райскіе дни...

Все это вотъ было моимъ достояньемъ,
То рай наслажденій собратій моихъ;
Но рай тотъ утратилъ я дольнимъ стяжаньемъ
И сладкимъ любленьемъ сокровищъ земныхъ ..
О, рай вождѣленный, мой рай ненаглядный,
Отчизна души согрѣшившей моей!
И въ шумѣ ты рощей, въ ихъ тѣни прохладной,
Участіемъ нѣжнымъ на сердце повѣй
Лишенника жалкаго!,. Райскія рѣки,
Плещитесь, шумите о мнѣ вы тоской!
Польются за вами мильонные вѣки,
Но чуждъ меня будетъ мой райскій покой...
Я плачу о тратѣ завѣтнаго рая;
И рай вожделѣнный, слезъ горькихъ предметъ,
Тоскѣ и слезамъ моимъ тайно внимая,
Сочувствуетъ, можетъ-быть, имъ; но въ отвѣтъ
Ни слова отъ рая мнѣ нѣтъ—такъ и нѣтъ...
О, нѣтъ и не будетъ ужь вѣрно до вѣка!
Къ чему-жь послѣ этого слезы мои,
И исповѣдь сердца, и горечь упрека
Отъ совѣсти грозной для грѣшной груди
Что нѣтъ, это правда; но правда, что будетъ,—
Мнѣ рано ли, поздно ли дастся отвѣтъ,..
О, вѣренъ Богъ, вѣренъ и вѣчно пребудетъ
Подписанный кровью Христовой завѣтъ!..
Тоскуй же ты сердце! Струитеся слезы!
Мой ангелъ незримый васъ тайно хранитъ,
И такъ, какъ дыханье плѣнительной розы,
Заплаканный видъ ему грѣшныхъ ланитъ...

Въ отрадномъ сіяньи небеснаго свѣта,
Въ часъ смерти, онъ съ неба ко мнѣ прилетитъ,
И тутъ-то желаннаго мною отвѣта
Отъ Бога, Всепѣтой и братій дождусь
И въ рай съ моимъ ангеломъ я унесусь!

1849 г.

Слѣпцу.

Не радостенъ день, не прохладна и тѣнь
Въ туманѣ таинственной лунной полночи,
Коль видѣть не въ силахъ закрытыя очи
Всю роскошь природы, всю прелесть ея!..
Волнистыя нивы и струйки игривы,
Полей разцвѣтающихъ зелень и злакъ
И рощей красивыхъ волшебныя дивы
Твой, другъ, не чаруютъ закрывшійся зракъ!
Потухшіе взоры не смотрятъ на горы,
На зарево неба въ вечерней зарѣ;
Веселыя стаи пернатыхъ, ихъ хоры
Тебя не чаруютъ въ весенней порѣ!..
Но, другъ мой несчастный, пусть очи не ясны
И видовъ не видятъ: ты это забудь
И къ Богу всечасно душою прекрасной
Стремись, возвышайся и ангеломъ будь!
Все будетъ земное—ничто и пустое,
Лишь царствуютъ вѣчно любовь, да нашъ Богъ;
И радости вдвое на вѣчномъ покоѣ
Тому, кто здѣсь тѣломъ и слабъ и убогъ.

Пусть очи закрыты и думы разбиты
Невѣрною жизнью и горькой тоской;
Но если залиты для дружбы ланиты
Участія нѣжнаго сладкой слезой,
То есть упованье, что сердца страданье
За темной могилой отъ насъ отойдетъ,
И наши желанья въ небесномъ сіяньи
Отыщутъ свой милый и вѣчный предметъ...
Такъ дай же—любовью, и тѣломъ и кровью
Завѣтныя чаши искупимъ мы рай.
О, другъ мой, всегда будь готовъ къ славословью,
И Богу молиться почаще вставай,
И весело помни ты въ утро и въ полдни,
И въ сумракѣ ночи и каждый досугъ,
Щедроты Господни и страхъ преисподней
И то, что въ Аѳонѣ есть вѣрный твой другъ!..

1848 г.

Г. М—вой.

Съ сердечнымъ чувствомъ умиленья
Скажу вамъ, видѣлъ я Аѳонъ:
Куда плѣнителенъ какъ онъ
И полонъ жизни и спасенья!..
Не бывши прежде здѣсь, я мнилъ,
Что онъ не можетъ быть такъ милъ,
Какъ мнѣ въ Россіи говорили;
Межъ тѣмъ и холмы, и лѣса,
Пречистой Дѣвы чудеса

Келлія съ церковью свв. безсребренниковъ Космы и Даміана, гдѣ жилъ святогорецъ іеромонахъ Серафимъ.

Меня здѣсь такъ заполонили,
Что нѣтъ ни словъ моихъ, ни силы
Про все то высказать здѣсь вамъ...
Въ Аѳонѣ миръ—въ глуби пустыней,
Мертво здѣсь сердце для страстей
И все красуется святыней
Среди заоблачныхъ высей...
Какъ много зрѣлъ я старцевъ хилыхъ,
Прошедшихъ жизненный путь здѣсь,
Такихъ божественныхъ и милыхъ,
Что это чудо изъ чудесъ!
Въ рѣчахъ и въ жизни—словно дѣти,
Но образъ мыслей слишкомъ строгъ;
Ихъ сердце чуждо ужь тревогъ
И всѣ какъ нищіе одѣты,—
Въ заплатахъ ихъ святой костюмъ,—
Ихъ мысль чужда земной заботы;
Межь тѣмъ такіе доброхоты,
Что диву даться можетъ умъ,
И привязаться всей душою
Къ рѣчамъ привѣтной ласки ихъ,
И радъ бы здѣсь и между нихъ
Разстаться съ жизнью я земною...
Здѣсь тысячъ нѣсколько вокругъ
Аѳона кроется монаховъ,
И безъ смятенья и безъ страховъ,
Дѣля досугъ и недосугъ
Межь рукодѣльемъ и молитвой,
И всѣ врага незримой битвой

Разбить и въ дребезги и въ пухъ
Стремятся помощію свыше.
О, я не знаю и не зналъ,
Ужъ есть ли гдѣ для сердца тише
Пріютъ, чтобъ горе и печаль
Вѣрнѣй съ надеждами спасенья
Въ горючихъ искреннихъ слезахъ
И въ умилительныхъ мольбахъ
Повѣрить волѣ Провидѣнья!
Да, словомъ: чудо—не Аѳонъ!
Всю горечь жизни, бурю страсти,
Тревогу ихъ и сладострастій
Смирить лишь въ силахъ только онъ.
Сюда за всѣмъ тѣмъ, волей неба,
Не входна женская нога,
А это—гибель для врага:
Какъ нашъ голодный братъ безъ хлѣба,
Такъ онъ безъ женъ, свои рога
Поджавъ, пустыней злѣшней бродитъ
И гдѣ-бъ хотѣлъ кого схватить,
Бѣсовской пастью поглотить,
Но на бѣду свою находитъ
Вездѣ молитвенный отпоръ
И охранительный дозоръ
Самой Божественной Маріи...
Аѳонъ, Аѳонъ!.. Какъ милъ Аѳонъ!
А покровительства Россіи
Межъ тѣмъ далекъ, бѣдняжка, онъ!

В. Н. И—ву.

Такъ угодно Богу было
Попустить, что здѣсь иной
Все имѣетъ, что лишь мило,
И богатъ въ свой вѣкъ земной;
А другому Богъ назначилъ
Бѣдность съ нуждами въ удѣлъ
И всѣхъ такъ Онъ разъиначилъ,
Какъ лишь только Самъ хотѣлъ...
Впрочемъ мы, по доброй волѣ,
Уклонясь къ святой горѣ,
Христараднической долѣ
Облеклись въ монастырѣ...
Нашъ Аѳонъ—для насъ кладбище;
Тихъ и миренъ онъ, какъ гробъ,
И для нашей братьи пищей
Служитъ тамъ горохъ, да бобъ.
Къ намъ родные не заходятъ,
Нѣтъ тамъ близкихъ и своихъ,
А межь тѣмъ, сбирая подать,
Турокъ къ намъ бываетъ лихъ...
Всякой помощи мы чужды;
Между тѣмъ, кромѣ долговъ,
Насъ тревожатъ наши нужды
Вотъ ужь нѣсколько годовъ...
Сжальтесь вы хотя надъ нами,
Раздѣлите нашу грусть—

И за то отъ Бога сами,
Какъ вѣщаетъ Златоустъ,
Вы получите награду,
И когда въ загробный край
Богъ возьметъ васъ, вмѣсто аду,
Дастъ Онъ вамъ, конечно, рай!
Мы о томъ молиться станемъ
Въ нашихъ искреннихъ мольбахъ
И признательно помянемъ
На Аѳонскихъ васъ горахъ...
О, вѣдь, вы—благотворитель,
Вы вѣдь съ ангельской душей:
Не оставьте же обитель
Вашей милостью святой.

Аѳонъ. Русикъ. 1846 г.

Е. П. М—му.

Вотъ ты, полный чувствъ гусара,
Другъ, обнявшись съ молодой,
Средь суетъ, у самовара,
Вѣрно вѣкъ проводишь свой...
Много, чай, тревогъ и смуты
Ты пытаешь и едва-ль
Есть тебѣ когда минуты
Устремиться мыслью въ даль
Дней грядущихъ, что тамъ съ нами
Сбыться должно въ томъ краю,
Гдѣ иль надо быть съ бѣсами,

Иль въ плѣнительномъ раю.
Для того, чтобъ безмятежнѣй
Жизнь твоя катилась здѣсь
И загробный путь надежнѣй
Былъ, по смерти, до небесъ,—
Не угодно ли Аѳону
Что-нибудь хоть въ милость дать?..
И всѣ старцы по поклону
Если, другъ мой, положатъ
За твое земное счастье
И за всю твою семью,—
Вѣрно, Богъ тебѣ участье
Дастъ за это и въ раю...
Если хочешь,—приглашаю;
А не хочешь,—Богъ съ тобой:
Богъ насильно, вѣдь, и къ раю
Насъ не гонитъ, братецъ мой!..

Аѳонъ. Русикъ.

Д. А. Веснину.

Сладки сны и грезы дѣтства;
Шалость первыхъ дней мила;
Тихъ періодъ малолѣтства
И далекъ грѣховъ и зла...
Наша жизнь минувшей далью
Удивительно скромна,
И ни смутой, ни печалью
Не туманилась она...

Но сердечную загадку
Разгадали мы потомъ:
Да, къ любви мы стали падки—
И пошло тогда вверхъ дномъ

Все житейское предъ нами,
Мы на свѣтъ и на людей
Глядѣть стали не глазами
Первобытныхъ нашихъ дней...

Сердце страстью разгоралось,
Закипѣла въ жилахъ кровь,—
Сгибла дѣвственная шалость
И растѣшилась любовь...

Но минуло обольщенье
Пылкихъ юношескихъ дней,—
Горькій опытъ искушенья
Нашихъ жизненныхъ путей

Насъ приводитъ ужь невольно
И въ раскаянье, и въ страхъ,
И, тревожась, богомольно
Мы вздыхаемъ о грѣхахъ...

Вотъ и старость не далеко,
Мы ужь близки къ ней съ тобой,
А вдали, тамъ, одиноко
Видѣнъ заступъ гробовой...

О, тяжелъ искусъ разлуки,
Смерть страшна безъ друга намъ
И трубы послѣдней звуки
Тайный страхъ наводятъ тамъ!..

Что же дѣлать намъ?—Молиться,
Выше быть своихъ страстей
И любить—не налюбиться
Бога, ближнихъ и друзей...

1843 г.

Святогорская ночь.

Изъ-за горъ Аѳона скромно
Въ небо выплыла луна
И задумчиво, и томно
Бродитъ въ облакѣ она.

Какъ таинственъ сумракъ ночи!
Какъ плѣнительна луна!
Какъ же смотрится мнѣ въ очи
Умилительно она

И тоску и мысль наводитъ
О сиротствѣ мнѣ моемъ
И сама сироткой бродитъ
Въ свѣтломъ облакѣ своемъ!...

Такъ, я сиръ и нѣтъ мнѣ брата,
Одинокъ я въ цвѣтѣ дней,—
Какъ любви и дружбы трата
Тяжела душѣ моей!..

О, тоскливо мнѣ и томно!
Ласкъ отъ дружбы больше нѣтъ,
И сироткою, бездомно,
Я влачусь ужъ много лѣтъ...

Чуждъ меня мой Сѣверъ милый,
Даже нѣтъ о немъ и думъ;
Словно выходецъ могилы,
Я, задумчивъ и угрюмъ,

Здѣсь скитаюсь на чужбинѣ,
И тоскующая грудь
Любитъ временемъ, въ пустынѣ,
По святой Руси вздохнуть...

Я порой, въ глубокій вечеръ,
Жду, какъ дунетъ отъ Руси
Мнѣ въ лицо родимый вѣтеръ,
Изъ-за облачной выси

Поплыветъ луна,—какъ сладко
Я въ былое погружусь
И мечты мои украдкой
Полетятъ въ святую Русь...

О, бывало, предъ закатомъ
Также я любилъ глядѣть
На луну тамъ, съ милымъ братомъ;
Но его со мной ужь нѣтъ

И не будетъ до могилы,—
Мы разрознены судьбой...
Развѣ на небѣ, мой милый,
Мы увидимся съ тобой,

Гдѣ свиданье безъ разлуки,
Жизнь безъ смутъ во вѣкъ вѣковъ,
Тамъ, гдѣ въ ангельскіе звуки
Слиты дружба и любовь!...

На совершеннолѣтіе Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Константина Николаевича.

Своимъ могуществомъ и славой
Россія наша, какъ гранитъ,
Почти единственной державой
Межъ европейскими стоитъ...
И сколько ни было напоровъ
На грудь могучую ея,
И тайныхъ смутъ, и заговоровъ,
И политическихъ раздоровъ
И за нее, и за Царя,—
Она ихъ смѣло оттолкнула,
Искусы всѣхъ вѣковъ прошла
И бездну золъ перешагнула,
Какъ будто въ ней и не была...
За всѣмъ тѣмъ наша мать Россія
Къ царямъ и къ Богу своему,
Горя огнемъ любви святыя,
Не уступала никому
Въ любви той первенства и права
И данью ей за то въ вѣкахъ—
Неумирающая слава
И честь во всѣхъ земныхъ краяхъ.
Была пора—лихимъ татарамъ
Насъ смять и грозно разгромить
И ихъ властителямъ и барамъ.

Какъ куръ, насъ рѣзать и душить...
Почти подобная у шведа
Охота къ этому была;
Костями-жъ Петръ того сосѣда
Устлалъ Полтавскія поля...
Или бунтующейся Польшѣ
Былъ свой періодъ; а за тѣмъ,
Еще убійственнѣй и горше,
Во всемъ неистовствѣ своемъ,
Европѣ цѣлой къ намъ нахлынуть,
И даже самый Русскій тронъ
Отъ мѣста царственнаго сдвинуть
Хотѣлъ лихой Наполеонъ,
А Русь развѣять легкой пылью
На всѣ края, и въ цѣлый міръ,
И той нестаточною былью
Увѣковѣчить свой кумиръ...
Ужь даже выродки ислама
Надъ ними думали развить
Свое причудливое знамя
И силу русскую смирить.
И персъ нахально шелохнулся.
Въ летучихъ схваткахъ, наконецъ,
На нашу грудь черкесъ наткнулся...
Но кто какъ ни былъ молодецъ
Своими выходками въ боѣ,
Или въ разсчетливыхъ видахъ,
А русскимъ счастье, какъ родное,
Давалось чаще, да и вдвое

На полемическихъ поляхъ...
И вотъ Россія, въ полной славѣ
Прошедъ искусы всѣхъ временъ,
При Николаевской державѣ
Идетъ съ ступени на ступень
Величья новаго и мира
Въ виду завистливаго міра
И всѣхъ народовъ и племенъ.
Свѣтла ей даль въ своихъ залогахъ:
Уже о первенцѣ Царя,
Благословляемомъ отъ Бога,
Ни слова здѣсь не говоря,
Мы сладко радуемся нынѣ
О нашемъ юномъ Константинѣ,
Который въ цвѣтѣ лѣтъ своихъ,
Развившись жизнію и силой,
Уже плѣнительный женихъ
Невѣсты царственной и милой...
О, какъ свѣтла ему собой
Даль жизни въ нынѣшнихъ залогахъ,
И сколько радости земной
Ему и намъ даритъ отъ Бога
Въ грядущемъ времени своемъ!
Одно теперь, чтобъ всей душою,
Всѣмъ сердцемъ съ батюшкой-Царемъ
И съ Августѣйшею семьею,
Склонивъ колѣна предъ Творцомъ,
Молиться намъ о Константинѣ,
Да будетъ жизнь его свѣтла

Въ грядущемъ такъ же, какъ и нынѣ
Она безцѣнна и мила...
Да дастъ Богъ мудрость Соломона
Въ путяхъ всѣхъ жизненныхъ Ему,
Къ опорѣ отческаго трона,
И духъ Давидовъ по всему;
Да будетъ Онъ врагамъ грозою
Среди и суши, и морей,
И путеводною звѣздою
До крайнихъ славы степеней
Петрову флоту, еслибъ къ брани
Насъ вызвалъ нынѣ, въ нашихъ дняхъ,
Во всѣ подсолнечныя страны
Какой-нибудь случайный врагъ...
Мы знаемъ буйнаго черкеса:
Кавказа этотъ бурный сынъ
Не страшенъ намъ; хоть онъ—повѣса
И слишкомъ буенъ, да одинъ...
Не тронь же насъ никто ужь болѣ!
Мы скромны, міру не вредимъ;
А только тронь, и поневолѣ
Мы сдачу славную сдадимъ...
О, бурны мы, какъ вихрь летучій;
Мы съ тѣмъ, на то и рождены,
Чтобъ быть всѣмъ грозными, какъ тучи,
Въ тревожныхъ случаяхъ войны.
Не тронь же насъ... А то безъ слова,
По слову нашего Царя,

Вся Русь на цѣлый міръ готова
Съ родными кликами—ура!

На обрученіе Его Императорскаго Высочества, Благовѣрнаго Государя Великаго Князя Константина Николаевича съ Ея Свѣтлостію Александрою, Принцессою Саксенъ-Альтенбургскою.

Свѣтлы наши дни и ясны,
Торжество за торжествомъ,—
Вотъ уже женихъ прекрасный
Обручается кольцомъ
Дѣвы царственной и милой.
Развернулся, слово кринъ,
Юной жизнію и силой
Нашъ Царевичъ Константинъ.
Свѣтлы дни Царя и наши,—
Мы ликуемъ заодно,—
И струится въ наши чаши
Тостовъ царственныхъ вино...
О, мы молимся, какъ дѣти,
Съ нашимъ батюшкой-Царемъ,
Да дадутся многи лѣта,
Въ сладкомъ счастіи своемъ,
Предъ налоемъ обрученнымъ,
Да вѣнчаетъ наконецъ
И супружествомъ священнымъ
Ихъ божественный вѣнецъ;
Всей ихъ жизненною далью

Путь для нихъ да будетъ тихъ
И ни смутой, ни печалью
Да не тронетъ сердце ихъ!
Коль еще чего имъ надо, —
Ты скажи намъ, Царь родной,
И, по слову, сердце радо
Вѣкъ молиться за тобой!
Все въ тебѣ дано намъ Богомъ,
Весь ты нашъ, мы всѣ твои
И единство то залогомъ
Къ намъ божественной любви.
Вотъ ты, радуяся, нынѣ
Всѣхъ съ собой зовешь и насъ
Ликовать о Константинѣ,
И вся Русь отозвалась
Зову этому въ моленьяхъ,
Всѣ они въ одно слились
И, какъ сладкій дымъ куренья,
Въ небо къ Богу унеслись...
Но дождемся-ль мы отвѣта
На моленья тѣ порой?
Наступающія лѣта
Это выскажутъ собой...

Двѣ могилы.

Изъ всѣхъ могилъ лишь двѣ могилы
Привыкъ я часто навѣщать
И, такъ какъ сердцу онѣ милы,

Люблю я имъ передавать
Тоску, надежды и волненье
Моей страдальческой груди
И сердца тайное смятенье,
И непрестанныя бѣды,
Которыхъ много врагъ наноситъ,
Когда во мнѣ играя кровь,
Грѣха для чувственности проситъ
И даже всѣхъ его видовъ...
Тогда, въ тѣ страстныя минуты,
Хожу къ могиламъ я моимъ
И горечь мысли, сердца смуты
Я пересказываю имъ.
И какъ легокъ, и какъ подолгу
На нихъ бываетъ отдыхъ мой,
И какъ я совѣсти и долгу
Бываю вѣренъ той порой!
Надъ ними только, полный думы,
Могу я сладко тосковать
И въ умилительномъ раздумьи
Любовь мою воспоминать...
И я въ моихъ минувшихъ лѣтахъ
Земною жизнью такъ же жилъ,
Какъ всѣ живутъ въ разгулѣ свѣта,
И сердцемъ пламеннымъ любилъ;
Я былъ любимъ взаимно *ею*
Въ мои супружескіе дни;
Но скоро ангельской душею,
Съ залогомъ собственной любви,

Она на небо улетѣла,
Взяла съ собой мое дитя,
И жизнь съ тѣхъ поръ мнѣ опустѣла, —
Теперь я круглый сирота...
Безъ ласкъ земной любви и свѣта,
Дичусь я всѣхъ почти людей
И дни мои теперь и лѣта
Влачу средь жизненныхъ путей,
Въ тревогѣ тайной и уныло:
Ничто души не веселитъ;
И что другимъ легко и мило,—
Меня то давитъ и мертвитъ...
Одно мнѣ мило и отрадно—
Мои могилы навѣщать,
И жизни мертвенной и хладной
Имъ грусть и смуты повѣрять,
Съ молитвой къ Богу, да покоитъ
Дитя Онъ съ матерью въ раю
И, какъ Онъ хочетъ, да устроитъ
Жизнь одинокую мою;
Да дастъ мнѣ силы и терпѣнье
Стать выше всѣхъ моихъ страстей
И тайной думы искушенье
Отгонитъ силою Своей;
Да дастъ мнѣ къ міру хладность чувства,
Какая въ мертвыхъ, чтобъ и я,
Среди всѣхъ смутъ людскаго буйства,
Могъ быть здѣсь хладенъ, какъ земля;
Чтобы ни женщина, ни дѣва

Меня плѣнить не возмогли
Ни страстнымъ взоромъ, ни въ напѣвахъ
Своей плѣнительной любви;
Чтобъ я, какъ ангелъ непорочный,
Явиться могъ и могъ сказать
Съ дитятей матери, въ часъ срочный,
Что я, средь всѣхъ житейскихъ тратъ,
Во дни сердечнаго недуга,
Когда одинъ здѣсь жизнь влачилъ,
Завѣтной святости супруга
До самой смерти вѣренъ былъ;
Что я для милаго дитяти
Остался тѣмъ же все отцомъ,
Хотя, по дняхъ моей утраты,
Хочу быть скромнымъ чернецомъ...
Пускай замѣтитъ мнѣ съ укоромъ
На эти чувства свѣтъ шальной:
Я брезгать сталъ, какъ глупымъ вздоромъ,
Его сужденьемъ и молвой...
Не время мнѣ, да и не лѣта
Въ затворѣ вѣкъ мой хоронить,
Съ душой и чувствами поэта,
И пользы ближнихъ въ ней таить...
Но есть ли что сильнѣй молитвы?
Я ею выпрошу все здѣсь,
Что какъ для мира, такъ для битвы,
Мнѣ крайне нужно отъ небесъ.
А пользы ближнихъ?—Вѣрьте, вдвое
Принесть ихъ можетъ мой затворъ,

Когда, забывши все людское
И поэтическій мой вздоръ,
Я къ Богу съ чистою душою
Въ моихъ молитвахъ обращусь,
И міру Богъ польетъ рѣкою
Все то, о чемъ я помолюсь...
Но міръ, но вѣтреные люди
Не могутъ въ этомъ вѣрить мнѣ,
И мысль мою на пересуды
Берутъ, на радость сатанѣ.
Пусть будетъ такъ! Своя всѣмъ воля!
Я вправѣ съ правомъ быть моимъ,
И мнѣ моя, повѣрьте, доля
Мила послѣдствіемъ своимъ!..
При всемъ томъ какъ теперь мнѣ томно,
Глядѣть на свѣтъ я не хочу,
И вотъ одинъ средь всѣхъ, бездомно,
Я жизнь тревожную влачу...
Мнѣ тяжко здѣсь. Однѣ лишь милы,
Въ часы стадальческой тоски,
Мои двѣ хладныя могилы,
Какъ скромный памятникъ любви.

с. Ацвежъ. 1833 г.

Караульные.

Потухъ закатъ; не дунетъ вѣтеръ;
Звѣзда вечерняя взошла;
Замолкъ народъ и тихій вечеръ

Встрѣчаетъ шумная земля.
Одинъ, среди глубокой думы,
Склонясь къ периламъ головой,
Сижу я мрачный и угрюмый
Съ моею вѣчною тоской;
Далеко мысль, мечта въ Аѳонѣ,
То въ небо съ чувствомъ улетитъ
И мнѣ, на сельскомъ здѣсь балконѣ,
Блаженство райское сулитъ...
Одинъ сижу подъ кровомъ скромнымъ;
Мертво, безжизненно кругомъ...
О, какъ люблю я взоромъ томнымъ
Носиться въ небѣ голубомъ
Тогда, какъ тихо все и всюду,
Когда невѣдомо и вдругъ,
Не знаю самъ, дойдетъ откуда
Мнѣ грустныхъ пѣсней сладкій звукъ
И, въ дальнемъ эхо замирая,
Напомнитъ сердцу краткій мигъ
Земной любви, какъ сладость рая,
Иль свѣтлость прежнихъ дней моихъ,
Когда, безъ чувствъ преступной воли,
Я жизнью дѣвственною жилъ,
Не зная смутъ и своеволій,
И Бога ангельски любилъ...
Да, слушать я люблю, коль съ дали
Отъ хороводовъ долетятъ
Мнѣ звуки чуждые печали
И мысль мою расшевелятъ...

Быть-можетъ то пустые звуки
Преступныхъ пѣсенъ и любви,
Или тоскующей разлуки
Въ свои страдальческіе дни.
Какъ много въ нихъ нравоученья!...
Я также въ жизнь мою пѣвалъ
И также радость и томленье
Въ моей любви перепыталъ,
И что-жь теперь душѣ осталось?—
Воспоминанье и тщета.
И, помня дней минувшихъ шалость,
Я часто плачу, какъ дитя...
Но, вотъ, за рѣчкой небольшою,
При догарающемъ огнѣ,
Сидятъ задумчивой толпою,
Въ ненарушимой тишинѣ,
Тамъ караульные... Ихъ трое.
За ними далѣ—темный лѣсъ
Съ опушкой легкой... Что-жь такое?
Зачѣмъ ихъ Богъ туда занесъ?
Предъ ними—тамъ подъ хворостиной—
Одеждой грязною накрытъ
Умершій тайною кончиной:
Нельзя его похоронить
Безъ медицинскія разсуды,
И вотъ, пока наѣдетъ судъ,
Его незнаемые люди
Отъ хищныхъ звѣрей стерегутъ...
Увы! какъ смерть близка и бродитъ,

Какъ говорится, по пятамъ
И, случай гдѣ себѣ находитъ,
Разитъ всѣхъ насъ и ловитъ тамъ...
И какъ же много пользы въ этомъ,
Чтобъ чаще чувствовать и ждать
Тотъ мигъ и часъ, когда съ отчетомъ
Предъ Бога нужно будетъ стать!...
Чай, та же мысль у караульныхъ
Теперь въ сосѣдствѣ съ мертвецомъ;
Быть-можетъ имъ и міръ разгульный,
И все теперь ужь ни почемъ,
Тогда какъ смерть стоитъ предъ ними
Грозна, какъ тайный бичъ Творца,
Тогда какъ смрадъ невыносимый
Въ лицо имъ вѣетъ съ мертвеца...
Кажись бы, такъ для караульныхъ;
Но вдругъ дѣтина молодой,
Безпечный, видно, и разгульный,
Играя въ играхъ головней,
Задумалъ пѣсню удалую,
Ямщицкимъ тономъ затянулъ,
Забылъ весь свѣтъ и смерть лихую,
Попѣлъ—и весело уснулъ.
Прекрасна смерти нашей память!...
Знать, кто средь вѣчной суеты
Преступной жизнью слишкомъ занятъ,
Тѣмъ трудно въ райскій путь идти;
Въ тѣхъ жертвы смерти, какъ и казни
Ея невѣдомой руки,

Не родятъ чувствъ святой боязни
И умилительной тоски...
О, что за вѣтреная юность!
Не дай Богъ шалости и смутъ
И ихъ безпечную разгульность
Намъ вѣдать въ жизненный свой путь;
А дай Богъ страхъ загробной казни,
Чтобъ мы на смерть могли глядѣть—
Какъ на предметъ святой боязни
И легкой пташкой пролетѣть
Ея послѣднія минуты,
Съ врагомъ воздушнымъ разойтись
Легко, свободно и безъ смуты
И въ небо, къ Богу, унестись!..

С. Матюгъ. 1838 г.

Опять холера?...

Опять холера?... Что за чудо!
Да какъ холерѣ и не быть,
Коль мы ведемъ себя такъ худо
И такъ нашъ худъ житейскій бытъ...
Охъ, слишкомъ, слишкомъ мы растлились,—
Ужъ въявъ господствуетъ развратъ,—
И если мы, мой другъ, забылись,—
Ну, какъ же насъ не попугать?
Нашъ свѣтскій вѣкъ снаружи славенъ,
По виду всѣ—какъ надо быть,
Ходъ дѣлъ житейскихъ тихъ и плавенъ,—

За что, кажись бы, насъ казнить?
Такъ вѣрно есть за что и нужно...
Во-первыхъ, свѣтъ себя растлилъ
Ужь такъ внутри, да и наружно,
Что даже думать позабылъ
О Богѣ, церкви и о правахъ
Ея служителей святыхъ;
Всѣ наши дни летятъ въ забавахъ
И въ разныхъ мелочахъ пустыхъ...
Зайди ты въ церковь, въ день воскресный,
Взгляни—какъ молятся, стоятъ,
Каковъ тамъ съ виду полъ прелестный
И что на людяхъ за нарядъ...
Пускай, въ театры иль на балы
Сходясь, кружились бы какъ прахъ,
А то видъ свѣтскій и кружалый
Преважно держатъ и въ церквахъ...
Имъ лѣнь, вѣдь, даже и перчатки
Въ молитвѣ съ рукъ своихъ стянуть;
Играютъ въ смѣхъ и въ переглядки
И лѣнь предъ Господомъ кивнуть
Приличнымъ образомъ главою,
Иль сдѣлать набожный поклонъ,
И прежде времени толпою
Изъ церкви двигаются вонъ.
Представь себѣ, что ко всенощной
На праздникъ Божій побывать
Становитъ тяжко да и тошно
Себѣ причудливая знать;

И вотъ, взамѣнъ молитвъ и пѣнья,
Бѣжитъ въ театры иль на балъ
И, бѣсясь тамъ до изступленья,
Свалится къ утру на-поваль,
Тогда какъ надо бы къ обѣднѣ...
На что-жь намъ, другъ мой, говорить,
Что мы теперь въ бѣдѣ послѣдней,
Что Богъ холерой насъ казнитъ?
Знать есть за что...
Взгляни въ Палаты,
Гдѣ пишутъ правду и законъ:
Сколь тамъ чернильныя растраты
И сколь бумагъ выходитъ вонъ.
Но болѣ тамъ, кажись, расхода
На честь, на совѣсть—за гроши,
Чѣмъ благодатнаго прихода
Для чувствъ судейскія души.
За всѣмъ тѣмъ съ виду все прелестно:
Облупятъ бѣдныхъ, обдерутъ
И о послѣдствіяхъ чудесно,
Куда имъ нужно донесутъ.
Разборы здѣсь властей не нужны:
Ни слова здѣсь о становыхъ
Или о бѣдовыхъ окружныхъ
И о другихъ властяхъ земныхъ...
О, какъ Луганскаго бараны *)
Прекрасны, вѣрны и умны

*) Помѣщены были въ „Москвитянинѣ“ за 1845 г.

И для приказнической дряни
Указкой могутъ быть они!...
На что-жь кричать: зачѣмъ холера?..
Она, знать, Господомъ дана
И, знать, цѣлительная мѣра
Для тайныхъ грѣшниковъ она.
Легко-бъ холера прекратилась,
Когда бы вправду, не шутя,
И не для вида появилась
Въ судейскомъ родѣ правота;
Когда бы вмѣсто заграничной
И глупой моды женскій полъ
Себя и скромно и прилично
Между мущинами повелъ...
Зачѣмъ холера?—Вѣрно нужно
Молиться Богу, чтобъ найти
Цѣльбу своей душѣ недужной
И не погибнуть безъ пути...
Затѣмъ и казнь, что всѣ народы
Преступнымъ чувствомъ увлеклись,
Пошли во слѣдъ парижской моды
И вольнодумству предались.
Знать, вопль грѣховъ уже восходитъ
Во уши Господа, и Онъ
Свой грозный гнѣвъ на насъ наводитъ
Съ различныхъ, кажется, сторонъ...
О, время-жь намъ разстаться съ буйствомъ
И плакать горькою слезой,
И Богу, съ кающимся чувствомъ,

Вручить себя и жребій свой!
Какъ хочетъ міръ, пускай кружится
Съ повязкой моды на глазахъ
И далью жизненною мчится
Въ своихъ театрахъ и балахъ,—
На все и всѣмъ своя есть воля.
Не два намъ вѣка вѣковать:
Иль здѣсь, иль тамъ, а всѣмъ намъ доля—
Когда-нибудь да горевать.
Не лучше-ль здѣсь отмыть слезами
Отъ сердца тайный грѣхъ, а тамъ,
Въ блаженствахъ райскихъ, какъ съ друзьями,
Жить вѣчно съ ангелами намъ?...
О, будемъ плакать въ чувствѣ вѣры,
Смиримся дѣтски предъ Творцомъ—
И слухъ губительной холеры
Намъ, право, будетъ ни почемъ!
Пускай идетъ она и придетъ;
Пускай, коль надо, и сразитъ:
Душа легко изъ тѣла выйдетъ
И пташкой въ небо улетитъ...

Отчаянному грѣшнику.

Не отчайся, грѣшникъ бѣдный,
Хоть и много золъ твоихъ,
Будь хоть первый и послѣдній
Ты изъ грѣшниковъ земныхъ—
Всѣхъ грѣшнѣй, но не отчайся

И ни мало не крушись,
А предъ Господомъ покайся
И исправиться рѣшись!
Если Богъ и бѣса радъ бы
Вновь принять къ Себѣ,—тебя-ль,
Зная то, что всѣ мы слабы,
Будетъ Господу не жаль,—
Если, въ чувствѣ умиленья,
Исповѣдуешь Ему
Всѣ грѣхи и заблужденья
Ты, какъ Богу своему?...
Будь покоенъ, кайся только,—
Богъ, вѣдь, грѣшныхъ не далекъ;
Тѣмъ изъ насъ лишь будетъ горько,
Кто не кается въ свой вѣкъ
И на исповѣдь не ходитъ...
О, всѣхъ грѣшниковъ такихъ
Демонъ въ адъ съ собой уводитъ
И измучитъ тамъ онъ ихъ!...
Не отчайся-жъ, сдѣлай милость,
Страхомъ совѣсти томимъ...
Вотъ, послушай, что случилось
Разъ съ Антоніемъ святымъ.
Демонъ демону однажды,
Встрѣтясь, такъ сказалъ: „Эхъ, братъ!
Много насъ, а, вѣрно, каждый
Былъ поруганъ, сбитъ и смятъ
Этимъ старымъ лиходѣемъ...
Что за страшный, вѣдь, старикъ!

Много насъ, а всѣ робѣемъ,—
Такъ онъ въ подвигахъ великъ. .
Что за сила, что за крѣпость!
Какъ огня бѣжимъ его!
Да какая-жь, вѣдь, нелѣпость—
Мы боимся, а кого?—
Чуть живаго старичишка...
Ну, хоть онъ-таки не трусъ,
Да и я, вѣдь, не мальчишка,—
Вотъ задамъ-таки искусъ
Я Антонію подъ старость!...
Знаешь, что на умъ пришло?—
Мнѣ давно ужь знать желалось:
Коль изъ насъ кто, бросивъ зло,
Обратился-бъ къ Богу,—что бы
Богъ на это отвѣчалъ?
Духъ и гордости и злобы,
Еслибъ онъ къ Нему припалъ
Съ покаяньемъ и слезами,—
Что, то принялъ ли бы Богъ?...
Мы не можемъ знать то сами.
А Антоній вѣрно-бъ могъ,
Еслибъ къ Богу онъ съ вопросомъ
Обратился... Дай пойду
И спрошу... Ужель я спросомъ
Наживу себѣ бѣду?..“
Демонъ слушавшій на это
Отвѣчалъ: „Ту тайну знать
Превосходно, да бѣдѣ-то

Вѣрно тутъ не миновать,—
Знаешь, какъ Антоній чутокъ?!
Онъ признаетъ вмигъ тебя
И тогда, безъ дальнихъ шутокъ,
Дастъ онъ знать тебѣ себя...
О, вѣдь, лихъ и страшенъ слишкомъ
Этотъ старый калугеръ,—
Не тягайся-жь съ старичишкомъ,
Милый братъ мой, Зереферъ!...
Зорокъ онъ, узнаетъ сразу,—
Пыль задастъ тебѣ тогда...
Какъ появишься ты къ князю?...
Охъ, вѣдь, право, ей—бѣда!..."
— „Все пустое! Зерефера
Князь расхвалитъ, если я
Озадачу калугера...
Что бояться за себя?..."
Зереферъ сказалъ съ улыбкой.
— „Ну, какъ хочешь Зереферъ!
Только чтобъ не впалъ ошибкой
Ты въ бѣду, коль калугеръ
Мысль провѣдаетъ искуса,
Онъ ужь, вѣрно, вѣдь о ней
Не воспроситъ Іисуса,
А межь тѣмъ... Но не робѣй!..."
Демонъ съ демономъ простился,
И чрезъ нѣсколько минутъ
Зереферъ преобразился
Въ человѣка и, какъ тутъ,

Онъ къ Антонію въ пещеру...
Съ воплемъ громкимъ подошелъ,
Бился въ грудь онъ черезъ-мѣру
И отчаянно ревѣлъ,
И, Антоніевы ноги
Обхвативши, такъ онъ рекъ:
„Охъ, грѣхи мои такъ многи,
Что я бѣсъ—не человѣкъ,
Нѣтъ и мѣры злодѣяньямъ!...
Я не знаю, есть иль нѣтъ
Для меня и покаянье.
Охъ, бѣда мнѣ!... Дай отвѣтъ!
Охъ, утѣшь меня отвѣтомъ!
Потрудись у Бога ты
Вопросить, отецъ, объ этомъ
И, что скажетъ, извѣсти!...“
Старецъ, плачущаго видя,
Самъ заплакать былъ готовъ,
Не узнавши вовсе съ вида,
Кто былъ плачущій таковъ...
Далъ онъ слово помолиться
И заутра приказалъ
За отвѣтомъ воротиться...
Демонъ вышелъ и пропалъ.
Только солнце закатилось,
Старецъ Бога сталъ просить,
Чтобъ открылъ то, есть ли милость
Приходившаго простить...
Вдругъ предъ нимъ, въ небесной славѣ,

Ангелъ сталъ и старцу рекъ:
„Ты молиться такъ не вправѣ
Богу, Божій человѣкъ!
За кого ты докучаешь?
За кого теперь вознесъ
Ты молитву? Иль не знаешь,
Что тебѣ стужаетъ бѣсъ
Въ мнимомъ видѣ человѣка?...
Но чтобъ онъ не могъ нанесть
Богу, въ страшный день, упрека,
Ты скажи ему, что есть
И для бѣса покаянье.
А то, если отказать,
Можетъ послѣ въ оправданье
На судѣ про то сказать,
Что искалъ и онъ спасенья,
Но отринутъ былъ. Итакъ,
Объяви, что есть прощенье,
Но не даромъ, а вотъ какъ:
Пусть съ молитвой сокрушенной,
Обратившись на востокъ,
Богу выскажетъ смиренно
Весь свой демонскій порокъ...
Пусть такъ молится три года,
И по исходѣ трехъ годовъ
Въ свѣтлость ангельскаго рода
Принятъ будетъ Богомъ вновь,—
Въ санъ онъ первый свой вчинится,
Будетъ ангеломъ святымъ,

Если только-что смирится,
Передъ Господомъ своимъ."
  День настал; какъ разъ явился
Къ старцу бѣсъ. Антоній рекъ
Бѣсу такъ: „Ну, я молился
Богу. Вотъ что, человѣкъ,
Богъ тебѣ велѣлъ напомнить:
Знаю, кто ты и зачѣмъ...
Если-жь вздумаешь исполнить,
Что скажу тебѣ за тѣмъ,—
Есть въ грѣхахъ тебѣ прощенье!
Знаю, кто ты и отколь...
И тебѣ даю спасенье,
Если будетъ произволъ—
Въ умилительномъ сознаньи
Всѣхъ проступковъ вопіять
По три года съ покаяньемъ
И себя окаявать...
Ты на то имѣешь силу,
Не устанешь вопія
Вотъ что: „Господи помилуй
Злобу древнюю—меня!"
Такъ взывай, пріемля дерзость,
На востокъ взирая стой
И опять взывай: „я мерзость
Запустѣнья, Боже мой!
Помраченная я прелесть,—
Просвѣти меня и дай
Мысли святость, миръ и свѣжесть,

Обнови и возсоздай!...“
„Если выстоишь три года,—
Вѣдь, устать не можешь ты,—
Будешь райскаго вновь рода,
Ангелъ прежней красоты!...“
Слыша это, демонъ крикнулъ:
„Какъ? Я—мерзость?... Прелесть—я?...
Злой старикъ, ты, знать, не вникнулъ
Должнымъ образомъ въ меня!...
Мнѣ стоять, смирясь, предъ Богомъ?...
Мнѣ смириться?... Старецъ злой!
Какъ? Опять въ чину убогомъ
Быть мнѣ Господу слугой?...
Нѣтъ, старикъ! Я самъ—владыка
Душъ, мнѣ преданныхъ грѣхомъ...
Что до ангельскаго лика,
Если мой весь міръ кругомъ?...
Экой новостью какою
Ты хватилъ меня, старикъ!...
Нѣтъ, быть Господу слугою
Я давнымъ-давно отвыкъ,—
Да, я рабствовать отвыкнулъ!...
Старецъ злой! Злой Калугеръ!“
И, крутясь и бѣсясь, свиснулъ
И исчезнулъ Зереферъ...
Видишь, грѣшникъ безнадежный,
Богъ и самыхъ бы бѣсовъ
Радъ принять и санъ имъ прежній
Возвратить бы былъ готовъ,

Еслибъ только захотѣли
И смирились бы они!...
Что-жь робѣешь ты? Тебѣ ли
Эти средства не даны?...
Будь покоенъ, не отчайся,
Умилительно молись,
Исповѣдуйся и кайся
И исправиться рѣшись.
Не забудь, что ты искупленъ
Кровью Бога твоего;
Если дорого такъ купленъ,—
Значитъ, милъ ты для Него...
О, спѣши-жь въ Его объятья,—
Право то тебѣ дано!
О, спѣши! Тебя, какъ братья,
Ждутъ и ангелы давно...

Друзьямъ.

Какъ-то шли да и сошлись
Два блазнительные бѣса;
Они братски обнялись,
По поклончику отвѣся.
Незамѣченно никѣмъ
Разговаривать начали,
А прохожихъ между тѣмъ
Сатанински назирали...
— „Что же новаго? спросилъ
Бѣса бѣсъ.—Какъ нынѣ люди?“

— „Что? съ улыбкой подхватилъ
Бѣсъ другой.—Да, братъ, причуды,
Коихъ не было и встарь,
Между нашими друзьями...
Человѣкъ... ну, что за тварь!
За-одно по жизни съ нами:
Онъ готовъ для насъ на все,
Злобенъ нравами своими,—
Право, райское житье
Намъ съ народами земными...
Вотъ хоть Русь: была дика,
Танцевъ не было и плясокъ,
Польки также, казачка,
Не видать было и масокъ...
Помнишь, сколько было битвъ
Намъ съ боярскими женами?—
Мы тряслись отъ ихъ молитвъ
Съ ихъ широкими крестами;
Ихъ затворы—ужь куда
Намъ невмочь и тяжки были!...
Но прошла ужь та бѣда,—
Нѣмцы въ томъ намъ пособили.
Да и нынѣ не легокъ,
Правда, танецъ польки блудной,—
Покружись-ка какъ листокъ...
Охъ, вѣдь, мнѣ-то ужась трудно!"

. . . .

Смолкнулъ бѣсъ; другой же молвилъ:
— „Много дѣлалъ ты проказъ;

Я подобныхъ хоть не строилъ,
Только началъ... Да вѣдь какъ?
О, лишь только мнѣ удайся
Сладить дѣло!... Если такъ:
Кто въ васъ какъ ни отличайся,
А потѣшилъ же бы я,
Вѣрно, всѣхъ васъ лучше князя.
Вотъ какая у меня
Нынѣ строится проказа:
„Видишь ты, какъ на Руси
Люди строятъ нынѣ домы:
Что тамъ дива! Что красы!
Словомъ—славныя хоромы!
Что же?... все бы дѣло то
Намъ по вкусу и прекрасно;
Но не схоже ни на что,
Даже вымолвить ужасно—
Въ тѣхъ разубранныхъ домахъ
Прежде были сплошь иконы,—
А какой онѣ намъ страхъ,
Да и сколько въ нихъ препоны!...
Часто я, какъ листъ трясусь
Средь разсвѣченнаго зала,
За дверь прячусь и боюсь,
Если кто во время бала
На иконы бросить взглядъ...
Охъ, ужь эти намъ иконы!...
Но, вѣдь, что-жь? О, какъ я радъ,
Что ужь нынѣ люди склонны

На бѣсовскій мой совѣтъ!...
Я шепнулъ—и люди, люди...
Какъ послушенъ нынѣ свѣтъ,—
Тотчасъ взялъ мои причуды
За приличье и законъ!...
По началу, изъ прилики,
Всѣ иконы со стѣнъ вонъ
И досадные намъ лики
Помѣстилъ онъ въ уголъ свой,
Называемый моленной...
Вотъ какъ я согналъ долой
Тѣхъ, кто страшенъ намъ смертельно!
Вотъ теперь поди: въ домахъ
Если гдѣ хоть эти лики
И остались на углахъ,
Но ужь такъ-то невелики,
Что нельзя замѣтить ихъ...
Да ихъ скоро, чай запрѣтятъ
И держать въ домахъ людскихъ,
Коль имъ свѣчекъ ужь не свѣтятъ;
А то прежде, помнишь, встарь,
Каждый домъ играетъ свѣтомъ
Отъ лампады, какъ алтарь...
Охъ, и мысль тошна объ этомъ!...
Вотъ теперь еще одно
Остается мнѣ исправить,
Чтобъ сбросали за окно
Всѣ иконы... Чтобъ заставить
Это сдѣлать—средство есть:

Крикнуть только: „ей, народы!
Прочь иконы! Что за честь!
Иль идете противъ моды?..“
Встарь, бывало, кто лишь —въ домъ,
Взглянетъ съ чувствомъ на иконы
И кладетъ тотъ имъ потомъ
Умилительно поклоны...
Есть ли тутъ для насъ пріютъ?
Появись-ка для искуса!
Появись,—глядишь, какъ тутъ
Ликъ святыхъ иль Іисуса!...
Нынѣ-жь славно: кто войдетъ
Въ домъ другаго,—шаркъ ногами,
Руку только другу жметъ...
Эхъ, друзья, мы тутъ же съ вами!“
— „Ну, сказалъ внимавшій бѣсъ
Друга адскаго разсказу,—
Много-бъ радости принесъ
Всѣмъ ты намъ, тѣмъ больше князю,
Еслибъ вывелъ наповалъ
Ты изъ всѣхъ домовъ иконы!...
О, конечно, ты видалъ
Да и зришь къ тому препоны;
Много ихъ, премного ихъ:
Можетъ, духъ твой переможетъ?
Въ подвигахъ, авось, твоихъ
Мода, другъ, тебѣ поможетъ...
Какъ тогда князь будетъ радъ!
Онъ тебѣ посыплетъ чести,

И не князь, а цѣлый адъ
Запоетъ при этой вѣсти»...
Бѣсы смолкли и за тѣмъ,
Распростившись, разлучились
И, невидимы никѣмъ,
Вдоль дороги потащились...
Эхъ, кто ставитъ за законъ
Моду въ васъ, друзья, вы плачьте
И божественныхъ иконъ
Ужь пожалуйста не прячьте;
Не гоните ихъ съ угловъ
Вашихъ залъ, равно гостиной,—
Будутъ пусть онѣ домовъ
Хоть красой, коль не святыней...
Вѣрьте, вамъ не сдобровать,
Коль, для моды и для вѣса
Въ свѣтѣ, бросите пенатъ,—
Вы тѣмъ тѣшите вѣдь бѣса...
Ну, зачѣмъ бы вамъ смотрѣть
На Парижъ, на городъ модный?
Иль у насъ роднаго нѣтъ?
Иль все тамъ для насъ пригодно?...
Что во Франціи?—раздоръ!
Что жь, коль вкусъ парижской моды
Занесетъ и къ намъ весь вздоръ
Глупыхъ мыслей и свободы?..
Это—мода-жъ вѣдь... Ей-ей,
Если вы не разведетесь
Съ модной Франціей своей

И безъ модъ не обойдетесь,—
Грянетъ съ неба грозный Богъ,
И отъ этого намъ грома
Не убрать, быть-можетъ, ногъ—
Такъ, какъ жителямъ Содома...

Другу.

О, другъ мой возлюбленный ***ій!
Ну, что твое сердце о мнѣ говоритъ,
И мыслишь ли то, что Аѳонскія горы
Я вздумалъ оставить и въ В—ку прибыть?
«Какъ? кликнешь при этомъ, зачѣмъ ты, бѣдняжка,
Изъ жребія Дѣвы всепѣтой въ нашъ міръ,
Гдѣ можешь быть спутанъ, какъ силками пташка;
И будешь безроденъ, тревоженъ и сиръ»?
Да, правда, любезный! Опасно и больно
Мнѣ было оставить безцѣнный Аѳонъ;
Но что же мнѣ дѣлать, коль долженъ невольно
Оставленъ быть мною на нѣсколько онъ?
О, милъ нашъ Аѳонъ! Онъ для сердца отраденъ,
Для мысли покоенъ и чудо—какъ тихъ,
Для взора-жъ красами никакъ ненагляденъ
И дивенъ пришельцу въ святыняхъ своихъ.
То правда; но знаешь, что воля монаха
Въ обѣтахъ предъ Богомъ вполнѣ сложена,
Итакъ, какъ послушникъ, онъ долженъ безъ страха
Путемъ проходить и воды и огня;
Не собственной волей и мыслью водиться

И дѣлать не то, что по вкусу ему,
А то, что прикажутъ, и въ потѣ трудиться,
Съ готовностью даже на смерть и въ тюрьму...
Ты знаешь вѣдь это?... Коль знаешь, довольно,
Ни слова о выѣздѣ съ дивной горы;
Одно лишь, что я въ послушаньи... Но полно:
Объ этомъ не будемъ судить до поры.
Когда мы увидимся, дастъ Богъ, съ тобою,
О всемъ потолкуемъ, возлюбленный другъ,
И все, что лишь нужно, свободной порою
Я выскажу дома въ лѣнивый досугъ.
Межь тѣмъ ты молись о смиренномъ и грѣшномъ,
Но другѣ усердномъ, чтобъ миловалъ Богъ
И вѣрно спасалъ меня въ мірѣ потѣшномъ,
Съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣло чтобъ сдѣлать помогъ...
Какое же дѣло? ты спросишь.—Объ этомъ
Теперь не могу я, пріятель, сказать;
Затѣмъ чтобъ оно не открылось предъ свѣтомъ
До времени срочнаго,—лучше молчать.
Ты знаешь, какъ цѣнно предъ Богомъ молчанье,—
Не требуй же въ письмахъ о дѣлѣ отчетъ,
А лучше молись, чтобъ мое послушанье
Исполнилось такъ, какъ нашъ Геронта *) ждетъ.
За всѣмъ тѣмъ прошу тебя, братецъ, сердечно:
Со временемъ чаще ты къ другу пиши,—
Я вѣрю тому, что ты будешь, конечно,
Утѣхой моей огорченной души

---

*) Геронта—старецъ, настоятель обители.

И, можетъ, замѣнишь утрату Аѳона,
Къ которому такъ я привязанъ душой,
Что нѣтъ и не будетъ тяжелѣ урона,
Какъ тотъ, чтобъ оставить аѳонскій покой
И жизнь безмятежныхъ высей и пустыни,
Гдѣ свѣтло какъ въ небѣ, какъ въ Божьемъ раю,
Гдѣ все преисполнено дивной святыни
И тихо, какъ тихо въ загробномъ краю...
Прощай же, возлюбленный! Помни то время,
Когда ты расхлебывалъ кашу со мной
Близъ гроба Господня, гдѣ буйное племя
Арабовъ крикливыхъ шумѣло съ тобой
Какъ съ грознымъ героемъ... Ты помнишь минуты,
Когда мы ходили на свѣтлый Сіонъ
И мирно-младенчески сердце безъ смуты
Рвалось и летѣло оттуда въ Аѳонъ?
О, какъ же безцѣнно то время для сердца!
Куда какъ священна и память о томъ,
Какъ слишкомъ далеко мы, въ видѣ пришельца,
Носились, какъ пташки, по свѣту кругомъ!...
Вотъ такъ-то жизнь наша измѣнчива, друже!
Вотъ то-то надъ нами съ тобою сбылось!
И дай Богъ, чтобъ только не счудилось хуже,
А то, что ужь было, какъ пыль пронеслось...
Помолимся-жь Богу, попросимъ отъ сердца
Да жизнью Онъ правитъ по волѣ Своей;
Да будутъ въ насъ чувства, какъ чувства младенца,
Безъ примѣси смуты умчавшихся дней.
А къ этому вмѣстѣ прибавимъ желанье—

Увидѣться скоро, дружище, съ тобой
И здѣсь, коль на пользу земное свиданье,
И тамъ, за могилой, въ странѣ неземной.
Но какъ бы то ни было, мнѣ невозможно
Къ тебѣ, мой возлюбленный, въ гости прибыть,
Затѣмъ что, вѣдь, знаешь, какъ иноку должно
Затворомъ и кельей своей дорожить...
Къ тому-жь и не пустятъ: вѣдь я подъ началомъ,—
А ты то какъ пташка свободенъ собой.
Спѣши же ко мнѣ ты, и мы о бываломъ
Припомнимъ въ свиданьи, любезный, съ тобой!

Одесскій карантинъ.
1847 г. іюля 6 дня.

Ему же.

Имѣлъ я радость получить
Письмо твое, пріятель милый,
И вотъ за то спѣшу почтить
Тебя хоть звукомъ скромной лиры...
Но что начать? Съ чего мой звукъ
Въ струнахъ задумчивыхъ возьмется,
Когда мой перстъ смятенныхъ рукъ,
Какъ листъ, отъ разныхъ смутъ трясется?
Я въ В—кѣ,—значитъ я, мой другъ,
Ужь дома. То-то искушенье!...
Скажи-жь: зачѣмъ мы не самъ-другъ
Судьбы загадочной смотрѣнье
Приводимъ нынѣ въ исполненье?

Припомни, какъ въ Землѣ Святой,
За чашой каши, или чая,
Досугъ дѣлили мы съ тобой,
О милой родинѣ мечтая
Неозабоченной душой.
О, было время!... Все минулось!
Взамѣнъ веселыхъ прежнихъ дней,
Въ кругу знакомыхъ и друзей,
Иначе время развернулось,
И нашъ не тотъ житейскій бытъ;
Не тѣ со всѣмъ съ людьми ужь связи,
И путь домашній нашъ развитъ
Средь разной мелочи и грязи,
Чего не знали мы съ тобой,
Мой милый другъ, въ Землѣ Святой!
Здѣсь нѣтъ ужь тихости Аѳона
И восхитительныхъ пустынь;
Не видно дива и святынь
Благословеннаго Сіона
И горнихъ высей Елеона.
О, было время!... Какъ же мы
Отрадно мыслями играли,
Между невѣрными людьми,
Съ тобою за-просто гуляли
И безъ приличій и затѣй!...
А нынѣ—нѣтъ ужь этихъ дней.
О, нѣтъ!... Да, вѣрно, и не будетъ
Увы!... Прощай святой Аѳонъ!
Ужь вѣрно временемъ все будетъ

Какъ звукъ, какъ призракъ, иль какъ сонъ.
Тяжелъ искусъ такой для сердца;
Но дѣлать нечего,—терпѣть
И, въ видѣ скромнаго пришельца,
Участья вовсе не имѣть
Ни въ сладкихъ радостяхъ, ни въ горѣ
Моихъ знакомыхъ и друзей,
И черезъ жизненное море
Къ желанной пристани скорѣй!...
За всѣмъ тѣмъ ты, сокашникъ скромный,
Какъ другъ давнишній, для меня
Возлюбленъ временемъ, и я
Хоть здѣсь какъ выходецъ бездомный,
А видѣть думалъ бы тебя...
Спѣши же!

Ему же.

Вотъ начальный мой вопросъ:
«Какъ хранитъ тебя Христосъ?
По-добру ли, по-здорову?
Не сбираешься-ль къ О—ву,
Къ другу, въ гости побывать
И о старомъ поболтать?
Аль дорога незнакома?
Али лучше жить-быть дома
Межъ родимою семьей·
Средь знакомыхъ и гостей»?

Какъ бы ни было, пожалуй,
Это правда. Но не балуй
Ты себя въ кругу родномъ:
Какъ ни милъ родимый домъ,
Все же надо напослѣдокъ
Намъ идти въ путь нашихъ предокъ
И разстаться съ тѣмъ, что насъ
Слишкомъ балуетъ подъ-часъ...
Это такъ вѣдь, другъ сердечный!
О, ты вымолвишь, конечно,
Смерть ко всѣмъ изъ насъ близка—
Лишь протянется рука,
Чтобъ схватить кого межь нами;
Смерть у насъ не за горами,
Но, какъ баютъ межь людьми,
Смерть у всѣхъ насъ за плечьми.
Страшно-жь больно!... Но хоть бойся,
Какъ ты хочешь, безпокойся,—
Никому пощады нѣтъ:
Смерть насъ видно не минетъ...
Такъ молись же другъ о другѣ
Въ недосугѣ и въ досугѣ
И меня не забывай,
Да и въ гости поспѣшай
Для отраднаго свиданья
Послѣ долгаго разстанья.
Да и что тебя, мой другъ,
Вяжетъ тамъ? Домашній кругъ?—
Вѣдь, навидѣлся досыта;

Грусть разлуки позабыта,
Ты съ дороги отдохнулъ,
Роднымъ воздухомъ вздохнулъ.—
Не пора-ль направить ноги
Для далекія дороги,
Чтобъ повидѣться со мной
Въ скромной пустынѣ моей?
Пріѣзжай! Я жду, ждать стану
И писать ужь перестану
Въ той надеждѣ, что какъ разъ
Ты докатишься до насъ.
Что, не правда-ль? Нѣтъ сомнѣнья.
Пріѣзжай безъ замедленья;
Мы помолимся съ тобой
Здѣсь усердно Пресвятой
И спасающему Богу,
Вспомнимъ прежній путь-дорогу,
И Голгоѳу и Сіонъ,
Нашъ плѣнительный Аѳонъ,
И ту пору, какъ съ тобою,
Ранней утренней порою,
Мы гуляли тамъ и сямъ,
По горамъ и по высямъ
Палестинскаго Сіона
И прекраснаго Аѳона...
О, какъ сладко помнить, другъ.
Это все намъ въ нашъ досугъ!...
Тѣмъ плѣнительнѣй и краше
Помнить намъ былое наше,

Что ужь болѣ, можетъ-быть,
Дней такихъ намъ не нажить.
Это правда,—Богъ вѣдь знаетъ,
Что въ дали насъ ожидаетъ:
Радость жизни иль печаль,—
Неразгаданная даль
Нашей жизни скоротечной...
Сколько думы есть сердечной,
Сколько есть надеждъ земныхъ,
Самыхъ сладкихъ и святыхъ!
Но свершатся-ль всѣ надежды?
Можетъ-быть и скоро вѣжди
Нашихъ сѣтующихъ глазъ
Смерть закроетъ, на показъ,
Какъ ничтожны мы и хилы—
Жертвы тлѣнья и могилы...
О, молись, мой другъ, молись!
Если можешь, развяжись
Съ Пермью на-время и въ В—ку
Сдѣлай нынѣ же прокатку
Для свиданья и рѣчей
Съ другомъ самыхъ лучшихъ дней,
Можетъ-быть, въ твоей здѣсь жизни,—
Дней, когда ты, внѣ отчизны,
На чужбинѣ и вдали,
На путяхъ Святой Земли,
Билъ съ ругачкой бедуиновъ,
Не ходилъ безъ апельсиновъ
И, балованный какъ Крезъ,

Ѣлъ ты кашу да бекмезъ *)...
Но... прости!

Вечеръ на дачѣ.

Чудесный видъ передо мною!
Подъ мой любующійся взоръ
Ложатся темной полосою
Верхи родныхъ далекихъ горъ.
Какъ вѣчный памятникъ былаго
И дней ребяческихъ моихъ,
Когда, безъ смутъ всего земнаго,
Не зналъ я скорбей никакихъ,
Онѣ душѣ сладкорѣчивы:
Имъ часто грусть я повѣрялъ
И, полный жизнью и счастливый,
Близъ нихъ безпечно пировалъ...
А эта даль межь мной и ими,
А зелень рощей и полей,
Въ разнообразности своей,
Какъ милы видами своими!..
На небѣ ясномъ чуть горитъ
Уже прощальный лучъ заката;
Окрестность въ сумракѣ лежитъ
И вѣтръ, въ дыханьи аромата,
Чуть-чуть по травкѣ шелеститъ;
Туманъ улегся надъ водами,
Ихъ спитъ холодная волна

*) Бекмезъ—турецкое варенье съ медомъ.

И въ ясномъ небѣ съ облаками
Играетъ полная луна.
Кой-гдѣ лишь слышатся напѣвы
Сердечной грусти и тоски
Безпечныхъ юношей иль дѣвы—
Несчастныхъ жертвъ земной любви...
Невняты мнѣ слова и муки
Ихъ пѣсней тѣхъ; но и безъ словъ
Ихъ мелодическіе звуки
Напоминаютъ мнѣ любовь
И радость жизни, и волненье
Моихъ давно-бывалыхъ лѣтъ,
Хоть память ихъ уже смятенья
Груди моей не наведетъ...
Что мило сердцу, чѣмъ я занятъ
Былъ сильно въ жизни холостой
И чѣмъ мутилась мысль и память,
Того ужь нѣтъ теперь со мной.
О, вся земля отдать не въ силахъ
Мнѣ жизнь, мнѣ радости мои,—
Мнѣ то, что здѣсь взяла могила
Въ мои давно былые дни!
Одно лишь небо только носитъ
Въ себѣ все то, чего желать
Здѣсь могъ бы я,—все то сыскать,
Чего лишь сердце ждетъ и проситъ,
Чего земля не въ силахъ дать...
Чужой любви и грусти звуки
Пусть часто мой тревожатъ слухъ,—

Они во мнѣ не родятъ муки
И не взволнуютъ мирный духъ;
Ихъ грусть, тоска и ихъ раздумье
Невольно въ память приведутъ
Мнѣ лѣтъ и дней моихъ безумье
И въ этой памяти замрутъ.
Никто, повѣрьте, не замѣнитъ
Мнѣ мой единственный предметъ,
Ни чувствъ, ни мысли не измѣнитъ
И сердце къ сердцу не прильнетъ
Тѣмъ вѣчнымъ чувствомъ, безъ измѣны,
Въ которомъ рай души сокрытъ,
Которымъ радости иль пени
Языкъ лишь сердца говоритъ,—
Тѣмъ сладкимъ чувствомъ, безъ отравы,
Въ которомъ вѣчная любовь
Всѣхъ выше благъ земныхъ и славы
И краше перловъ и цвѣтовъ...
Одно теперь мое желанье—
Стать выше міра и страстей
И здѣсь слезою покаянья
Мириться съ совѣстью моей,
Пока есть время, есть и мѣры,
Пока отверстъ мнѣ райскій входъ
И вправѣ чувствомъ правой вѣры
Я встрѣтить смертный мой исходъ—
Не въ страхѣ будущія казни,
Не съ тайнымъ трепетомъ въ очахъ,
Но тихо, мирно, безъ боязни,

Съ улыбкой ангельской въ устахъ...
Мила мнѣ родина и други;
Ихъ ласки, рѣчи и привѣтъ
Люблю я слушать и, въ досуги,
Кой-что о молодости лѣтъ
Еще сказать, иль о чужбинѣ,
О всѣхъ событіяхъ моихъ
Въ Святой горѣ и въ Палестинѣ
Моимъ разсказомъ тѣшить ихъ...
Но дружба, родина... все это
Меня ужь здѣсь не веселитъ,—
Мой духъ во жребіи Всепѣтой
Давнымъ-давно уже гоститъ...
Давно съ Аѳонскою горою
Сроднился я; я къ ней привыкъ
И мнѣ, съ той чуждой стороною,
Знакомъ ея святой языкъ.
Когда въ душѣ моей заронитъ
Лукавый демонъ что-нибудь
И мысль къ мечтамъ преступнымъ клонитъ,
Волнуя сладкимъ чувствомъ грудь,
Иль будитъ тайное желанье
Любви и нѣги и сластей,—
Всѣ козни демона и тщанье
И буйство собственныхъ страстей,
Какъ пыль, все то развѣетъ память
Аѳонской дѣвственной горы,
И я бываю ею занятъ
Съ утра до позднія поры...

При ней мнѣ родина и люди,
Привѣтъ докучливыхъ друзей,
Нѣмая спѣсь и пересуды
И толки вѣтреныхъ людей
Смѣшны и жалки; я невольно
Тогда къ Святой горѣ несусь,
Какъ пчелка къ соту къ ней привьюсь
И, въ сладкой думѣ, богомольно
Слезой разлучной обольюсь
При мысли—какъ живутъ тамъ тихо,
Безъ черныхъ чувствъ противъ другихъ,
Не зная зла, не помня лиха
И на гонителей своихъ...
О, еслибъ царства всѣ и троны
Могли сложиться предо мной
Съ державной тяжестью короны
И всѣ богатства, какъ рѣкой,
Лились бы мнѣ съ людскою данью
Молвы и славы,—и тогда-бъ,
Какъ вѣрный всюду покаянью,
Я лучше буду скромный рабъ
Святымъ отшельникамъ пустыни,
Простымъ жильцомъ Святой горы,
Съ кускомъ, коль нужно, милостыни,
И грызть иль бобъ, иль сухари,
Лишь только-бъ вѣкъ не разлучиться
Съ моей дружиною святой,
Любить бы всѣхъ—не налюбиться
И о Руси съ дружиной той

Въ Аѳонѣ Господу молиться...
Не знаетъ міръ (да какъ и знать!)
Аѳонской жизни наслажденья
И тайный миръ, и благодать,
И радость вѣчнаго спасенья...
Не воля сердцу дорога,
Какъ люди мыслятъ, а пустыня
И подвигъ въ ней противъ врага:
Вѣдь, та гора для насъ—чужбина.
Въ Россіи мило, жизнь вольна;
За то въ той жизни много смуты,
Опасна съ демономъ война,
Искусы часты, да и люты.
Не знаетъ міръ,—да знать-то какъ!—
Что намъ въ Аѳонѣ слишкомъ мило,
Когда живутъ здѣсь въ мирѣ такъ,
Какъ только въ мысль бы приходило.
О, вѣрьте, есть минуты здѣсь—
И на землѣ, что сердце тайно
Вкушаетъ жизнь и рай небесъ,
Хоть не всегда, хоть и случайно;
И за одинъ подобный мигъ
Земныхъ всѣхъ радостей не надо,
И знать тогда и видѣть ихъ
Бываетъ сердце ужь не радо.
Но эти тайные дары,
Но эти дивныя мгновенья
Въ глуби Аѳонской лишь горы
Даютси волѣ Провидѣнья,

Затѣмъ что въ мірѣ и въ шуму
Нельзя самимъ собой заняться
И съ чувствомъ къ Богу своему
Въ святой молитвѣ возвышаться.
Да кромѣ этого весь міръ
Помѣшанъ сластью временною;
А если этотъ есть кумиръ
И если мы, предъ нимъ душою
Склоняясь часто иль всегда,
И знать не знаемъ бѣдъ и нужды,—
Такъ вѣрно будемъ навсегда
Мы райскихъ чувствъ и неба чужды.
За что-жь, скажите, вамъ держать
Меня неволею въ Россіи?
За что, скажите, не пускать
Во жребій Дѣвственной Маріи?
Я жажду сладкой тишины,
Ищу Аѳонскія пустыни,—
Отдайте-жъ мнѣ былые дни
И край далекія чужбины!
Иль я могу, иль могъ забыть
Тамъ трепетъ русскаго веселья
И Русь святую разлюбить?
Иль можетъ духъ переродить
Пустыни тамошнія келья?..
Отдайте мнѣ мой рай земной!
За что мою вы волю сжали?
Отдайте мнѣ Аѳонъ святой,
А то умру я отъ печали,

Отъ смутъ мірскихъ и злыхъ тревогъ,
И васъ за то накажетъ Богъ.
О, я, повѣрьте, непремѣнно
На васъ пожалуюсь Ему,
Коль вы меня въ Аѳонъ безцѣнный,
Къ святому братству моему,
Отсель не пустите на вѣки!..
Коль вы не ангелы,—ужель
Совсѣмъ ужь вы не человѣки
И не уважите ни цѣль
Моихъ желаній и стремленья,
Ни грусть, ни тайную печаль,
Ни жажду вѣчнаго спасенья,—
Ужель вамъ грѣшника не жаль?...
О, дайте мнѣ мой Русикъ милый!
Тамъ есть подъ мирною скалой,
Среди цвѣтовъ и травъ, могилы,—
О, тамъ пусть ляжетъ прахъ и мой
Безъ плиты хладнаго гранита,
Безъ монумента надо мной!.
Тамъ грѣшный прахъ агіорита *).
Хотѣлъ бы сладко отдохнуть
Отъ бурь земнаго треволненья,
Отъ всѣхъ своихъ житейскихъ смутъ,
И кончить временный свой путь
Въ надеждѣ вѣчнаго спасенья.
О, какъ тамъ сладко-бъ смолкъ и стихъ

---

*) Святогорца.

Прощальный звукъ игравшей струны,
Въ слезахъ молитвенныхъ моихъ,
И вѣкъ страдальческій и юный
Въ закатѣ такъ же былъ бы тихъ,
Далекъ житейскихъ бурь и смуты,
Какъ этотъ вечеръ предо мной,
Въ свои послѣднія минуты,
Неизъяснимо тихъ собой!...

Халкедоново.

Монахъ.

(Восточная повѣсть).

Жилъ-былъ и спасался въ пустынѣ монахъ;
И день онъ и ночь постоянной молитвой
Искусъ отражалъ весь бѣсовскій, и врагъ
Напрасно старался незримою битвой
Сбить съ толку монаха, грѣхомъ заразить
И съ Богомъ разрознить: монахъ не сдавался,
Молитву и крестъ, какъ хранительный щитъ,
Держалъ неуклонно и храбро сражался.
Взорвало то демона, онъ не стерпѣлъ;
Той брани не вынесла адская злоба...
Вотъ какъ-то пустынникъ молился и бдѣлъ
Чрезъ ночь, и во образѣ вдругъ эѳіопа
Лукавый предсталъ предъ него; но монахъ
Ни мало явленьемъ такимъ не смутился,—
Напротивъ, съ крестомъ и съ молитвой въ устахъ,
Онъ къ демону грозно лицомъ обратился

И съ полною властію вотъ что сказалъ:
—„Во имя распятаго Бога тебя заклинаю—
Ни съ мѣста!“ И демонъ какъ вкопанный сталъ.
Потомъ такъ монахъ продолжалъ ему: „Знаю,
Что, если захочешь, ты можешь опять
Быть ангеломъ свѣтлымъ, лишь было-бъ смиренье.
Ты знаешь, конечно,—да какже не знать,—
Тѣ сладкія пѣсни небесныхъ хваленій,
Которыми славилъ ты Бога... Итакъ,
Не выпущу вонъ я изъ кельи, доколѣ
Ты мнѣ не споешь такъ плѣнительно, какъ
Ты въ небѣ пѣвалъ. Ну, а если по волѣ
Не сдѣлаешь этого,—стой и колѣй
Здѣсь годы и вѣки ты связанный мною.“
—„Помилуй! воскрикнулъ тутъ демонъ,—ей ей
Не въ силахъ я драться и биться съ тобою;
Равно я не въ силахъ пѣть пѣсней былыхъ,
Которыми Бога когда-то я славилъ...
Да если-бъ и въ силахъ,—повѣрь мнѣ, отъ нихъ
Души-бъ твоей въ тѣлѣ ты здѣсь не оставилъ,
А весь бы истаялъ, какъ воскъ отъ огня,
И духъ бы твой вылился вѣрно слезами
Отъ сладкихъ тѣхъ пѣсней, которыми я
Пѣлъ Бога по-ангельски тѣми устами,
Которыхъ нельзя для того растворить.
Что хочешь, ты дѣлай, а пѣть я не стану.“
—„Коль такъ, отвѣчаетъ монахъ,—такъ и быть:
Ни съ мѣста-жь! А я на молитву возстану
И въ ней осѣню тебя силой креста.“

И сталъ на молитву монахъ, окрестился;
Но лишь оживились молитвой уста,
Онъ съ ногъ до главы весь огнемъ окружился...
Затрясся, какъ Каинъ, неистовый врагъ
И громко взопилъ онъ, огнемъ тѣмъ сгарая:
„Ой-ой, не молись ты, жестокій монахъ!
Не жги, не пали, не тирань, опаляя
Молитвеннымъ пламенемъ грозно меня!
Ты страшенъ мнѣ... Полно, я пѣть соглашаюсь.
Но знай, что мой голосъ такъ тронетъ тебя,
Что вылетитъ духъ твой изъ тѣла.“—„Не каюсь,
Пусть вылетитъ, молвилъ монахъ.—Ну, такъ что-жь?
Ты пой лишь, и что бы со мной ни случилось,—
Твое ли тутъ дѣло?“ Бѣсъ крикнулъ: „Какъ хошь.
Когда ты никакъ не преклоненъ на милость...“
И, горько поморщась, сгарающій бѣсъ
Вниманьемъ въ минувшее весь погрузился
И сладкимъ блаженствомъ забытыхъ небесъ
На время, какъ прежде, опять оживился...
Какъ вихорь, вотъ тронулись крылья на мигъ...
Пѣть началъ бѣсъ пѣсни и звучно, и мило,
И демонъ пѣлъ такъ восхитительно ихъ,
Что бѣдный монахъ, какъ таинственной силой,
Весь въ слухъ превратился и въ трепетъ любви,
Въ какое-то сладкое сердцу желанье;
Изъ глазъ его слезы ручьемъ потекли;
Онъ весь сталъ любовью и весь сталъ вниманьемъ;
И прежде, чѣмъ кончились пѣсни тѣ, онъ,
Какъ свѣчка, истаялъ въ ихъ сладости тайной

И духъ во слезахъ его вылился вонъ...
Тѣ-жь пѣсни забытыя вспомнивъ случайно,
Самъ бѣсъ ихъ не вынесъ, весь въ нихъ просвѣтлѣлъ
Смиренно заплакалъ, какъ воскъ растеплился
На небо какъ ангелъ тогда-жь улетѣлъ
И къ Богу съ монахомъ онъ вмѣстѣ явился...

Св. Іоаннъ Новгородскій *).

Давнымъ-давно ужь въ Новѣ-градѣ
Былъ-жилъ святой архіерей,
Въ своемъ спасающемся стадѣ
Сіявшій всѣхъ тогда свѣтлѣй
Въ дѣлахъ божественной святыни,
Любившій красить дни свои
Раздачей тайной милостыни
И чувствомъ ангельской любви
Ко всѣмъ и къ каждому изъ стада,
За что у всѣхъ и всюду слылъ,
Кромѣ Великаго Новграда,
Свѣтиломъ лучшимъ изъ свѣтилъ;
Но дѣлъ, въ подвижничествѣ строгомъ
Свершенныхъ имъ въ свой вѣкъ земной
Не только втайнѣ передъ Богомъ,
Но и предъ паствою своей,
Все это выскажетъ едва ли
И тотъ, кому даръ слова данъ.

---

*) Память Св. Іоанна Новгородскаго — сентября 7-го числа. Смотр. Четь-Минею.

А я?—скажу лишь то, что звали
Его на свѣтѣ—„Іоаннъ“...
Напрасно демонъ окаянный
Старался сбить его съ пути
И, чрезъ искусъ свой постоянный,
Склонить на грѣхъ и довести
Невинность ангельскаго сердца
До сквернъ плотскихъ, въ которыхъ мы,
Отъ хилыхъ старцевъ до младенца,
Водясь житейскими страстьми,
Валяться любимъ; но святитель
Противу бѣса весь свой вѣкъ
Былъ самый опытный воитель
И, такъ какъ Божій человѣкъ,
Всегда былъ грозный побѣдитель
Врага и собственныхъ страстей
Во славу Бога и людей.
Вотъ какъ-то разъ, въ тиши полночной,
Молился тотъ архіерей
И къ Богу мыслью непорочной
Стремился, полный сладкихъ слезъ;
А бѣсъ межь-тѣмъ, какъ злой разбойникъ,
Прокрался въ келью и залѣзъ
Въ его келейный рукомойникъ,
Всплеснулъ водою, забурлилъ
И тихость ночи помутилъ...
Святитель слушаетъ и чуда
Понять не можетъ между тѣмъ,
Съ чего такъ тронулась посуда...

И вотъ, не трогаясь ничѣмъ,
Безъ чувствъ боязненныхъ и смуты,
Къ посудѣ шумной подступилъ
И, молча, въ тѣ-жь ее минуты
Трикратно онъ благословилъ...
Дрогнулъ всей силой рукомойникъ
И страшныиъ гласомъ возопилъ
Въ него закравшійся разбойникъ...
— „Кто ты?" святитель произнесъ.
И гласъ невидимаго татя
Ему отвѣтилъ такъ: „я—бѣсъ."
— „Зачѣмъ же ты туда залѣзъ?"
Святитель снова супостата
Съ спокойнымъ духомъ вопросилъ.
— „Я бѣсъ,—незримый говорилъ,—
И думалъ я такимъ искусомъ
Пугнуть тебя, чтобъ ты тогда-жь
Разстался въ мысли съ Іисусомъ,
Затѣмъ, что только подвигъ нашъ
И стрѣлы тайной съ вами битвы
Вполнѣ успѣшны могутъ быть,
Когда лишь можемъ отъ молитвы
Вашъ духъ и мысли отвратить...
Но ты не дрогнулъ, не смутился,
Ты чувствъ молитвенныхъ твоихъ
Почти нисколько не лишился
При этихъ шалостяхъ моихъ,
И вотъ я нехотя смирился...
Твой крестъ мнѣ грозенъ: онъ палитъ...

Онъ жжетъ меня. Охъ, тяжкій бытъ!...
Ой-ой, пусти!... Нѣтъ, я не буду
Тебя тревожить никогда.
Сожегъ, сожегъ!... Твой крестъ отвсюду
Меня палитъ, Ай-ай, бѣда!..."
И страшнымъ голосомъ смятенья
Лукавый демонъ залился,
Всплеснулъ водой отъ изступленья,
На всѣ вопить сталъ голоса
И разнымъ выходкамъ глумленья
Въ бѣсовской злобѣ предался,
Прося и жалобно рыдая,
Чтобъ пущенъ былъ оттуда вонъ,
И адской клятвой завѣряя,
Что съ этихъ поръ не будетъ онъ
Входить къ святителю въ обитель,
Боясь вторично за себя...
— „Пущу, но только съ тѣмъ, тебя,
Чтобъ ты, лукавый искуситель,
Свозилъ меня къ Землѣ Святой
И къ гробу Божью, а къ разсвѣту
Чтобъ я обратно былъ тобой
Опять представленъ въ келью эту...
Да слышишь ли?—къ зарѣ дневной.
Итакъ, ступай же, тать презрѣнный,
Изъ рукомойника ты вонъ
И будь теперь же непремѣнно
На путь далекій мнѣ какъ конь!..."
Всплеснулся бѣсъ и, силой тайной

Отъ Бога связанный, онъ сталъ
Конемъ чудеснымъ—окаянный
И у подъѣзда дожидалъ
Раба Христова. Вотъ срядился
Въ далекій путь архіерей,
Умильно Богу помолился,
Потомъ изъ келліи своей
Съ ступень крылечныхъ онъ спустился
И долго, долго онъ кругомъ
Крестилъ себя святымъ крестомъ
И, къ Богу умственныя очи
Вперивъ, чуть только сѣсть успѣлъ,
И борзый конь, что было мочи,
Какъ сильный вихорь полетѣлъ.
Усталый весь, покрытый пѣной,
Ко храму Божью прискакалъ
И передъ дверью храма сталъ,
Который созданъ былъ Еленой
При вскрытьи тѣхъ безцѣнныхъ мѣстъ,
Гдѣ Богъ нашъ, движимый любовью,
Взошелъ страдальчески на крестъ
И смертью собственной и кровью
Всѣхъ насъ отъ клятвы искупилъ.
Святой не могъ не удивиться...
Онъ слѣзъ съ коня и подступилъ
Къ церковной двери—помолиться...
Смиренный, полный теплой вѣры,
Волнуясь трепетомъ святымъ,
Онъ подошелъ къ церковной двери,

Склонилъ колѣна, и предъ нимъ
Та дверь тихонько растворилась,
Огнями церковь засвѣтилась.
И этотъ тайный пилигримъ,
Въ слезахъ сердечнаго признанья,
Предъ гробъ божественный упалъ,
Христовой смерти и страданья
Онъ всѣ мѣста облобызалъ
И всѣмъ имъ съ чувствомъ поклонился,
За всю Россію помолился
И тихо, по молитвѣ той,
Изъ церкви Божьей удалился,
И до зари еще дневной
Вернулся Божій рабъ домой...
— „Послушай,—демонъ на отходѣ
Ему съ угрозой говорилъ,—
Отнюдь не сказывай въ народѣ,
Какъ я теперь тебя возилъ;
А если скажешь, то не кайся:
За то я такъ тебя хвачу,
Что какъ ты, милый, ни скрывайся,
А все тебѣ я отплачу
За ту ужасную услугу,
Какую сдѣлалъ я тебѣ,—
Да такъ, что недругу и другу
Закажешь, вѣрно, по себѣ,
Чтобъ быть почтительнѣй предъ нами.
Задамъ тебѣ,—придетъ пора...
Коль хочешь самъ себѣ добра,—

Молчи о всемъ, а то, со днями,
Я вновь введу тебя въ искусъ:
Хоть ты на это и не трусъ,
Но мы посмотримъ, какъ заступитъ
Тебя твой дивный Іисусъ...
О, наша вашимъ не уступитъ!...“
Святитель, слушая, какъ бѣсъ
Его молчать объ этомъ проситъ
И Бога демонски поноситъ,
Лишь имя Божье произнесъ,
И бѣсъ, какъ молнія, исчезъ.

Отрадно, весело и мило
Внимать, друзья, бываетъ намъ,
Когда съ энергіей и силой,
Хоть иногда, по временамъ,
Владыки намъ въ своихъ бесѣдахъ
Даютъ такъ знать святыхъ людей,
Ихъ силу въ битвахъ и побѣдахъ
Надъ духомъ злымъ и тьмой страстей,—
Насъ учатъ быть въ бѣсовской битвѣ
До смерти стойкими, крѣпясь
Въ добрѣ и въ пламенной молитвѣ
И каждый день, и каждый часъ...
Ихъ рѣчи сильны, слово живо
Своей бесѣдой справедливой
И чудно дѣйствуетъ на насъ...
Вотъ, разъ, святитель Нова-града
Такъ точно съ чувствомъ говорилъ

Въ кругу внимательнаго стада;
Онъ какъ бы всѣхъ животворилъ
Въ своихъ отеческихъ бесѣдахъ
И, между прочимъ, то сказалъ,
Что въ Новѣ-градѣ и въ сосѣдяхъ
Такого мужа онъ знавалъ
(Мужъ этотъ живъ еще понынѣ),
Который въ нѣсколько часовъ
На бѣсѣ съѣздилъ къ Палестинѣ...
Откуда-жъ онъ и кто таковъ—
Не могъ владыка объясниться...
А звукомъ этихъ дивныхъ словъ
Еще не могутъ надивиться,
Какъ вдругъ средь общей тишины
Раздался голосъ сатаны:
— „Такъ ты все высказалъ?... Прекрасно!
Ужь я-жъ тебѣ за это дамъ!...“
Дрогнули гости, слыша ясно
Бѣсовскій голосъ; даже самъ
Святитель нѣсколько смутился,
Но, оградивъ себя крестомъ,
Онъ съ мѣста всталъ и распростился
Съ гостьми своими, а потомъ
Въ свои покои удалился.
Бываетъ часто, что Господь
Даетъ на время позволенье
Врагу испытывать народъ
Въ различныхъ видахъ искушенья,
Готовя намъ за то и здѣсь,

И тамъ, на небѣ, воздаянье;
Межь тѣмъ чрезъ это гордый бѣсъ
Отъ насъ пріемлетъ посмѣянье,
Коль будемъ стойкими въ своихъ
Всѣхъ битвахъ съ полчищемъ бѣсовскимъ
И кончимъ въ славу Божью ихъ.
Почти такъ точно съ Новгородскимъ
Владыкой сдѣлалось съ тѣхъ поръ,
Когда межь прочимъ въ разговоръ
Вмѣстилъ разсказъ: какъ кто-то славно
Къ Святой Землѣ, и то верхомъ,
На бѣсѣ странствовалъ недавно,
Часовъ лишь въ нѣсколько притомъ...
Насмѣшка бѣсу чрезвычайно
Была въ то время тяжела,
И вотъ онъ, въ злобѣ преисподней,
Тишкомъ сталъ строить сѣти зла.
Сначала онъ молвой народной
Владыку вздумалъ запятнать
И силой буйства и смятенья
За этимъ съ каѳедры согнать,
Да въ разныхъ видахъ искушенья
Его унизить и смирить.
Святитель этотъ Нова-града
Былъ дивенъ жизнію своей
И всѣхъ овецъ святаго стада
Онъ звукомъ пастырскихъ рѣчей
Плѣнялъ и трогалъ такъ невольно,
Что часто многія изъ нихъ

Къ нему сбѣгались добровольно;
Недуги грѣшныхъ душъ своихъ,
Равно тревоги и печали
Ему отъ сердца повѣряли—
И ослабленье горькихъ бѣдъ
И сладость жизни почерпали
Изъ Іоанновыхъ бесѣдъ...
Бывало, каждый день дворяне,
Съ утра до самыхъ позднихъ поръ,
За ними послѣ клирошане
Къ нему стекаются на дворъ,
А тамъ и бѣдные крестьяне
Спѣшили слушать разговоръ
Владыки добраго... Но вскорѣ
По томъ владычнемъ разговорѣ,
Когда онъ высказалъ, какъ врагъ
Преобразившися въ скотину,
Въ недавнихъ, нынѣшнихъ годахъ,
Возилъ кого-то въ Палестину,—
Какъ только въ келью ни придутъ
Простые люди, иль дворяне,
Увидятъ ясно и найдутъ
Почасту вещи на диванѣ,
Какія къ инокамъ нейдутъ:
Когда въ прихожей—ожерелье,
Порой подъ стуломъ—башмачокъ,
То съ шляпки ленточку, иль перья,
То шаль, то женскій поясокъ,
То серьги, то порой монисты,—

И стали думать оттого,
Что въ жизни пастырь ихъ—нечистый,
Что есть пороки у него,
Какихъ не терпитъ санъ великій...
Сначала тайною молвой
Весь градъ о сладости владыки
Наполненъ былъ; съ молвою той
Росли и толки и разсказы,
Потомъ и явно слухъ возникъ,
Что пастырь ихъ чинитъ проказы
И есть дѣйствительный блудникъ...
Народъ, въ сердечномъ заблужденьи,
Довѣрчивъ къ слухамъ этимъ былъ
И, наконецъ, поднявъ волненье,
Весь городъ сильно помутилъ...
Сошлись всѣ люди и соборомъ
Рѣшили къ пастырю сходить,
Чтобъ общей рѣчью и укоромъ
Его въ поступкахъ уличить,
Которыхъ слишкомъ ненавидятъ
Дворяне ихъ и старшины.
Толпой приблизились они
Къ оградѣ пастырской и видятъ,
Что мелкой поступью, какъ тѣнь,
Изъ двери дѣвушка явилась,
Съ крылечныхъ бросилась ступень
И быстро за домами скрылась...
Народъ сталъ молча, словно пень,
При видѣ дѣвушки нескромной,

Которой самый видъ и взглядъ,
Въ ея изнѣженности томной,
Послѣдней моды весь нарядъ—
Невольно сердцу говорятъ,
Что жизнь ея полна растлѣнья
Въ растратѣ дѣвства и стыда
И въ ранней жаждѣ наслажденья...
Народъ весь бросился туда,
Куда та дѣвушка укрылась;
Но, какъ ни бѣгали за ней,
Она какъ будто растопилась
Отъ ихъ дозорчивыхъ очей.
Тогда, въ строптивости конечной,
Бранясь на свой россійскій ладъ
И бѣсясь въ ярости сердечной,
Народъ весь бросился назадъ
И сталъ предъ дверію крылечной...
Народный шумъ, молва и брань
Достигли скоро до владыки,
И вотъ, смятенный Іоаннъ
Тревожно слухъ навелъ на крики
И вышелъ скромно на крыльцо...
„А, вотъ онъ, вотъ блудникъ заклятый!...
Какъ смѣлъ ты скверное лицо
Являть къ престолу благодати
И санъ святительскій чернить
Такою жизнью развращенной?“
Народъ смутившійся кричитъ,
И, оцѣпивъ архіерея,

При буйномъ множествѣ людей
И даже маленькихъ дѣтей,
Его, какъ истаго злодѣя,
На брегъ онъ Волхова повлекъ,
Гдѣ плотъ былъ сплоченъ, и на воду
Былъ пущенъ Божій человѣкъ,
На радость бѣсу и народу...
Но какъ безсиленъ въ козняхъ бѣсъ
Надъ тѣмъ, кто жизнью правъ и свѣтелъ
И кто въ дѣлахъ и въ сердцѣ здѣсь
Таитъ святую добродѣтель,—
Какъ тотъ и дивенъ, и великъ!
Святитель Божій—какъ блудникъ—
Отъ паствы собственной былъ признанъ
И съ поруганьями отъ всѣхъ
Съ престола пастырскаго изгнанъ
За свой, повидимому, грѣхъ...
Едва на плотъ ступилъ ногою
Святитель дивный, и канатъ,
Державшій дерево собою,
Отвязанъ дерзкою рукою,—
Тронулся плотъ, валы шумятъ
И, бурно пѣнясь и играя,
Бѣжатъ шумливо за плотомъ...
Отъ страха сердцемъ замирая,
Теряясь духомъ и умомъ,
Народъ въ ужасномъ изумленьи
Свой грѣхъ безсовѣстный призналъ,
Прося у пастыря прощенья,

И съ воплемъ руки простиралъ,
Когда, противъ воды теченья,
Противъ быстринъ летѣлъ рѣчныхъ,
Безъ веселъ, съ силою великой,
Тотъ плотъ по Волхову отъ нихъ
Съ позорно-изгнаннымъ владыкой...
Бѣжа во слѣдъ за нимъ толпой,
Народъ упрашивалъ смиренно,
Чтобъ ихъ простилъ въ насмѣшкѣ той
И снова санъ преосвященный
Для блага паствы принялъ онъ...
Святитель, тронутый мольбами,
Тогда же съ плота вышелъ вонъ
И всѣхъ онъ сладкими рѣчами
Утѣшилъ тутъ же и простилъ
И, между прочими словами,
Онъ такъ народу говорилъ:
„На судъ не скоры будьте, дѣти,
Коль кто и точно согрѣшитъ,
Затѣмъ что врагъ насъ ловитъ въ сѣти
И, большей частію, губитъ
Не столько нашими грѣхами,
Какъ чуждыхъ зрѣньемъ и судомъ,
Какъ нынѣ видите вы сами...“
Замѣтивъ такъ, тогда-жъ онъ въ домъ
Пошелъ съ народомъ и оттолѣ
Во славу Бога дивно жилъ
И на святительскомъ престолѣ
Потомъ о Господѣ почилъ...

Аглаида и Вонифатій *)

или

СУДЬБЫ СПАСЕНІЯ БОЖІЯ.

Въ древнемъ Римѣ, въ давни годы,
Незапамятной порой,
Правомъ пользуясь свободы,
По супружествѣ, вдовой
Оставалась Аглаида...
Аглаида столь была
Увлекательнаго вида
И плѣнительно мила,
Что сказать того нѣтъ мочи,
И за всѣмъ тѣмъ такъ богата
Та вдова была, какъ дщерь
Можетъ быть лишь анѳипата,
Или князя, напримѣръ...
Много юношей вздыхало
По вдовѣ той, можетъ-быть;
Но, не трогаясь ни мало
Страстью прочихъ волокитъ,
Ихъ съ презрѣньемъ Аглаида
Обѣгала. Лишь одинъ
Красотой очей и вида,
Хоть онъ былъ не дворянинъ,
Самъ собою занималъ

*) Смотр. Четь-Минеи 19 декабря.

И вдовою сладострастной
Такъ, какъ мужъ, овладѣвалъ;
Между тѣмъ какъ изъ прислуги—
Былъ ея слугою онъ,
Такъ усердный для услуги,
Что хоть въ воду, хоть въ огонь...
Какъ по имени онъ?... Кстати
И подъ риѳму скажемъ мы,
Что онъ звался Вонифатій
Въ бѣломъ свѣтѣ межь людьми.
Позабывъ свое величье,
И дворянство, и своихъ,
Свѣтъ, политику, приличье,
Гласность толковъ городскихъ,
Стыдъ вдовическій и срамъ,
Божій страхъ и казни тамъ,
За загробной стороною,
Аглаида увлеклась
Страстью бурной и шальною—
И распутству предалась...
Не на то вамъ, впрочемъ, повѣсть
Я желаю предложить
Здѣсь, друзья мои, чтобъ совѣсть
Вашу страстью уязвить,
А за тѣмъ, кто если грѣшенъ
И боится вѣчныхъ мукъ,—
Будь спокоенъ и утѣшенъ
И не вѣшай только рукъ,
А на небо обращайся,

Воздѣвая ихъ, молись,
Съ сокрушеньемъ лишь покайся
И исправиться рѣшись...
Богъ не только успокоитъ
Мысль тревожную твою,
Но и славы удостоитъ
И вѣнцовъ своихъ въ раю...
Вотъ, послушай, что случилось
Съ Вонифатіемъ слугой,
Какъ онъ принялъ Божью милость
И окончилъ подвигъ свой...
Долго юный Вонифатій
Нѣгу сладостную пилъ
Аглаидиныхъ объятій
И ея кумиромъ былъ,
Хоть и часто потаенно,
Заливаяся слезой,
Богу скромно и смиренно
Грѣхъ высказывалъ онъ свой
И просилъ Его избавить
Аглаидиныхъ сѣтей
И, какъ знаетъ Онъ, доставить
Средства—выше быть страстей.
Долго такъ крушась и тайно
Въ сладострастіи своемъ,
Былъ онъ ласковъ чрезвычайно
До несчастныхъ между тѣмъ:
До калѣкъ и нищихъ братій,
Словно другъ иль братъ родной,

Былъ въ то время Вонифатій,
Очарованный вдовой...
Видитъ Богъ съ высотъ, знать, неба
Все, что дѣемъ втайнѣ мы,
И ничтожность лептъ и хлѣба
Нищей братьи, какъ взаймы
Онъ отъ насъ принявъ, сторицей
Возвращаетъ здѣсь то намъ
И божественной десницей
Рай даритъ за то-жь и тамъ.
Для насъ важна чрезвычайно
Милость къ жалкимъ бѣднякамъ,—
И въяву она, и тайно
Благодѣтельствуетъ намъ.
Въ дни искусовъ, грозной битвы
Съ нами бѣса, можетъ-быть,
Пламень самыя молитвы
Насъ не столько оградитъ
Отъ его коварствъ и злобы,
Сколько то, коль мы насытимъ
Нищихъ алчныя утробы
И деньжонокъ имъ дадимъ...
Здѣсь не надобно примѣровъ:
Это пишется, друзья,
Не для низкихъ недовѣровъ
И, скупецъ, не для тебя!
Вы, вѣдь, глухи къ Божью слову,
Вамъ не милъ и самый Богъ,
Вы и братію Христову

Съ головы до самыхъ ногъ
Рады, кажется, до нитки
Такъ, какъ липку, облупить;
Слова Божія попытки—
Васъ отъ скупости отбить—
Остаются безъуспѣшны
До загробныя поры...
Я-ль могу стихами, грѣшный,
Разбудить васъ, глухари?..
Полно-жь съ риѳмою бранчивой!..
Время длить святой разсказъ
И здѣсь выставить то диво,
Какъ развратника Богъ спасъ...
. . . .
По мѣстамъ еще являлись
Разныхъ идоловъ слуги
И на церковь ополчались
Бога нашего враги
Разной пыткой, грозной казнью,
И водою, и огнемъ;
Но, не трогаясь боязнью,
Въ страстотерпчествѣ своемъ,
Христіане подклоняли
Скромно выи подъ мечи,
И тьмы темъ ихъ посѣкали
Иль сжигали палачи...
Слыша это, Аглаида,
И, въ распутствѣ со слугой,
Свой позоръ и адъ предвидя,

Часто трепетной душой
Разсуждала, умилялась,
Горько плакала потомъ,
Трепетала и пугалась,
Грустно думая о томъ,
Какъ разстаться ей со свѣтомъ
И явиться предъ Судьей
Съ грѣшной жизнью и съ отчетомъ
Безпристрастнымъ, строгимъ въ ней...
Мысля часто и невольно
Такъ о смерти и грѣхахъ,
Аглаида богомольно,
Въ умилительныхъ слезахъ,
Упадала предъ иконой
И рѣшалась измѣнить
Образъ жизни беззаконной
И вдовически хранить
Чувства жизни непорочной
Такъ, чтобъ можно было ей
Безъ стыда и укоризны
Стать предъ грознымъ Судіей.
Съ этимъ вмѣстѣ пожелалось,—
Чтобъ загладить ей вполнѣ
Дней минувшихъ грѣхъ и шалость
И о тяжкой ихъ винѣ
Сокрушительнѣй молиться,
Отъ нападокъ сатаны
Ускользнуть и защититься,—
Изъ далекой стороны,

Гдѣ страдальцы есть Христовы,
Гдѣ ихъ мучатъ и казнятъ
До пролитья самой крови,
Мощи чьи-нибудь достать
И, въ ковчегѣ драгоцѣнномъ
Съ честью должною храня,
Имъ молиться сокрушенно
За другихъ и за себя.
Эта мысль и чувство стали
Аглаидѣ наводить
Часто слезы и печали
И о Богѣ говорить
Такъ, что въ ней не стало мочи
Выносить тревогу ихъ
Ни средь дня, ни въ мракѣ ночи,
Ни въ занятіяхъ своихъ,
И, сгарая въ томъ желаньи,
Будто въ пламени огня,
При начаткахъ покаянья,
Вонифатію она,
Какъ-то разъ призвавъ, сказала:
«Слушай, другъ мой, много я
Передъ Богомъ согрѣшала;
Столько-жь, чай, и у тебя
Юныхъ шалостей и смуты,
Волокитства и грѣховъ...
Но, вѣдь, будутъ же минуты
И придетъ отъ неба зовъ
Къ вѣчной жизни и къ отчету

Въ словѣ, въ мысли и въ дѣлахъ.
Свято вѣря въ крайность эту,
Я питаю тайный страхъ...
Между тѣмъ повѣрье въ людяхъ
Есть такое: если кто
Много дѣлаетъ и худа,
Но не сгинетъ ни за что,
Если мощи страстотерпца
Въ домѣ собственномъ хранитъ
И отъ всей души и сердца
Ихъ въ земныхъ поклонахъ чтитъ,
Тепля свѣчки и кадило
Предъ гробницею его;
Самъ и демонъ адской силой
Не возможетъ ничего
Противъ дома и владѣльца
Тѣхъ страдальческихъ мощей,
По молитвамъ страстотерпца...
Много, другъ мой, лѣтъ и дней
Мы утратили въ распутствахъ,—
Надо-жь намъ, да и пора,
Быть ужь въ кающихся чувствахъ,
Кромѣ шутокъ говоря,
И оставить наши связи,
Бросить вовсе грѣхъ плотской,
Шалость жизни и проказы
И покаяться, другъ мой!..
А затѣмъ во мнѣ родилось
И желанье то—имѣть

Какъ бы мощи... Сдѣлай милость,
Ты мой выслушай совѣтъ:
Сколько хочешь, и излишно,
Денегъ взявъ, ступай въ мѣста,
Гдѣ понынѣ, какъ то слышно,
Люди страждутъ за Христа...
Не щадя сребра и злата,
Поѣзжай и мощи мнѣ
Ты достань, что хочешь тратя,
Въ отдаленной сторонѣ!...
  Съ чувствомъ слушалъ Вонифатій
Звуки этихъ всѣхъ рѣчей—
Такъ, какъ говоръ благодати,
И покоренъ онъ былъ ей...
Взялъ онъ множество имѣнья,
Кучи злата и сребра,
И тогда безъ замедленья
Покатился со двора...
—„Что же будетъ, Аглаида,
Не найду коль я мощей?—
Въ тонѣ шуточнаго вида,
Молвилъ барынѣ своей,
Вонифатій на разстаньи.—
Если Богъ и мнѣ велитъ,
По мучительномъ страданьи,
Кровь за Господа пролить,
И страдальческое тѣло
Въ домъ твой съ честью привезутъ:
Вѣдь, прекрасное бы дѣло?

Что бы сдѣлала ты тутъ:
Приняла бы какъ святого,
Иль отвергла бы въ конецъ,
Будто изверга какого?“
—„Полно вольничать, глупецъ!
Аглаида отвѣчала,
Засмѣявшись надъ слугой.—
Ты и пьяница съизмала,
Волокита записной,
И такого забіяку
Можно внесть въ число святыхъ,—
Вложить мощи съ честью въ раку
Развращенниковъ такихъ?..
Кто мы, какъ грѣшили—вспомни!
Полно!.. Время и пора
Знать тебѣ ужь страхъ Господній,
Отправляясь со двора
За божественной святыней.
Бойся Бога! Время—намъ
Плакать горькимъ плачемъ нынѣ,—
А не шуточнымъ рѣчамъ!“
Такъ разставшись съ госпожею
Вонифатій въ путь тотчасъ
Со дружиною своею
Отправляется и въ Тарсъ
Прибываетъ; оставляетъ
Онъ въ гостинницѣ своихъ
И на площадь убѣгаетъ,
Не увѣдомивши ихъ

О своемъ пути поспѣшномъ;
И явился наконецъ
Онъ на поприщѣ потѣшномъ—
Взять свой подвигъ и вѣнецъ...
Площадь Тарса. Тьмы народу.
Длинной цѣпью въ полукругъ
Растянувшися отъ входу
До мучителевыхъ слугъ
И тиранническихъ креселъ,
Думно глазилъ и стоялъ
Весь народъ—и то былъ веселъ,
То онъ плакалъ и рыдалъ,
Видя пытки, страсть и казни
Православныхъ христіанъ,
Умиравшихъ безъ боязни,
Какъ ни мучилъ ихъ тиранъ...
Грозно зрѣлище позоромъ,
Площадь слишкомъ велика
И по ней у насъ предъ взоромъ—
Гдѣ валяется рука,
Гдѣ и ноги безъ остова,
Все разбито и въ крови;
У страдальца же иного
Нѣтъ ни ногъ, ни головы
И ни рукъ,—весь такъ обсѣченъ,
Что какъ клубъ въ крови лежитъ;
А иной такъ изувѣченъ,
Что писать рука дрожитъ...
Кто бы, видя то, не всплакалъ,

И особенно иной
Какъ посаженъ былъ тамъ на колъ,
Иль, вися внизъ головой,
Задушался отъ поджоги
Хворостины и смолья;
У иныхъ слетѣли ноги
Отъ пилы иль острія;
Тамъ такія были страсти,
Что пилой испилены
Были нѣкіе на части
Иль и зрѣнья лишены...
Въ этихъ грозныхъ истязаньяхъ,
Какъ тиранъ тамъ ни грозитъ,
А страдальцы во страданьяхъ
Неподвижны, какъ гранитъ:
Нѣтъ и признаковъ боязни,—
Тяжекъ имъ ужь дольній міръ,—
И не какъ на мѣсто казни,
А какъ будто бы на пиръ
Притекли для смертной жертвы
(Всѣхъ числомъ ихъ пятьдесятъ)
И въ крови, и полумертвы
На позорищѣ лежатъ...
Всѣ дивятся, плещутъ шумно,
Бога хвалятъ; лишь одинъ
Глухъ и нѣмъ тиранъ безумный,
Какъ подъячій сатанинъ...
Видя это, слыша звуки,
Разныхъ говоровъ людскихъ,

Изумительныя муки
И терпѣнье въ нихъ святыхъ,
Силу дивной благодати,
Ихъ крѣпившей,—наконецъ
Выступаетъ Вонифатій,
Какъ сторонній и пришлецъ,
Въ платьѣ пыльномъ, какъ съ дороги,
Къ страстотерпцамъ подступилъ,
Обнялъ ихъ, упавъ къ нимъ въ ноги,
Громко такъ онъ возопилъ:
„Дивенъ Богъ, хранящій въ мукахъ
Православныхъ христіанъ!..“
Смолкъ народъ при этихъ звукахъ,
Призатихнулъ и тиранъ...
Такъ воскликнувъ, Вонифатій
Снова съ чувствомъ обнималъ
Всѣхъ страдальцевъ, такъ, какъ братій,
Раны ихъ онъ лобызалъ,
Ихъ терпѣнье ублажая
И сердечно имъ молясь,
Чтобъ они вѣнцами рая
Страстотерпчески красясь,
Дали здѣсь ему участье
Въ мукахъ ихъ, а наконецъ
И единственное счастье—
Райскій свить себѣ вѣнецъ...
Слыша это, всѣ пришельцемъ
Занимаются и самъ,
Съ надрывающимся сердцемъ,

Крикнулъ такъ судья: „кто тамъ?
Взять его!.. Сейчасъ представить!..“
Вонифатій самъ подшелъ...
— „Кто ты? Какъ Христа ты славить
При глазахъ моихъ посмѣлъ?“
Закричалъ тиранъ сердито...
Вонифатій же на то
Отвѣчалъ ему открыто:
— „Рабъ Христовъ я, и ничто,
И ничѣмъ меня отъ вѣры
Христіанской не отвлечь:
Истощай хоть всѣ ты мѣры
Пытокъ грозныхъ, хоть подъ мечъ—
Я сейчасъ готовъ безъ слова!..“
Тщетно силился тиранъ
Исповѣдника Христова
Побѣдить среди и ранъ
Былъ онъ крѣпокъ, безъ боязни,
Хоть и разнились виды
Пытокъ варварскихъ и казни...
Всѣхъ же пытокъ впереди
Та была, что онъ, ко древу
Бывъ привѣшенъ и стремглавъ,
Битъ по всѣмъ частямъ и чреву,
Такъ что плоть его, отпавъ,
Обнажала даже кости...
Мало этого: судья,
Полный демонскія злости,
Гнѣвомъ бѣсясь и кипя,

Приказалъ за ногти пальцевъ
Спицы острыя вонзить,
И въ виду другихъ страдальцевъ,
Чтобъ ихъ этимъ устрашить;
Далѣ—олова тотчасъ же
Растопить велѣлъ тиранъ,—
Растопили и тогда же
Влили олово въ гортань;
Но страдалецъ, богомольно
Окрестясь крестомъ святымъ,
Выпилъ олово спокойно
И остался невредимъ.
Столь въ народѣ это чудо
Много сдѣлало тревогъ,
Что судьѣ бы было худо,
Еслибъ онъ не убралъ ногъ...
Лютость казней и мученья
И, за всѣмъ тѣмъ, наконецъ
Страстотерпцево терпѣнье
Выводили изъ сердецъ
Зрѣвшихъ дивныя тѣ сцены
И величество чудесъ—
Такъ, что весь народъ смятенный,
Въ чувствѣ жалости и слезъ,
Закрутился, заярился,
Поднялъ жалобы и крикъ,
На судью воспламенился,
Вопія: „какъ Богъ великъ!
Какъ Богъ дивенъ и преславенъ!

Вѣра права христіанъ!
Кто ихъ Богу будетъ равенъ?
Будь анаѳема тиранъ!“
Такъ кричалъ народъ, хватая
Въ руки праху и камней
И въ тирана тѣмъ кидая
Въ пылкой ярости своей...
Видя то, тиранъ отъ страха
Скрылся въ домъ свой со стыдомъ,
Весь отъ камня и отъ праха
Зачернившійся кругомъ;
Между тѣмъ раба Христова
Бросить въ душную тюрьму
Онъ велѣлъ, да съ тѣмъ, чтобъ снова
Утромъ явленъ былъ къ нему.
  Утро ясное настало,
День декабрскій разсвѣталъ,
Солнце въ небѣ заиграло
И народъ заликовалъ...
Все вчерашнее забыто,—
Площадь вновь людьми кишитъ,
И тиранъ съ своею свитой
На судилищѣ сидитъ...
Передъ нимъ орудья разны,
Съ той и съ этой стороны,
Для мучительства и казни,
Разныхъ мѣръ, величины,
Также тяжести и вѣса:
Здѣсь трезубцы, тамъ бичи,

Гдѣ ножи, а тамъ колеса—
Разлагаютъ палачи...
Между тѣмъ для казни новой
Разжигается котелъ,
И смолы тиранъ суровый
Влить въ него тотчасъ велѣлъ.
Пышетъ пламя, облаками
Дымъ летитъ изъ-подъ котла
И, крутясь въ котлѣ клубами,
Скачетъ черная смола...
Казнь ужасная готова,
И въ оковахъ, и въ цѣпяхъ
Привели раба Христова...
Трепетъ, жалость, тайный страхъ
Предстоящихъ обнимали
При видѣньи новыхъ мукъ...
Цѣпи тягостныя сняли
Съ Вонифатіевыхъ рукъ
И тогда-жъ его спустили
Въ клокотавшійся котелъ;
Но, по дѣйству Божьей силы,
Онъ остался живъ и цѣлъ...
Видя то, тиранъ смутился
И, боясь, чтобъ весь народъ,
Какъ вчера, не разъярился,
Смертный судъ свой издаетъ,
Чтобъ мечомъ раба Христова
Спекулатору посѣчь...
И безъ страха, и безъ слова

Подклонилъ главу подъ мечъ
Вонифатій, помолился
И, по смерти, наконецъ,
Въ новой жизни очутился,
Райскій свой принявъ вѣнецъ...
Между тѣмъ его дружина,
Дожидаясь день, другой,
И не видя господина,
Ужь на третій межь собой
Стала въ тонѣ укоризны
И со смѣхомъ поминать
Вонифатіевой жизни
Волокитства и развратъ...
„Такъ-то ищетъ (толковали)
Страстотерпческихъ мощей
Вонифатій нашъ!.. Едва-ли,
По наклонности своей,
Ужь къ блудницамъ не забился,
Гдѣ такъ много ласкъ и винъ,
И навѣрное забылся
Нашъ разгульный господинъ...
Ужь такого бы гуляку
Для чего и въ даль пускать,—
Кто не знаетъ забіяку?..
Станетъ мощи онъ искать!!..
Пусть увидитъ, пусть узнаетъ
Аглаида, какъ слуга
Мощи ищетъ и скупаетъ,
Тѣша только лишь врага...“

Наконецъ, по этимъ шуткамъ,
Вся дружина поднялась
Въ поискъ друга, въ переулкахъ,
Дружной группой волочась,
Встрѣчныхъ всѣхъ и поперечныхъ,
На открытыхъ площадяхъ
И при портикахъ крылечныхъ,
И въ зазрительныхъ домахъ,
Означая всѣ примѣты
Вонифатія и цвѣтъ,—
Вопрошала, но отвѣты
Были только: нѣтъ, да нѣтъ!
Какъ-то, вотъ, одинъ прохожій
Имъ отвѣтилъ: „Видѣлъ я,
Что на странника похожій,
Не жалѣя самъ себя,
Безъ смущенья и боязни,
Съ твердымъ духомъ выносилъ
Пытки разныя и казни
И вчера усѣченъ былъ...
Онъ прекрасенъ самъ собою,
Словно ангелъ на лицо,
Кудри съ свѣтлой желтизною
Изъ кольца вились въ кольцо...
Самый видъ его небесенъ,
Словно ангелъ—такъ хорошъ;
Кто же онъ—ужь я безвѣстенъ.
Только вѣрьте, что не ложь
Говорю я; тотъ ужь самый

Долженъ быть, о коемъ вы
Столько дѣлаете сами
Разныхъ спросовъ и молвы...
Какъ угодно!.. да подите
Вы за городъ, гдѣ убитъ
Былъ онъ, тамъ и посмотрите,—
Можетъ-быть и онъ лежитъ"...
  Вѣсти той не довѣряя,
Быстрой поступью ноги
До указаннаго края
Приближаются слуги;
Смотрятъ—тѣло, но безглаво...
Ужасаются сперва...
Смотрятъ далѣе, направо—
Тамъ лежитъ и голова...
Поднимаютъ, приставляютъ
Къ тѣлу голову и вдругъ
Узнаютъ и понимаютъ,
Что страдалецъ тотъ—ихъ другъ.
Трепетъ обнялъ ихъ невольно...
Всѣ, залившися слезой,
Преклонились богомольно
Предъ страдальцевой главой
И со страхомъ и любовью
Лобызали трупъ и прахъ,
Освятившіеся кровью
Страстотерпца, во слезахъ,
И смиренно умоляя,
Чтобъ простилъ онъ ихъ во всемъ,

Хульныхъ словъ не поминая,
Глупо сказанныхъ о немъ...
Что же видятъ въ изумленьи
Всѣ слуги въ молитвѣ той?
По кровавомъ усѣченьи,
Вонифатій, какъ живой,
Открываетъ взоръ и скромно
Всѣхъ привѣтствуетъ друзей,
Хоть и молча и безмолвно,
Лишь улыбкою своей...
Тѣ слуги пошли,—тогда же
Звонкій денежный металлъ
Ослѣпилъ глаза той стражѣ
И умы околдовалъ:
Стража будто не слыхала
Легкой поступи ноги,
Будто вовсе не видала,
Какъ подкрались къ ней слуги
И страдальческое тѣло,
Съ усѣченною главой,
Взяли торопно и смѣло
И отправились домой...
  Разъ въ свѣтлицѣ сокровенной,
Въ умилительныхъ слезахъ,
Словно ангелъ, такъ смиренно,
Преклоняяся во прахъ,
Передъ Богомъ изливалась
Аглаида всей душей
И сердечно обновлялась

Всею жизнію своей...
Помолилась и средь ночи
Спать легла она и—вдругъ
Ангелъ Божій, ставъ предъ очи,
Ей сказалъ: „одинъ изъ слугъ,
Бывъ твоимъ слугой доселѣ,
Нынѣ-жь нашъ собратъ, а твой
Господинъ уже отселѣ,
Возвращается домой...
Встрѣть его! Онъ—нашъ сожитель!
Жизни самыя твоей
И души онъ есть хранитель,
Ангелъ всѣхъ твоихъ путей.“
Пробуждается въ испугѣ
Аглаида и тотчасъ
Отдаетъ своей прислугѣ
Порученья и приказъ —
Домъ убрать драгимъ уборомъ,
А сама пошла встрѣчать
Вонифатія съ соборомъ
И какъ ангела принять...
Люди цѣлыми толпами
Высыпаются на брегъ,
И торжественно съ мощами
Поднятъ былъ святой ковчегъ,
При огняхъ свѣчей возженныхъ
И курящихся кадилъ,
Въ звукахъ пѣсней вдохновенныхъ,
И потомъ внесенъ онъ былъ

Въ домъ смиренной Аглаиды...
И отъ тѣхъ мощей чудесъ
Совершившіеся виды
Я сказать не въ силахъ здѣсь.
  Съ этихъ поръ, раздавъ имѣнье
Нищимъ, бѣднымъ и вдовамъ,
Аглаида, въ заключенье,
Создала страдальцу храмъ
И, пятнадцать лѣтъ въ томъ храмѣ
Свято жизнь свою храня,
О своемъ грѣховномъ срамѣ
Горько плакала она...
А по праведной кончинѣ
Близъ страдальца наконецъ
Погребли ее. И нынѣ,
Отъ Христа, она, вѣнецъ
Получивши за страданья
Въ жизнь недолгую свою
И за подвигъ покаянья,
Имъ увѣнчана въ раю.

Вятка.

Слѣпецъ

ПРЕДЪ ИКОНОЮ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ.

  Лишенный свѣта и очей,
Отрады жизненной не зная,
Тебѣ страдальческой душей,
Молюсь я, Дѣва Пресвятая,
И сердце, сжатое тоской,

Трижды дивная Божія Матерь.

Съ горючей, пламенной слезой,
Предъ ликъ Твой свѣтлый полагаю,
И жизнь мою и мой конецъ
Тебѣ я, грѣшникъ и слѣпецъ,
Моя надежда, повѣряю!..
Какъ смутный сонъ вся жизнь моя:
Чуть помню я красы природы
И разцвѣтавшія поля
И тихо льющіяся воды
Въ своихъ живительныхъ струяхъ,—
Все то какъ сонъ въ моихъ очахъ!..
Забылъ я образы и лица;
Не знаю, какъ играетъ день,
И какъ на ночь ложится тѣнь,
И въ небѣ искрится зарница;—
Какъ въ легкомъ бѣгѣ облака
Наносятъ вихрь и стелютъ тучи,
И громъ за молніей летучей
Гремитъ надъ нами свысока;
Не вижу я, какъ валъ могучій
Бунтуетъ съ безднами морей
И на просторъ своихъ зыбей
Подъемлетъ челнъ, и какъ вѣтрило
Его таинственною силой
Несетъ въ загадочную даль...
Давнымъ-давно я не видалъ,
Какъ красно солнышко выходитъ
На путь дневной свой; какъ луна,
Тоски задумчивой полна,

Слѣдитъ за нимъ и грустно бродитъ
По озареннымъ облакамъ,
Какъ въ волны смотрится рѣчныя
И спящимъ рощамъ и холмамъ,
Въ разливѣ тишины ночныя,
Она свой свѣтъ передаетъ.
Не знаю я, какъ Божій свѣтъ
Даритъ намъ радости земныя
Въ улыбкѣ дружбы и любви...
Чужда мнѣ жизнь и чуждъ я свѣта,
И я не видывалъ (увы!)
Давно веселаго разсвѣта
И тихихъ утреннихъ лучей,
И даже яркій блескъ зарницы
Для закатившихся очей
И для утраченной зѣницы
Потухъ отъ самыхъ раннихъ дней.
Знакомы мнѣ—прохлада тѣни
И жгучій полдень; слышу я
И говоръ струй, и сладость пѣній
Пернатыхъ пташекъ вкругъ меня,
И шумный праздникъ соловья.
Но все, какъ въ сумракѣ полночи,
Повито темной пеленой,
И я горючею слезой
Вотще проясниваю очи...
Нѣтъ, мрачно въ нихъ, нѣтъ свѣту въ нихъ,
И чуждъ я радостей моихъ!..
Но все что мило, что земное,

Не видѣть мнѣ совсѣмъ не жаль,—
Тоска та сносна и печаль;
Но больно мнѣ, больнѣе вдвое,
Что я, Пречистая, Твой ликъ
Давно не видывалъ очами
И будто въ мракѣ ихъ отвыкъ
Я плакать сладкими слезами
И въ сердце грѣшное вдыхать
Отъ лика жизнь и благодать...
Не вижу я, какъ радость сердца,
Утѣху жизни и любовь,
Творца временъ и всѣхъ вѣковъ—
Неизъяснимаго Младенца
Покоешь, грѣешь и живишь
Дыханьемъ матери родныя
На лонѣ дѣвственномъ, Марія,
И какъ улыбкой Ты даришь
Его младенческіе взоры,
И какъ пречистыя уста
Его лобзаютъ, какъ Дитя,
Предъ Кѣмъ небесныхъ воинствъ хоры
Звучатъ немолчною хвалой...
Увы, не вижу я, Марія,
Того еще въ вѣкъ грустный мой,
Какъ, павъ на перси всесвятыя,
Тебя младенчески Сынъ Твой,
Какъ матерь, скромно обнимаетъ
И всѣхъ насъ крошечной рукой
Онъ, какъ Господь, благословляетъ...

Не вижу я... О, больно мнѣ!
Въ тревогѣ чувства и печали
Я помню то, но какъ во снѣ,
И какъ въ туманѣ свѣтлой дали
Мнѣ ликъ Твой, Дѣва, предстаетъ;
Но я—слѣпецъ, не видятъ очи,
Для нихъ возможности той нѣтъ
И, будто въ сумракѣ полночи,
Далекъ меня мой сладкій свѣтъ.
Убійственъ этотъ крестъ лишеній,—
Тяжелъ мой крестъ, мой мрачный путь
И полонъ слезъ и преткновеній!..
И кто-жь въ страдальческую грудь
Вдохнетъ отраду утѣшеній?
Я этихъ всѣхъ надеждъ далекъ...
Струится смутно юный вѣкъ,
И если смѣнится могилой,
То тамъ, въ загробной сторонѣ,
По здѣшней жизни опостылой,
Не знаю самъ, что будетъ мнѣ...
Есть, впрочемъ, тайный лучъ надежды,
Когда страдальческія вѣжды
Моихъ безжизненныхъ очей
Закроетъ мнѣ съ закатомъ дней
Лихая смерть: быть-можетъ снова
Узрю я ликъ Твой пресвятой
И удостоюся Тобой
Дней свѣтлыхъ царствія Христова!
О, тамъ страдальческій мой взоръ

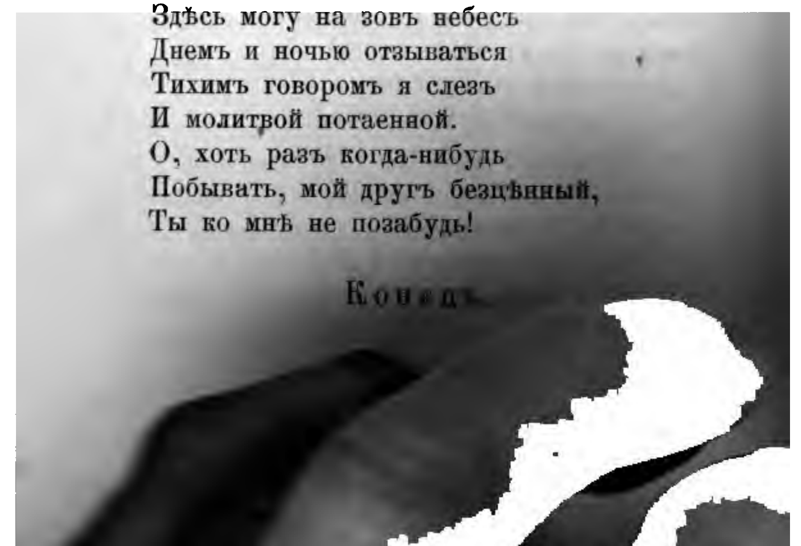
Увидитъ ангельскій соборъ,
Святыхъ ликующіе сонмы
И въ ихъ блаженствующій хоръ
И я солью мой голосъ скромный
При звукахъ пѣсни трисвятой,
Царица неба, предъ Тобой!..
И этой сладкою надеждой,
Какъ Мать утѣхи и любви,
И нынѣ такъ же, какъ и прежде,
Меня Ты радуй и живи,
И мнѣ не нужно будетъ зрѣнья!..
Пусть будетъ мрачно для очей,—
Не надо мнѣ и красныхъ дней
И ни земнаго утѣшенья...
Пускай и жизненный конецъ
Я встрѣчу грустно, какъ слѣпецъ,
Лишь только Ты Твое сіянье
Душѣ таинственно струи
И будь мнѣ жизнь и円 упованье
Въ мои страдальческіе дни!..
1849 г.

Къ другу.

Конченъ путь въ моей пустыни;
Близокъ жизненный покой—
Сѵмволъ вѣры и святыни—
Божій храмъ передо мной!
Здѣсь, подъ мостомъ храмовымъ,
Какъ случалось слышать мнѣ,

Найденъ ликъ нерукотворный
На развѣсистой соснѣ.
Эта повѣсть безусловна—
И, вотъ, въ честь находки той
Здѣсь поставлена часовня
Православной стариной;
Ликъ же Спасовъ взятъ въ О—во,
Гдѣ воздвигнутъ монастырь;
Но о томъ до-послѣ слово...
Эту счастливую быль
Статистически раскрою
Я современемъ, мой другъ,
А теперь совсѣмъ иною
Мыслью твой займу досугъ.
У часовни—тамъ, подалѣ,
Скромно келейка стоитъ,
А насупротивъ, въ каналѣ,
Ключъ живительный бѣжитъ.
Близъ часовни рядъ гостинный:
Дважды годомъ здѣсь всегда
Совершается въ пустыни
Торгъ заправскій хоть куда.
Но вотъ та бѣда: близъ кельи
Трактъ проложенъ столбовой,—
Значитъ, тихое веселье,
Въ бытъ отшельническій мой,
Смутно можетъ быть молвою
Проѣзжающихъ людей.
Ну, да если Богъ со мною,

Что мнѣ нужды до гостей!
Дверь чернечьяго затвора
Недоступна и крѣпка,
А для хищника и вора
Вовсе, другъ мой, далека,
Оттого что нѣтъ въ ней складу
Разной суеты мірской;
Гдѣ же нѣтъ такого кладу,—
Кто потянется съ рукой?
Впрочемъ, вмѣсто часоваго
(Чай не будетъ въ томъ грѣха?)
Признаю себѣ за благо
Взять въ пустыню пѣтуха,
Да кота ему въ придачу:
Пусть составится изъ нихъ
Украшенье скромной дачи
И утѣха дней моихъ.
То-то есть чѣмъ здѣсь заняться!..



Здѣсь могу на зовъ небесъ
Днемъ и ночью отзываться
Тихимъ говоромъ я слезъ
И молитвой потаенной.
О, хоть разъ когда-нибудь
Побывать, мой другъ безцѣнный,
Ты ко мнѣ не позабудь!

Конецъ.

…ческаго

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
10	4 снизу	И душѣ	чтобъ душѣ
50	9 —	бѣждняжка	бѣдняжка
85	3 —	да конца	до конца
105	4 —	Такъ, какъ	Такъ какъ
121	4 —	Ели жъ	Если-жъ
191	5 сверху	отвѣть	отвѣтъ
192	17 —	Одастъ	отдастъ
193	4 —	треволььненья	треволненья
198	9 снизу	груди	груди?
210	11 —	любитъ	любилъ
211	8 сверху	напоровъ	напоровъ
220	8 снизу	стадальческой	страдальческой
232	7 сверху	многи.	многи,
247	2 снизу	семьей.	семьей,
256	1 —	Даютси волѣ	Даются волей
258	7 —	агіорита *).	агіорита *)
260	15 сверху	воскрикнулъ	вскрикнулъ
	4 снизу	хочешь, ты	хочешь ты

Изданія Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

Письма святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской, съ портретомъ автора и видомъ келліи его, съ приложеніемъ его біографіи и келейныхъ записокъ. Изданіе 8-е. Москва. 1895 г. Одинъ большой томъ въ трехъ частяхъ. Цѣна 1 руб. 80 коп., съ перес. 2 руб. 10 коп.

Авторъ „Писемъ о св. горѣ Аѳонской“ іеромонахъ Серафимъ, въ схимѣ Сергій, извѣстный многимъ подъ именемъ Святогорца, скончался въ Руснкѣ 17 декабря 1853 г.—По выходѣ въ свѣтъ его „Писемъ“ въ 1850 году, много сдѣлано въ разныхъ журналахъ того времени прекрасныхъ отзывовъ о нихъ. Важнѣйшее и неоспоримое достоинство этой замѣчательной книги, - говорится въ „Отеч. Запискахъ“—состоитъ именно въ томъ, что авторъ слегка только мимоходомъ говоритъ о предметахъ, обращавшихъ до сихъ поръ исключительное вниманіе свѣтскихъ путешественниковъ; но вмѣсто того описываетъ подробно и съ неподражаемымъ увлеченіемъ все, что касается внутренняго, духовнаго значенія отшельнической жизни. Онъ очень подробно описываетъ свои набожныя впечатлѣнія при видѣ высокихъ подвиговъ религіозной жизни, передаетъ извѣстія о важнѣйшихъ киновіатахъ и отшельникахъ, объ ихъ подвижничествѣ, о былыхъ дѣяніяхъ и настоящихъ чудесахъ обителей, разсказываетъ духовныя легенды и біографіи замѣчательныхъ монаховъ. Книга его отличается такими поэтическими красотами и такимъ популярнымъ краснорѣчіемъ, что многія страницы перечитываешь по нѣскольку разъ, не зная чѣмъ болѣе восхищаться: интереснымъ ли содержаніемъ книги или ея увлекательнымъ изложеніемъ.

Въ другомъ журналѣ письма Святогорца названы „полными истиннаго вдохновенія, религіозной занимательности и глубокаго чувства. Слогъ Святогорца чистый, легкій, со всѣми условіями современнаго вкуса, такъ-что письма его увлекаютъ, и для всѣхъ сословій, для каждаго пола и возраста могутъ доставить истинное наслажденіе, трогательное убѣжденіе къ возрожденію духа отъ жизни земной и суетной къ жизни новой, небесной, къ благодатнымъ чувствамъ умиленія и увѣренности въ любви, въ благости Божіей и въ неистощимости чудесныхъ силъ нашего Бога въ настоящее время“. (В. М. Г. II. 1850 г).

Стихотворенія святогорца, собранныя послѣ его смерти и посвященныя любителямъ и благотворителямъ святой горы Аѳонской. Изданіе 7-е. Москва. 1903 г Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Маргаритъ или избранныя душеспасительныя изреченія, руководящія къ вѣчному блаженству, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ бесѣдъ, относящихся исключительно къ женскимъ обителямъ. Покойнаго Аѳонскаго іеромонаха Арсенія. Изданіе 5-е, дополненное. Москва. 1898 г. Цѣна 40 коп., съ пере сылкой 50 коп.

Путеводитель въ святый градъ Іерусалимъ, ко гробу Господню и прочим св. мѣстамъ, и на Синай. Сочиненіе покойнаго аѳонскаго іеромонаха Арсенія При описаніи мѣстъ, запечатлѣнныхъ страданіями Спасителя міра, изложен въ возможной полнотѣ описаніе и самыхъ священныхъ событій, совершив шихся на мѣстахъ этихъ. Съ 55 рисунками и картою Палестины. Издані 7-е, исправленное и дополненное. Москва. 1899 г. Цѣна 60 коп., съ пере сылкой 80 коп.

Сіонскій пѣснопѣвецъ, съ 6-ю рисунками. Изданіе 2-е. Москва. 1902 г. Цѣна 30 к., съ перес. 40 к.

Въ свѣтлыя и грустныя минуты. Собраніе стихотвореній. Съ 10-ю рису ками и пятью портретами. Москва. 1902 г. Цѣна 40 к., съ перес. 50 к.

Вышній покровъ надъ Аѳономъ, или сказанія о святыхъ чудотворныхъ н Аѳонѣ прославившихся иконахъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Бо жіихъ. Съ 41 изображеніемъ чудотворныхъ иконъ. Описаніе иконъ этихъ бывшихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій являетъ милосердіе Пресвятой Бо городицы къ земному ея удѣлу, св. Аѳонской горѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ знако митъ читателя съ замѣчательными событіями, совершившимися на св. Аѳон отъ прославленныхъ чудотвореніями иконъ. Изданіе 9-е, исправленное и до полненное. Москва. 1902 года. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

Аѳонскій патерикъ, или жизнеописанія святыхъ на святой Аѳонской гор просіявшихъ, съ литографированнымъ изображеніемъ ихъ. Въ 2-хъ частях (Болѣе 1000 страницъ большаго формата). Изданіе 7-е. Москва. 1897 г. Цѣ 3 р. 20 к., съ перес. 3 р. 80 к. Книга эта вполнѣ знакомитъ съ Аѳонским подвижниками древнихъ и среднихъ вѣковъ; въ ней описаны житія около с св. угодниковъ Божіихъ.

Письма святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Аѳонской, съ по третомъ автора и видомъ келліи его, съ приложеніемъ его біографіи и к лейныхъ записокъ. Изд. 8-е. Москва. 1895 г. Одинъ большой томъ въ трех частяхъ. Цѣна 1 р 80 к., съ перес. 2 р. 10 к.

Путеводитель по св. Аѳонской горѣ и указатель ея святынь и прочихъ дост памятностей. Съ 31 видами монастырей и скитовъ и картою Аѳона. Издан 8-е. Москва. 1902 г.; цѣна 75 к., съ пересылкой 1 руб.

Путеводитель по оной же св. горѣ (въ маломъ форматѣ, сокращенный Изданіе 4-е. Москва. 1900 г.; цѣна 10 к., съ перес. 15 к.

Св. гора Аѳонъ, земной удѣлъ Божіей Матери, мѣстность и обитатели е Съ краткимъ очеркомъ Русскаго Пантелеимонова монастыря. Изданіе 13- Москва. 1902 г.; цѣна 6 к., съ перес. 8 к.

Сказаніе о св. горѣ Аѳонской, объясняющее причину названія ея „святои и „жребіемъ Богоматери". Стефана святогорца (изъ рукописи Троице-Сергі вой лавры второй половины XV столѣтія). Изданіе 5-е. Москва. 1897 г цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Три древнихъ сказанія о св. горѣ Аѳонской и краткое описаніе св. гор составленное въ *первое посѣщеніе Василіемъ Барскимъ* (1725—1726 г.). Издан 2-е. Москва. 1895 г; цѣна 20 коп., съ пересылкой 30 к.

Второе посѣщеніе св. Аѳонской горы Васильемъ Григоровичемъ — Барскимъ, имъ самимъ описанное, болѣе подробное, съ 32-мя собственноручными его рисунками и картою Аѳонской горы. С. П. Б. 1887 г.; цѣна 3 р., с... ресылкой 3 р. 50 к.

Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона в... горѣ Аѳонской. Изданіе 7-е, исправленное и значительно дополненно... 14 рисунками, отпечатанными на веленевой бумагѣ, и фотографическимъ ... третомъ почившаго старца, духовника іеромонаха Іеронима. 1885 г.; ... 1 р., съ пересылкой 1 р. 30 к.

Слово любви Н. А. Благовѣщенскому, автору книги „Аѳонъ. Путевыя ... чатлѣнія". Изданіе 6-е. Москва. 1899 г.; цѣна 5 к., съ перес. 7 к.

Изъ Аѳонскихъ отголосковъ 1873—1874 гг. С. П. Москва. 1902 г.; цѣна 3 к., съ перес. 5 к.

Стихотворенія святогорца, собранныя послѣ его смерти и посвященныя любителямъ и благотворителямъ Святой горы Аѳонской Изданіе 7-е. Москва. 1903 г. Цѣна 40 к., съ перес. 50 коп.

Кромѣ означенныхъ здѣсь книгъ издано Аѳонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ еще много разныхъ мелкихъ книжекъ, брошюръ и листковъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ, особо отпечатанномъ.

Примѣчаніе: Пересылка книгъ по означеннымъ въ каталогѣ цѣнамъ возможна только на разстояніи не далѣе 2000 верстъ (слѣдовательно *кромѣ Кавказа и Сибири*), а далѣе просимъ прибавлять на каждый *рубль* и за каждую 1000 верстъ еще по 10 к.

КНИГИ ЭТИ ПРОДАЮТСЯ:

Въ *С.-Петербургѣ*, на Ново-Аѳонскомъ подворьѣ, на углу Забалканскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка.

С.-Петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, въ Александро-Невской Лаврѣ.

Въ Синодальной книжной лавкѣ, въ зданіи Св. Синода, на Петровской площади.

Въ книжномъ магазинѣ *И. Л. Тузова*, Садовая улица, Гостинный дворъ, № 45.

Въ Москвѣ: въ складѣ отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, на Петровкѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ

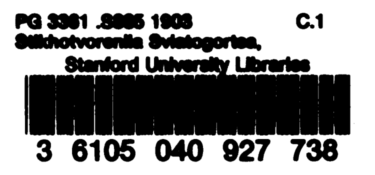
А также въ книжномъ магазинѣ *Алексѣя Дмитріевича Ступина*, на Никольской улицѣ.

СКЛАДЪ изданія при Аѳонской часовнѣ св. великомученика Пантелеимона, въ Москвѣ, на Никольск. ул., у Владимірскихъ воротъ.

Желающіе выписывать книги, или св. иконы и изображенія на бумагѣ съ св. Аѳонской горы, Пантелеимонова монастыря, благоволятъ адресовать такъ:

Въ г. *Одессу*, на Аѳонское подворье, довѣренному Русскаго Пантелеимонова монастыря, для пересылки на Аѳонъ, Настоятелю онаго монастыря, **Архимандриту Нифонту** съ братіею.

Цѣна 40 коп., съ пересылкой 50 коп.


PG 3361 .S865 1903 C.1
Stikhotvoreniia Sviatogortsa,
Stanford University Libraries
3 6105 040 927 738